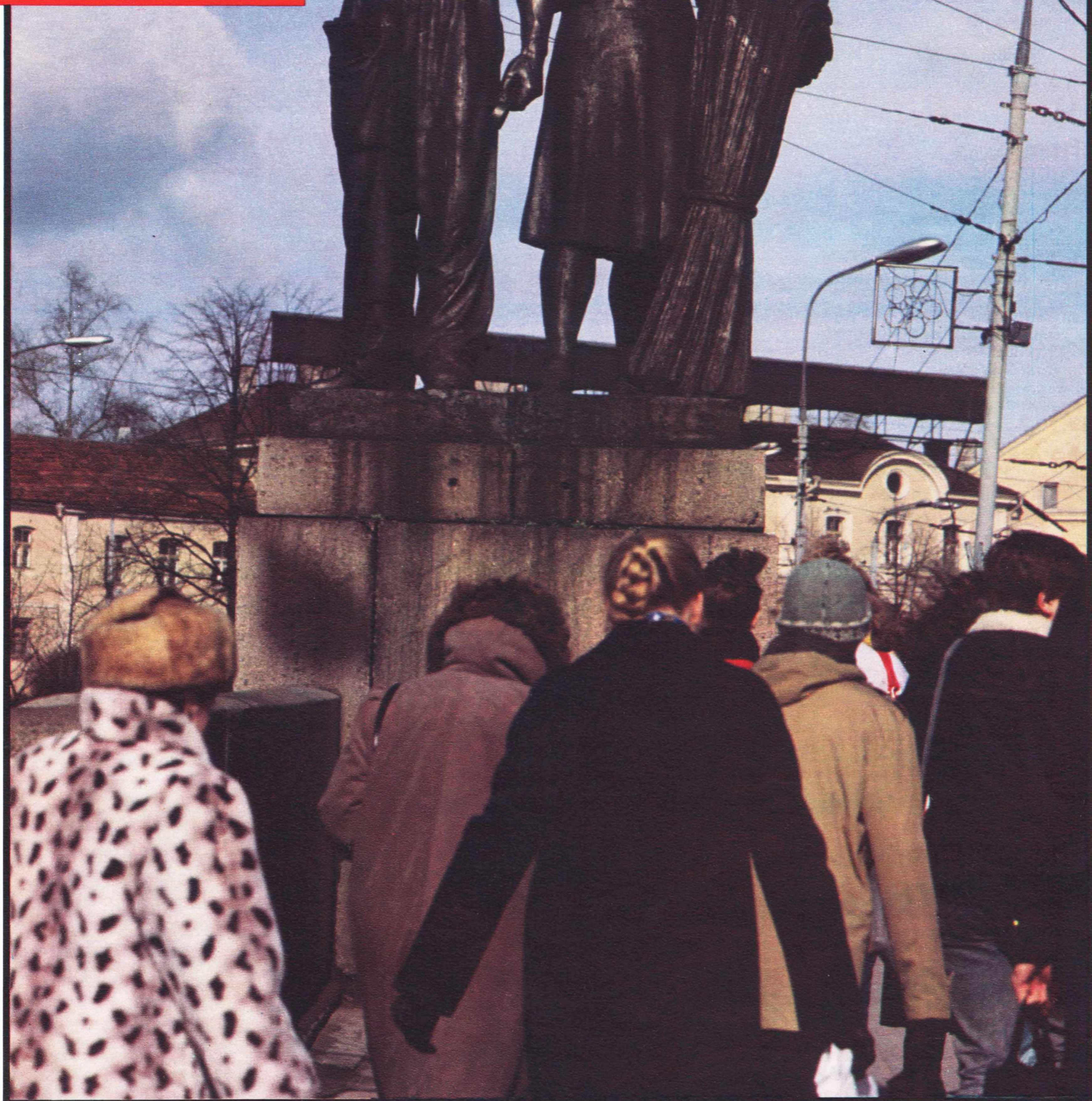
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 11 МАРТ 1991

9 МАРТА. ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА



ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 11 (3321)
9 — 16 марта

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

После праздника.
Фото Владимира СУМОВСКОГО

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 18.02.91. Подписано к печати 04.03.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 188. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

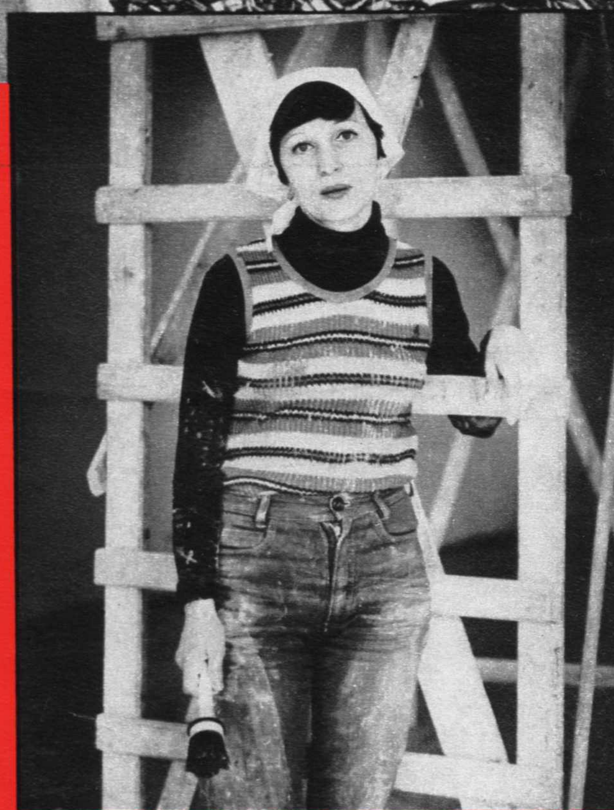
Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

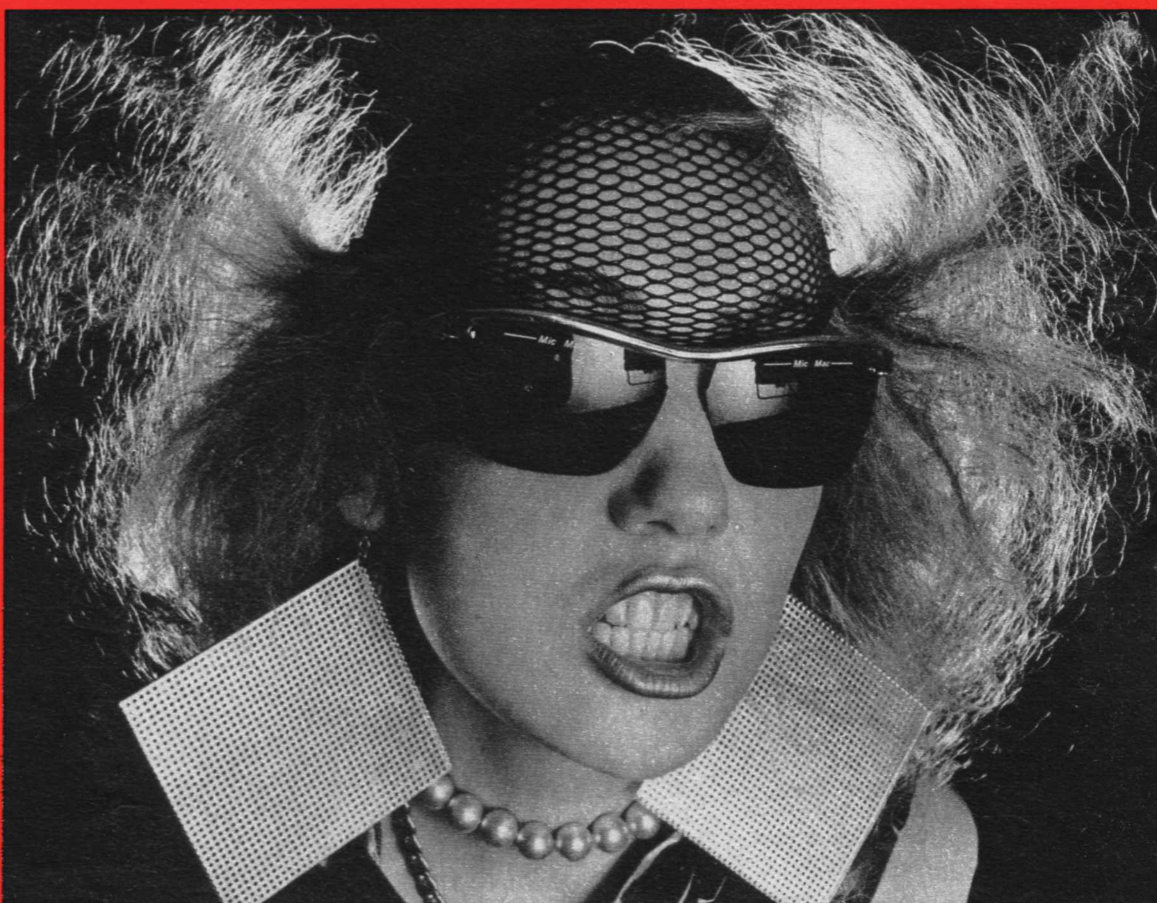
Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото: Евгения АКСЕНОВА (Ижевск), Льва ГЕЛЬДЕРМАНА (Мурманск), Олега ДЕРИГЛАЗОВА (Прокопьевск) и Геннадия САВКИНА (Саратов).



Мне хочется написать о завтрашнем дне.

Вот праздник и прошел. Надежда праздников в том, что они наступают, предательство праздников в том, что они проходят. Сохнут в вазочках вчерашние гвоздички, забываются странные слова, которые были после: «Я желаю тебе...». И по всей державе хрипят будильники, воют сирены, орут командиры, трясут за плечико рефе-



ренты, наяривают петухи. И тогда просыпаются сталевары, солдаты, заключенные, президенты, колхозники и щипают небритую щеку перед зеркалом — девятое марта, завтрашний день. И почему мы так одиноки?

Почему так быстро сгорают наши женщины, мобилизованные и раздавленные бесполыми, жестокими временами всенародных битв? Почему между девчонкой и бабой нет другого возраста, а красота вкалывает за валюту на экспорт, а ум несчастно и одиноко прозябает в шамкающем президиуме в мужском пиджаке или стучит кулачком по трибуне в дежурной истерике, а порядочная красота и красивый ум затерялись где-то в прошлых веках, а доставшиеся на нашу долю крохи выманивает к себе заграница, обещая сытое житье, долгую красоту, безбедную старость и выбор любой, а не только, в какую очередь встать, а в забытых деревнях хранят последние песни народа древние старухи, которых некому сменить?..

Куда-то деваются наши женщины. Почему-то их очень немного.

Женщины просто бросают нас.

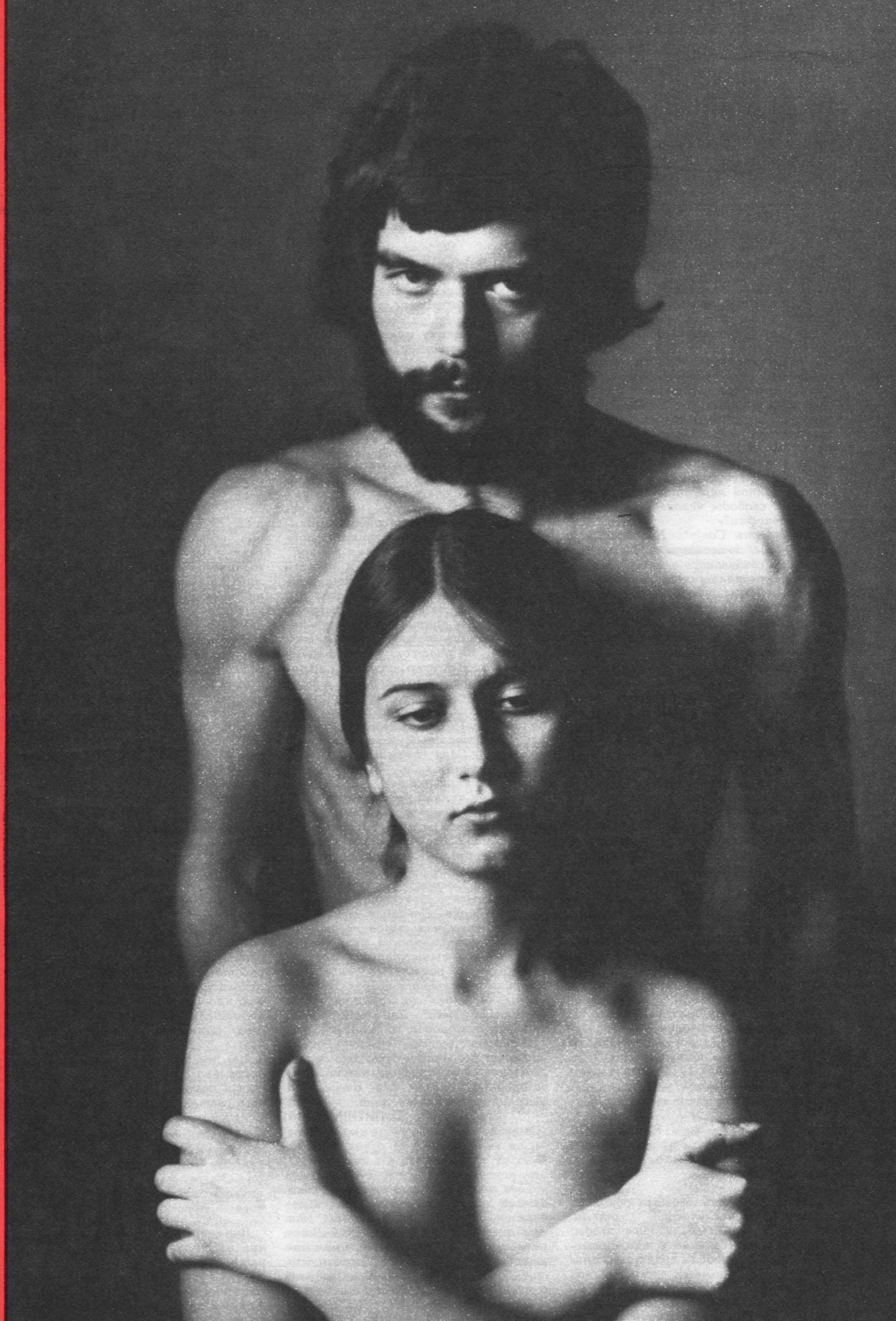
Не бросайте, не оставляйте нас одних! Вы — наше единственное слабое место, убежище, в котором мы еще мальчики, несущие к маме разбитые колени; юные гении, томящиеся перед заветными дверьми; усталые герои, которых надо утешать; мудрые старики, которым пора вспоминать. А вы умеете прятать от жизни. Вы умеете прятать от смерти. Хоть по вас бьет рикошетом наша судьба, вы все равно говорите: утро вечера мудренее, мы тогда не сдаемся. И не так страшно, если мы потеряем силу и прыть и сгинем куда-то. Страшно, если уйдете вы — дыхание и радость наших светлых дней, неподвластные седине и морщинам, умеющие исчезать неприметно — как птицы — и оставаться молодыми, вечными — хотя бы в снах. И ведь самое ценное в итоге не ордена, уснувшие вечным сном на подушечках красных, а глупое такое воспоминание, что вот было когда-то восьмое марта и мчался ты на рынок, считая в потном кулаке заветную сумму, мучился у прилавка, а потом мимоза осыпалась и цветы ее, как желтая, золотая дробь, еще долго находились на дне сумки, а тогда ты ехал в автобусе, пряча букетик от окружающих спин, и на тебя глядело пол-автобуса... ну и все такое.

Потерпите еще с нами немного, вами начинается весна, и клочьями тумана зацветут сады, с отважной и наивной щедростью осыпая белыми лепестками пыльные тротуары, как свадебными монетками, и поливальные машины пенным лемехом будут вымывать на дорогах влажную, шоколадную кайму и мучительно зацветет черемуха — и тогда мы поймем, что народ — это женщины. Что всенародное счастье начинается счастьем женщины, которая рядом с тобой. Что прежде всего мы — мужчины и женщины. И должны делать друг друга счастливыми. И больше ничего никому не должны.

Это обязательно будет. Наверное.

Подождем до завтра.

Александр ТЕРЕХОВ



ЦВЕТ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

■

Я почти не сомневаюсь, что итоги предстоящего общесоюзного референдума на долгие годы станут политической ловушкой для демократии.

Можно ли сохранить то, чего нет и никогда не было? 17 марта 1991 года перед принимающими участие в референдуме будет поставлен вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»

Сохранить Союз?.. Но вспомним, что наше многонациональное государство создавалось в 1922—1940 годах в условиях личной власти и жесткой диктатуры. Это исключало свободу волеизъявления людей, включаемых в державу государственных образований. Следовательно, никакого союза государств не было, так как любой союз — это прежде всего свобода и равенство. Нет и сейчас. Как желать сохранить то, чего нет?

Но это не все. Голосуя за Союз, мы одновременно должны подтвердить и социалистический характер этого союза. Вспомним, что народ наш никогда не был хозяином так называемой общенародной собственности, распоряжалась ей партийно-элитарно-командная система.

В вопрос, выносимый на всенародное голосование, внедрено и предложение затвердить и форму государственного образования — федерацию. Федерация, правда, именуется обновленной, но фраза об этом звучит как предложение сохранить все в нынешнем виде. Участникам референдума остается лишь сказать «да» и этим положить конец и развитию суверенитетов, и праву наций на самоопределение, и обновлению.

Если же освободить вопрос от обкатанного многословия, то зазвучит он крайне просто: хотите ли Вы сохранить в нашей стране державу образца 1936/1977 годов с некоторым подновлением?

Нет! Не хочу.

Р. СТЕПАНОВ
Саратов

■

Этот сосновый лес был одной из достопримечательностей округи. Летом люди собирали там ягоды; ребята, отдыхающие в пионерлагере «Дружба», любили гулять на пригорке среди огромных сосен, откуда открывается прекрасный вид на окрестности. Лес пользовался любовью и вниманием жителей деревни Лопатино. Даже в годы Великой Отечественной войны, когда ощущалась нехватка дров, в сосновом бору не было срублено ни одного дерева.

Но вдруг нежданно грянула беда... Приехали солдаты, обнесли участок леса на пригорке глухим забором, завезли стройматериалы, поставили круглосуточную охрану. В общем, началось строительство некоего таинственного объекта, весьма напоминающего дачу — да не простую, а для высокопоставленного лица. Работники Видновского лесопарка всполошились — все эти манипуляции были проделаны без их ведома. Лесники, ответственные за этот участок леса, захотели узнать, что это там будет за особо секретный объект и почему именно среди ценных сосен, которых и так осталось очень мало.

Вскоре пришла из исполкома бумага, в которой четко и ясно говорилось, что разрешение есть и строится среди сосен профилакторий для воинов-интернационалистов. Выяснилась и еще одна любопытная деталь. Оказывается, все хозяйственные стоки будут производиться на очистные сооружения пионерлагеря «Дружба», находящиеся в трех метрах от реки Гвоздянки, и в случае переполнения отстойников лагеря пойдут прямо в воду!

Да-а, профилакторий для «афганцев» — аргумент очень веский. Ведь в этом случае все «мелочные» попытки лесников спасти от вырубки редкий лес — ничто! Но тут хочется вспомнить такой факт: в свое время этот участок просили выделить пионерлагерю (кстати, стоящему в овраге, на болоте), но им было отказано все по той же причине — чтобы сохранить лес. А тут что получается? Таинственному комплексу (двухэтажный особняк, баня, помещение для служащих, столовая), строящемуся военно-строительным управлением КГБ СССР, приказом Совмина был выделен участок среди редкого леса, как говорится, единым росчерком пера! И самое обидное то, что, если бы они сначала пришли и посоветовались с лесниками, им бы отвели участок леса, где можно разворачивать строительство без особого ущерба для лесопарка. Поневоле возникает вопрос: зачем нам тогда лесопарковые хозяйства, лесники, если раздача участков вышестоящим организациям под различного вида постройки производится без всякого контроля и без согласования с работниками леса? Для чего тогда столько разговоров об экологии?

И так как лес уже не спасти, очень хотелось бы верить, что это будет действительно профилакторий, а не загородный домик для очередного высокопоставленного лица.

О. ПИТИРИМОВА
Москва

■

Года полтора назад генералов озадачили вопросом: сколько мы тратим на вооружения? Сейчас эта сумма известна — 96 млрд. руб. Вторая скрывается, но, по оценкам западных экспертов, ВПК поглощает еще более 120 млрд. руб. в год, не считая валютных вложений.

Не из бюджета МО СССР, а из государственного котла черпают средства на оборону режимные министерства, предприятия, цеха. Эта рать составляет беспогонный военно-промышленный комплекс.

В американском журнале «AIR FORCE MAGASINE» приведена сводная таблица американских и советских ядерных вооружений — слева США, справа СССР. Слева пусто, справа густо. Это значит: на каждый один американский тип вооружений мы имеем в среднем примерно два-три наших. Но изготовленных малыми сериями. Здесь-то и зарыта собака.

Каждый тип стратегических вооружений — это не одиночная ракета. Это комплекс — стартовые позиции, командные пункты, средства управления. За каждым «еще одним» типом вооружений тянутся длинющие хвосты дополнительных затрат. И, самое замечательное (замечательное для ВПК), все это никак не сказывается на общем количестве вооружений, никакие ограничения не нарушает.

Генералы могли бы на это возразить: мол, не мы делаем, мы эксплуатируем то, что вы производите. Но ведь понятно: много образцов — много лауреатов и генералов. Рядовых специалистов понять можно: они убежденно всю жизнь делали святое дело, крепили оборону. Другого ничего делать не умеют. Как самого себя высечь? Сюда-то и летят наши оборонные денежки. А корни еще глубже — в общей ориентации нашей оборонной деятельности.

Американцы понимают, что даже в отдаленном будущем невозможно создать реальную, эффективную систему СОИ. Ее и не делают, но над ней работают. Не СОИ сама по себе, а многочисленные находки на пути к ней, опробованные научные идеи, отработанные технические решения — вот что является действительной ценностью. И все это у них оплачивает Пентагон.

Вдруг созреет какая потребность — из заранее отработанных элементов быстренько соберут достаточный минимум.

Строго говоря, американцы не имеют оформленного ВПК. Военный заказ — это жирный кусок не с общего народного стола, а из единожды утвержденного бюджета министерства обороны. Выдается он скупо, но на выгодных условиях. Фирмы-подрядчики рвут его друг у друга, работают быстро и качественно. Узкоспециализированных на военную продукцию министерств со своим отдельным бюджетом, вроде нашего Минобщемаша, у них вообще нет.

Мы же задачу обороны понимаем буквально: военная промышленность нужна, чтобы создавать боевые системы; армия нужна, чтобы их эксплуатировать. И все-таки — сколько же мы тратим на оборону?

И. СКЛЯРОВ,
кандидат техн. наук, доцент
Реутов

■

Внимательно читаю выступления на страницах «Огонька», посвященные переходу к рыночной экономике. Я сама пенсионерка, и меня, естественно, волнует наш прожиточный уровень в условиях новой экономической политики. Ведь пенсия у основной массы пенсионеров начислена из мизерной по нынешним временам зарплаты, а по новому закону останется на уровне 100—150 руб., а это нищета. При рыночной экономике будут неплохо жить лишь те, кто владеет хоть маленькой, но собственностью.

Сейчас много пишется и говорится о приватизации государственной собственности, передаче ее трудовым коллективам или продаже в частные руки. Это означает, что и те, и другие будут иметь собственность в виде акций или целых предприятий и получать дивиденды от прибыли. А что же пенсионерам? Ведь их труд вложен в государственную собственность. Почему же их отбрасывают теперь, как ненужный хлам, чем же им жить — подачками? Они тоже имеют право на свою долю собственности из общегосударственной.

Мне кажется, что каждый пенсионер, конечно, в зависимости от его трудового стажа, имеет право получить от государства акции или другие ценные бумаги, которые он мог бы продать или вложить в какое-то предприятие, чтобы иметь дивиденды, на которые мог бы существовать, то есть скромно, но жить. Мне кажется, что над этим стоит задуматься нашим депутатам.

Н. ГАЛИТА
Туапсе

■

В последнее время наше общество перестали удивлять летающие тарелки, общения с инопланетянами и другие чудеса, ранее не доступные нашему сознанию. Но если бы наряду с конкурсами красоты проводились конкурсы чудес, то пальму первенства с торжественным помещением в «Книгу рекордов Гиннесса», несомненно, завоевали бы наши законодательные органы.

В годы застоя за коммерческое посредничество (ст. 153 УК РСФСР) полагалось до трех лет лишения свободы. Сегодня же без этого элемента нормального функционирования общества невозможно даже представить себе переход к рыночным отношениям. Сделав неимоверный рывок навстречу рынку, наши предприимчивые законодатели поднатужились и внесли изменения в Уголовный кодекс РСФСР с учетом запросов сегодняшнего дня.

Уважаемые коммерческие посредники! В годы застоя вас могли засадить в тюрьму на срок до трех лет. Теперь же, по Кодексу 1990 года издания, вы имеете шанс получить... все десять!

Г. СЕЧКИН
Москва

■

Не могу не поделиться мыслями, появившимися после прочтения в ивановской областной газете «Рабочий край» серии материалов, точнее, писем партократов, дискредитирующих Б. Н. Ельцина и многие принимаемые им и его правительством решения. Такая же тема звучит и в передачах областного радио. После этого остается неприятное ощущение от того, что вновь и вновь партократы пытаются навязать своим согражданам идеи партийной верхушки о «советском, социалистическом, светлом будущем». Особенно неестественным выглядит коллективный труд, подписанный 34 партийными боссами промышленных предприятий чуть ли не всех районов области. Суть письма — в неприемлемости партийцами новой концепции Конституции РСФСР. Но вместо конструктивных предложений идет очернительство Ельцина, ядовито названного «очередным вождем народа».

ФЕМИДА ГОТОВИТСЯ К РЫНКУ? ●
ОБЩЕСОЮЗНЫЙ РЕФЕРЕНДУМ: БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ВЫБОР? ●
НЕ ЗАДАВАЙТЕ ВОПРОСОВ ГЕНЕРАЛАМ ●
А ПОЧЕМУ МЕНЯ БЕСПЛАТНО КОРМЯТ? ●

Исковерканной идеологией коммунизма нас «кормили» с детского сада, «вдалбливали» в школе, не допуская инакомыслия, запугивали в вузе и угрожали на работе всевозможными карами. Все это и ущемляло наши права на полную свободу во всех отношениях. Сейчас же, когда диктат КПСС уже невозможен, партократы пытаются через средства массовой информации, выступающие якобы от народа, но ничего общего с ним не имеющие, настроить народ против предстоящих реформ в России.

В. СОЛОВЬЕВ
Иваново

■

Мне кажется, программа «АнтиСПИД» определяется следующими факторами: получением достаточных средств для приобретения инструмента, диагностикумов, строительства или переоборудования предприятий, а также повышением санитарной культуры населения, что в конце концов упирается в деньги. А их-то и недостаточно. У меня есть конкретное предложение по дополнительному финансированию нашего здравоохранения, в том числе и для «АнтиСПИДа».

Пролежав два с лишним месяца в больнице, я не мог не задать себе вопрос: «А почему меня бесплатно кормят?» Я, как и многие мои сограждане, зарабатываю достаточно, чтобы оплачивать свое питание самому, а не отрывать на это кусок от нищенского бюджета здравоохранения.

При выдаче «больничного листка» в нем должны быть указаны нормативная стоимость питания и, конечно, количество дней, проведенных в стационаре. А затем, при оплате этого листка, бухгалтерия выдает на руки работнику все, что ему начислено, за вычетом стоимости питания, которая перечисляется в фонд Минздрава.

При такой системе социальная защита малообеспеченной части населения осуществляется в основном автоматически: пенсионеры, студенты и дети «больничных листков» не получают и, следовательно, ничего платить не будут. Кроме них, могут быть освобождены от оплаты и те из работающих, кто пользуется льготами по налогообложению, а также — полностью или частично — низкооплачиваемые, например, получающие зарплату, не превышающую двух минимумов. И наконец, в ряде случаев эти расходы мог бы полностью или частично компенсировать работнику его профсоюз. Я полагаю, что при детальной юридической разработке моего предложения разрешатся вопросы и для лиц свободных профессий, и для тех, кто занимается индивидуальной деятельностью, и для кооператоров. Мне бы хотелось, чтобы этот вопрос не остался без внимания общественности.

А. БОГИН,
научный сотрудник,
58 лет
Ленинград

■

Древние говорили: «Единожды солгавший, кто тебе поверит?» Вот конкретный пример. Мой сослуживец — политработник, старший лейтенант Г. Григорьев — решил уволиться из армии. Он уверен, что в гражданской жизни у него и заработки будут больше, и нервы целее. Можно ли его упрекать в стремлении найти лучшую долю? Но руководство заявило, что уволить его можно только за дискредитацию звания офицера и коммуниста. И вот он осужден судом чести младших офицеров и исключен из рядов КПСС именно с такой формулировкой. И это при том, что в учетной партийной карточке Григорьева не было ни одного занесенного взыскания!

Зачем же нужны эти ложь и очернительство? Да затем, чтобы высокие военные начальники могли, не утруждая себя работой по реальному улучшению условий жизни и службы младших офицеров, объяснить их уход из армии их низким морально-политическим уровнем. Дескать, порядочные служат, а непорядочные уходят.

Увидев, как средний по своим деловым и моральным качествам офицер по команде сверху превратился в «дискредитирующий армию элемент», я имею все основания полагать, что и другие офицеры, уволенные из армии с такой формулировкой, тоже жертвы клеветы и произвола руководства.

П. КОРОЛЬ,
офицер, политработник
Болшево

■

Мне хочется рассказать о судьбе молодых инвалидов в Доме для престарелых, громко называемом Домом ветеранов труда. Я познакомилась с ними еще весной прошлого года. Судьба этих ребят потрясла меня.

По сравнению с другими такими же несчастными им живется неплохо — есть у каждого отдельная комната, их кормят. Трагизм в другом — эти ребята не только инвалиды с детства, не только сироты, но и олигофрены, разумеется, только по документам. Они осознают весь трагизм своего положения, стараются изменить что-то, обратить на себя внимание. Вот что рассказал мне признанный лидер этого маленького коллектива инвалидов Игорь Марков:

«Сейчас наше положение в Доме вновь обострилось, несмотря на все мои усилия урегулировать конфликт между администрацией и молодежной группой. Дело в том, что директор нашего пансионата Копылов поставил перед собой цель — убрать всех нас отсюда любыми путями.

Если бы в наших документах значилось, что мы просто инвалиды с детства, бороться с действиями директора можно было бы законным путем, подать в суд и т. д. Но мы с диагнозом «олигофрения в стадии дебильности» совершенно бесправны и беззащитны. Суть конфликта с дирекцией, в сущности, проста — ей не хочется, чтобы мы добились каких-либо перемен в своей жизни, только бы ели, спали, тихо сидели в своих комнатах. Но мы не хотим так жить. Никто не спорит, что многие из нас нуждаются в посторонней помощи, но это не значит, что нас нужно лишить всего того, что свойственно нормальным людям.

Мы хотели бы одного — создать на базе этого интерната первый в Москве малый центр реабилитации, где можно было бы разместить тренажеры, оборудовать разные мастерские. Тогда была бы возможность многим адаптироваться и выйти отсюда в самостоятельную жизнь.

Сейчас я пытаюсь найти связь с Ассоциацией христианских врачей, чтобы она провела независимую экспертизу психического состояния молодых инвалидов. Четверо ребят уже прошли экспертизу независимых психиатров во главе с Ю. С. Савченко. Он сказал, что у ребят никакой олигофрении нет, но есть сильная степень социально-педагогической запущенности. Диагноз, с такой легкостью поставленный нам в детстве, надо снять с инвалидов, по горькой судьбе оказавшихся в домах-интернатах. Это даст возможность многим из нас поступить на курсы и приобрести специальность по желанию и способностям. У многих здесь золотые руки, и они могли бы работать, чувствовать себя людьми».

Многое можно сделать для инвалидов, но кто этим должен заниматься? Время идет, мы, обыкновенные граждане, сочувствуем инвалидам, помогаем, кто чем может, а жизнь у ребят как шла, так и идет — беспросветная и бесправная.

Э. КОРНЕВА,
член Союза журналистов СССР
Москва

■

Написать это письмо нас заставило известие о строительстве ядерного полигона в районе горы Чистоп Пермской области. Гора Чистоп находится в 100 километрах от шахт североуральских бокситовых рудников. Где гарантия, что во время подземного атомного взрыва радиоактивные газы не хлынут по трещинам и разломам в шахты? Жители Североуральска ездят в этот район за грибами и ягодами. Там же ведутся активные лесозаготовки. Север Свердловской и Пермской областей густо населен лагерями, в которых находятся сотни тысяч заключенных. Кроме Североуральска, в этом районе находятся города Ивдель, Волчанск, Карпинск, Краснотурьинск и другие. Очень много поселков. Всех жителей этих районов военно-промышленный комплекс обрекает на болезни.

Мы много и обоснованно говорим о многострадальной Белоруссии. Но давно пора говорить о многострадальном Урале. Речь не о том, что мы остались без самых необходимых продуктов и промтоваров, а о том, что уральцы были и остаются заложниками ВПК. Сейчас уже всем известны факты многих аварий в нашем регионе.

Коллектив школы искусств
К. АЛЕКСЕЕВА,
О. ПОЛИЩУК,
М. МИХАЛЕВА, Н. КАЗАЧЕНКО
и другие.
Всего 45 подписей
Североуральск

■

В декабре прошлого года в Черноморском районе Крымской области прошла однодневная предупредительная забастовка учителей. Одно из требований звучало так: отменить льготы учителям, ранее работавшим в партийных органах.

Сегодня общеизвестна социальная незащищенность учителя в нашем обществе. Льгот никаких, годами нет квартир, в Черноморском районе нет даже общежития. Ставка начинающего учителя с высшим образованием — 130 рублей, со средним специальным — 110, а учителя со стажем 18 и более лет — соответственно 145 и 170 рублей. И если некоторые педагоги получают сегодня 200—250, за редким исключением 300, то это только за счет физической и моральной перегрузок, что сказывается и на здоровье учителя, и на учебном процессе.

Но недавно появилась тончайшая прослойка высокооплачиваемых учителей (со своими твердыми окладами независимо от занятости и стажа педагогической работы). Откуда взялась эта элита? Номенклатурные работники, уволенные по сокращению штатов из рай-, гор-, об-, крайкомов КПСС и исполкомов. Пришли они не только в школы. Сегодня они рассредоточены повсюду, но тем не менее выделяются на общем фоне поистине отеческой заботой о них: за ними сохранены удвоенные в недавние времена оклады.

Получив привилегии в виде спецокладов, не лишились ли эти учителя главного в своей тепершней профессии — быть искренними со своими учениками?

Л. ДУКА, Т. ЧАЛЫХ
Черноморск

Елена БОННЭР

НОВОЕ БЛЮДО ПО СТАРЫМ РЕЦЕПТАМ

В преддверии традиционного женского праздника полезно послушать наших двух соотечественниц, тем более что их суждения носят крайне противоположный и достаточно резкий характер. Политическая обстановка в стране в канун предстоящего 17 марта Референдума о будущем Советского Союза накаляется. С одной стороны, активизируются ведомые КПСС силы, обладающие абсолютной властью в стране и решительно добивающиеся сохранения Союза, с другой — нарастает движение сторонников резких и неотложных перемен, предлагающих распустить Съезд народных депутатов СССР, упразднить институт президентства и передать власть республикам. За кем пойдет народ — вот вопрос вопросов. Опыт выборов в народные депутаты разных уровней, особенно на местах, свидетельствует, что партийные аппараты для достижения своих целей умеют оказывать активный нажим на население. Удастся ли им 17 марта заставить всех поголовно сказать «да!»?

Книжка — 64 страницы. Цена — 5 копеек. Пока не дефицит. Название — «Конституция Союза Советских Социалистических Республик». Подзаголовок — «Основной Закон».

Вспоминаю избрание Андрея Сахарова в Конституционную комиссию. Легкость необычайная показала, что высокое собрание оценивает Конституцию согласно номиналу.

Маршал Язов, видимо, не читал. Президент уверяет, что в Вильнюсе армия ее защищала. Круг чтения маршалов не моя забота. С Президентом сложней. В Конституции есть статья, на которую он мог бы опереться (ст. 31): «...в целях защиты социалистических завоеваний, мирного труда советского народа, суверенитета и территориальной целостности государства созданы Вооруженные Силы СССР...» (сколько ни бьюсь, никак не могу понять, почему эти силы пишутся с большой буквы.— **Е. Б.**). Можно бы считать, что Литва разрушает территориальную целостность. Но получается — с больной головы на здоровую...

В марте прошлого года Президент (и вся королевская рать) фактически разрушил Конституцию, нарушив статью, на основании которой Союз был создан (существовавшую и в Конституции 1924 года, и в сталинской 1936-го под номером 17). Это статья 72: «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР». На основании этой статьи Литва вышла из Союза. Не буду касаться вопроса о том, как Литва (а также Латвия, Эстония, Бессарабия, Западная Украина, Тува) стала советской. Ключевые слова статьи «свободный выход» дают право любой республике самой (это — ее внутреннее дело) решить, как выходить — решением Президента, парламента или после референдума. Эти же слова лишают Президента возможности требовать с республики хоть рубль, хоть 30 миллиардов. Да и стоит ли считаться при нашей истории? Сколько литовцев после «добровольного присоединения» упокоилось в якутской земле? И почем каждая (их, литовцев) человеческая жизнь?

Если бы Президент вчитался в текст статьи 72 и вместо блокады, моратория, десантников, крови нашел бы цивилизованное решение с учетом взаимных интересов — экономических, оборонных и защиты прав всех граждан, в стране началась бы перестройка. И Союз возможно было бы сохранить, правда, другой: на основании нового мышления. И на основании этого же мышления еще раньше надо было думать, что ему соответствует — нерушимость границ (внутри Союза) или право на самоопределение. И может, не сменился бы за столь короткий отрезок исторического времени лозунг митинга «Горбачев — да!» (Ереван, 1988) на сегодняшние, которые не привожу, дабы не подпасть под действие небезызвестного Указа.

И еще о новом мышлении. Передо мной проект декларации, предложенный Дем. Россией. Один из пунктов — «нерушимость существующих государственных границ и отказ от любых территориальных претензий». Опять двадцать пять, господа демократы! А почему (к примеру) не референдум на спорных территориях? С участием всех проживавших там на момент возникновения конфликта, ну хотя бы в тех регионах, где более половины населения — другой национальности, конфессии или даже только иноязычное? Я не утратила веры в разумный эгоизм народов, которые с вашей интеллектуальной или еще какой-нибудь помощью или, может, без нее смогут разобраться между собой, лишь бы не встревали между ними автомат и «руководящая сила» и любые амбиции как новых, так и старых политиков.

Но это все о прошлом. А я взялась за эту статью, думая о будущем. Еще до Вильнюса и Риги. После того как 24 но-

Нина АНДРЕЕВА

ОСТАНОВИТЬ РАЗВАЛ СОВЕТСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Признаюсь, не без колебаний откликнулась на предложение «Огонька» изложить свои взгляды на предстоящий Референдум о будущем СССР. Наше Всесоюзное общество «Единство — за ленинизм и коммунистические идеалы» не может жаловаться на отсутствие внимания к себе со стороны этого популярного журнала. Однако до сих пор на его страницах речь шла в основном лишь «о нас». Предложение высказать нам свои собственные взгляды, будем надеяться, означает стремление редакции обогатить палитру предлагаемых читателю мнений, выйти за пределы надоевшего одностороннего плюрализма. Можно лишь поблагодарить за предоставленную возможность изложить позицию «Единства» по коренному вопросу, от решения которого во многом будет зависеть не только судьба ныне живущих, но и будущих поколений людей, населяющих территорию, почти семь десятилетий гордо именуемую Советским Союзом.

Итак, быть или не быть нашему единому многонациональному социалистическому Отечеству? Даже в первые годы перестройки сама постановка вопроса о таком Референдуме могла оцениваться как кощунственная и нереальная. Да и сегодня сообщение о нем было встречено далеко не однозначно. Большинство трудящихся было ошарашено вопросом «быть или не быть?». Сколько раз им приходилось его решать после Октябрьской революции? Притом не «стрельбой» бюллетенями в урны на избирательных участках, а беззаветным самоотверженным трудом, кровью и жизнями десятков миллионов советских людей, в жестоких боях отстаивавших свою Советскую Родину, поднимавших ее из руин послевоенных разрух, посылавших «детей разных народов» в космос, готовивших их к Труду и Обороне с уважением к своему непростому славному революционному прошлому.

Многим людям труда от Калининграда до Камчатки, от Кушки до Мурманска совершенно непонятно, в чем провинился Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик, заключенный в 1922 году. Договор, на базе которого родился такой выдающийся исторический феномен, как дружба народов, впитавшая в себя их взаимное доверие, мирное сожительство, братское сотрудничество и взаимопомощь. Советский опыт интернационального общения до последнего времени являлся ориентиром для многих

ября от имени Президента был опубликован проект нового Союзного договора для всенародного обсуждения, а 18 января, когда появилось в «Известиях» постановление о Референдуме, поняла, что откладывать нет времени. Я тоже, между прочим, народ. Его одна трехсотмиллионная. И я обсуждаю — не для дяди, а для себя! Причем исходя не из каких-то отвлеченных принципов, а из своего собственного, которому следую всю жизнь: не рассуждать о том, что должен сделать кто-то, а решать, что должна делать я.

Преамбула проекта Союзного договора. Двадцать коротких строк, в которых субъекты Договора, «извлекая уроки из прошлого... решили на новых началах построить свои отношения в Союзе Суверенных Советских Республик».

Основные принципы (раздел 1): республики — суверенные государства, «признающие неотчуждаемое право каждого народа на самоопределение», и «признают важнейшим принципом своего объединения приоритет прав человека, провозглашенных во Всеобщей Декларации ООН и международных пактах».

Прочитав преамбулу и принципы, подумала: может, зря я такая «Фома неверующий», и там, где творят проекты, к нам (народу) имеют хоть минимум уважения. И, слава Богу, нет этого тошнотного словосочетания «обновленный Союз». Однако, дочитав проект до конца, ошеломленно поняла, что нас все еще держат за недоумков и уважение от властей предержащих народу пока не светит. Итак, Устройство Союза (раздел 2). Провозглашенное в принципах право наций на самоопределение исчезло, уступив (в который раз!) сталинской нерушимости границ.

Суверенитет республик? Загляните в Конституцию 36-го или 77-го годов — все равно. Там тоже республики — суверенные государства. Чего же Президент пугается и нас пугает «парадом суверенитетов»? Привычное слово и пустое понятие — во всяком случае, на сегодня. И чего республикам было так торжественно его провозглашать? См. ст. 76 действующей Конституции: «Союзная республика — суверенное советское социалистическое государство». Худо-бедно (именно худо и именно бедно) мы уже вечность живем в «суверенных» государствах. Право выхода суверенного государства из Союза в проекте Договора испарилось, даже мокрого места от этого права не осталось — та самая статья 72, о которой я уже сказала. И какая уж тут добровольность (первая строка статьи 1), если подписал — и не рыпайся! Но родилась совсем новая для нас статья (раздел 2 Договора, ст. 1): «Члены Союза могут ставить вопрос о прекращении членства в СССР республики, нарушающей условия Договора и принятые ею обязательства».

Ничего худого, а по нынешним временам, может, и хорошо, чтоб исключили, если Союзом мы дожили до того, что ветераны второй мировой, получая милостыню в виде посылки из Германии, плачут от стыда или задаются вопросом: а не было бы лучше, если б союзники не Западную Германию освободили, а нас? Или, на худой конец, нас заодно с ними? Слова «могут ставить вопрос» интонационно мне напоминают фразу жандармского офицера из старого кинофильма «Можете жаловаться, можете жаловаться» — уж больно неопределенен их юридический смысл. Но, может, это я одна такая чувствительная? А главное, почему статья о возможности изгнания появилась вместо статьи о праве свободного выхода, а не вместе с ней, рядом с сохранением этого, может быть, важнейшего права республик, гарантирующего их суверенитет? Без этого права слово «суверенитет» годится только для игры в слова. Кто играет? Автор проекта? Республики? Похоже, как девчушки в игре «магазин» аккуратно нарезанные кусочки бумаги торжественно нарекают «деньги» — это твои деньги, а это мои. Что деньги имеют цену, играющим невдомек. Кстати, игру вроде этой нам преподнес глава правительства Союза — конфискацию имущества без приговора суда. «Это твои деньги, а это мои». Толпы старушек у сберкасс, тех, которые держат под подушкой заветные десять сторублевок, завернутые в белый платочек. На приличные похороны. Их правительственная комиссия не хоронит за госсчет...

Устройство Союза. В этом разделе определяется цена суверенитета, и, на мой непросвещенный взгляд, все, что ее (цену) имеет, объявляется принадлежащим Союзу: топливо и транспорт, армия и таможня, наука, международные связи, алмазы, золото, деньги, космос, земля, лес, борьба с преступностью, здравоохранение — «...ленты, кружева, ботинки — что угодно для души». Это душа проекта, созданного для таинственной души Союза или Центра, для его власти. Имущество и власть. Для приличия часть полномочий Союза в отношении имущества оговорена «совместно с республиками». Но как? И чтобы не возникал этот вопрос, сразу следует (статья 5 того же раздела): «Полномочия Союза не могут быть изменены без согласия всех республик». Казалось бы, ясно. Когда им надо (проект анонимный, и как его автора по имени-отчеству, ни мне, ни народу не известно), они умеют писать четко — это совсем не то, что «могут ставить вопрос». Но чтоб нам стало еще ясней, совсем ясненько (мы ж недоумки!), весь проект венчает ст. 23, заслуживающая того, чтобы ее привести полностью: «Союзный Договор или отдельные его положения могут быть отменены, изменены или дополнены только с согласия всех государств — членов СССР». Аминь, консенсус! Простое или квалифицированное большинство! И прочие парламентские штучки! «Караул устал»!

Нам предложено новое развлечение — Референдум. Всего один вопрос — «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности». Выплыл-таки мой «любимый» «обновленный Союз». Как гарантироваться? На основании чего? Ни в одной республике нет новой Конституции, Союзной новой тоже нет. Сохранены все беды старого нашего устройства и уничтожены те свободы, которые гарантировала республикам старая Конституция. А проект нового Союзного договора своей венчающей статьей 23 гарантирует нам, что так будет навсегда — и при наших внуках и правнуках, и «когда на Марсе будут яблони цвести».

Вот я и провела свой личный референдум.

1. Нет — новому Союзному договору, пока каждая республика не представит своим народам перечень от А (алмазы Якутии) до Я (ископаемые полуострова Ямал) того, что входит в ее суверенитет из имущества и из власти — МВД, КГБ, армия, какая часть Союзу и какая республике. До этого — нет!

2. Бойкот Референдуму. Только бойкот! Потому что, когда ничего не определено, и «да» и «нет» Референдума могут стать нашей общей непоправимой ошибкой.

Можно кончить на веселой ноте милой песней «Думайте сами, решайте сами — иметь или не иметь». Но вопрос не о тете, а о нас всех. И почему-то, пока я читала проект Договора один раз, второй, третий, все время присутствовало ощущение провокации. Говоря сегодняшним языком — «невзоровщины». И всплывали в памяти слова Фучика: «Люди, я любил вас, будьте бдительны!» Будьте бдительны к провокации, завернутой в серебряную конфетную бумажку законности...

Нет — Союзному договору!

народов, населяющих страны Азии, Африки и Латинской Америки. Может быть, есть резон вновь опубликовать текст этого судьбоносного Договора, предметно показав, что в нем устарело, что опрокинуто исторической практикой, а что и в наши дни имеет непреходящее значение. Нельзя же с порога отвергать все его положения, чтобы потом под диктовку ландсбергисов, гамсахурдий и других буржуазных националистов изощряться над вымучиванием новых проектов «союзных договоров». Тем более А. Лукьянов пообещал, что тот, кто не подпишет новый договор, будет жить в соответствии с Договором 1922 года.

В отличие от «главных архитекторов», сразу же объявивших предстоящий Референдум последним достижением демократии, гласности и перестройки, в так называемых «демократических кругах» сообщение о Референдуме было встречено весьма настороженно, если не сказать враждебно. Потом, правда, опомнились, решив его использовать в своих политических целях. Референдум был назван «ловушкой» или «лукавым выбором наивных простаков», поскольку в его бюллетенях «нынешний СССР» ловко подменяется каким-то неопределенным «будущим Союзом». Воссоздан миф о закономерности «гибели империи». Националисты в некоторых республиках, сразу же объявив бойкот Референдуму, принялись за проведение своих «опросов» и «плебисцитов», призванных подменить союзный Референдум и дать «законные» основания выходу республик из СССР.

Воинствующий антикоммунист М. Чулаки еще больше «упростил» проблему. «В сущности,— пишет он,— вопрос Референдума — доверие или недоверие к нынешнему Президенту и его правительству». Конечно, ни для кого не секрет, что рейтинг Генсека-Президента после столь сокрушительных «успехов» перестройки катится к нулевой отметке. Но разве писатель не знает, что горбачевы приходят и уходят, а советский народ был и останется. Зачем же трагедию «горбастройки» множить на трагедию «мирного роспуска СССР»? Ведь у абсолютно подавляющего большинства людей разных наций и национальностей, населяющих нашу страну, никакой другой Родины в запасе нет и их нигде не ждет земля обетованная с молочными реками и кисельными берегами.

Те или иные межнациональные трения не редкость в любом многонациональном государстве. Но в национальную проблему они превращаются лишь тогда, когда руководство своевременно не разрешает назревших вопросов, а затягивает их решение, загоняя кризис вглубь. Первый сигнал о болезни прозвучал в Карабахе, затем прибалтийский синдром, потом Армения, Молдова, Азербайджан. И пошло, и поехало. Национальные противостояния приобретают острейший характер. В них отразилось основное противоречие буржуазно-реставраторской перестройки: противоборство между пока обороняющимися социалистическими и активно наступающими антисоциалистическими, реставраторскими силами, легализованными перестройкой. У истоков этого противоборства в свое время находились республиканские «народные фронты», которые поддерживались тогда А. Яковлевым, В. Медведевым и другими партократами. Постепенно нападки на социализм переросли в атаки сепаратистов на целостность Советского государства, которое, по их мнению, тормозит реставраторские процессы в республиках.

Если бы партийно-государственное руководство сразу приняло соответствующие меры, какие полагаются в данном случае, то сегодняшних трагедий не случилось. Более того, произошло бы обновление и укрепление Союза. Среди этих мер мог бы тогда занять свое место и Референдум, который, безусловно, сыграл бы свою прогрессивную роль. Сегодня же проведение Референдума крайне осложнено и в значительной степени обесценено националистами, сепаратистами и реставраторами, которые в Литве и ряде других республик коричневеют прямо на глазах.

Но как бы там ни было, общесоюзный Референдум Президентом объявлен. Необходимо, чтобы прямое волеизъявление народа стало реальным противовесом парламентским и надпарламентским играм, ведущимся в интересах нарождающегося и консолидирующегося криминально-буржуазного класса. Следует исходить из того, что без отказа от капитализации социализма результаты Референдума станут клочками никому не нужной бумаги. В этой связи нас не может также удовлетворить нарочитая неопределенность и расплывчатость формулировки вопроса, где под термин «обновленный» может подставляться капиталистический рынок, эксплуатация человека человеком, десоветизация политической системы и т. п. Однако не будем здесь спорить, не время.

При всех явных двусмысленностях, недостатках и минусах союзного Референдума мы выступаем ЗА активное участие в нем и однозначно говорим ДА нашему Союзу — общему социалистическому дому для всех населяющих его братских народов, бесценному детищу тысячелетней нашей истории. Положительные результаты Референдума позволят дальше консолидировать патриотов и сторонников социализма, чтобы более решительно вести борьбу с буржуазными реставраторами в стране. Если результаты Референдума будут отрицательны, то последствия непредсказуемы, поскольку у сепаратистов и националистов будут сняты все препоны на разрыв с Москвой. В данном случае, как представляется, учитывая вышеизложенное, приходится лишь выбирать меньшее зло, а не мечтать о большем добре.

Совсем иным является наше отношение к Референдуму РСФСР, цель которого — под прикрытием союзного навязать России президентское правление. Расчет здесь прост: создать альтерна-

Бойкот Референдуму!

P. S. Если статья написана вчера, сегодня пиши постскриптум. Такое время! События летят на нас со скоростью света. С одной закономерностью: любому событию предшествует ложь. Нововявленный премьер вещает, что денежной реформы не будет. За словом идет дело — «слово и дело Государево». Президент в Париже подписывает Европейскую Хартию, предусматривающую отказ от применения силы. И — трагедия в Литве. Дружественная встреча в Москве. И Рига! С тех же государственных высот заявляют, что никакого военного положения, только защита военнослужащих да таинственных самозваных комитетов. И — приказ министра внутренних дел и министра обороны: «В целях усиления охраны общественного порядка и поддержания воинской дисциплины на улицах городов, населенных пунктов...» Гражданам «Великой и неделимой» отныне приказом двух министров предопределено стройно маршировать по улицам под звуки «Прощания славянки», а в местах скопления будут ждать нас БТРы и где-то храниться (и выдаваться, когда кто-то решит, что пора!) спецсредства против нашей возможной недисциплинированности. А на какой срок? Приказано отчеты сдавать каждый месяц (социализм — это учет) и ежеквартально. А может, всю очередную пятилетку? Как раз на такое же время, что они (или мы?) чикались с этой перестройкой.

И решено было не вчера и не 29 декабря, когда был подписан приказ. А в соответствии с постановлением Совета Министров от 11 октября 1990 года. Вас интересует, почему именно в октябре начался хорошо организованный дефицит не «отдельных товаров народного потребления», а всего? Чтобы мы взорвались — и приказ стал бы обоснованным ответом на общественные беспорядки. Вас интересует причина увольнения Бакатина, отставки Шеварднадзе, инфаркта Рыжкова? Ликвидации Президентского Совета? Меня теперь больше волнует, как долго просуществует Совет Федерации, боюсь, его дни сочтены!

Три месяца страна жила в абсолютной лжи. Как, между прочим, и во все предыдущие 73 года. Нам не привыкать! Впереди Референдум под дулом автоматов и с проверенными в Тбилиси спецсредствами. Нет — Союзному договору! Бойкот — Референдуму.

●

тиву Президенту СССР, политика которого привела страну на порог катастрофы. Сказать ДА введению российского президентства — значит дать карт-бланш Б. Ельцину. Что это будет означать для Российской Федерации и всей страны, можно судить по проекту Конституции России, в которой сводятся окончательные счеты с социализмом, ликвидируется право на труд, республика распадается на удельные княжества и конструируется правоавторитарная полукоричневая диктатура.

Расплодившимся шовинистам и профашистским элементам сегодня позарез нужен фюрер. Для начала сойдет и какой-нибудь президент. Ведь и Гитлер, готовясь в «фюреры немецкого народа», не блистал ни общей культурой, ни глубиной мысли, ни изяществом выражений, но своей виртуозной популистской демагогией сумел очаровать уставших от кризисов мещан и лавочников Германии, возомнивших себя высшей расой господ.

В действительности М. Горбачев и Б. Ельцин не антиподы, а, как говорят, «два сапога — пара». Оба увлечены одним и тем же — капитализацией социализма в СССР. Только Горбачев маскируется, осторожничает, балансируя на краю пропасти, ищет сомнительные обходные пути, а Ельцин в духе возрожденной им авантюрной традиции российской буржуазии начала XX века ломит напролом, увлекая за собой в пучину бедствий и смут трехсотмиллионный народ. Голосовать на Референдуме против президентства Ельцина не означает выступать в защиту Горбачева. При всей условности исторических аналогий, пожалуй, нынешняя ситуация весьма сходна с обстановкой августа — сентября 1917 года, когда большевики, организуя отпор «генеральской шпаге» Корнилова, спасали революцию в России, а отнюдь не «главноуговаривающего» пустозвона Керенского. Выдержанный в духе «Демократической России» телемарш Ельцина с требованием отставки Президента носил столь опереточный характер, что вызвал замешательство даже в его собственной команде.

Наше отношение к Референдуму РСФСР однозначно: категорическое НЕТ установлению правоавторитарной президентской диктатуры в России.

Такова принципиальная позиция Всесоюзного общества «Единство» по референдумам СССР и РСФСР, которые сегодня иезуитски навязаны трудящимся нашей страны могильщиками социализма, ренегатами и капитулянтами. Мы твердо убеждены, что не только социальная справедливость, но и сама логика истории за Союзом Советских Социалистических Республик.

Григорий ВАЙНШТЕЙН,
доктор исторических наук

ЧТО ТАМ — ЗА ПРАВЫМ ПОВОРОТОМ?

I

Бодрым и самонадеянным утверждениям лидеров перестройки об отсутствии альтернативы курсу перемен приходит, похоже, конец. Все тише звучат их речи о неспособности противников демократии и реформирования экономики решить проблемы нашего общества. Откат политики перестройки с завидным лукавством провозглашается в качестве курса подлинной реализации ее прежнего замысла.

С предельной откровенностью говорил об этом на недавнем Объединенном пленуме ЦК и ЦКК КПСС лидер российских коммунистов Полозков: «Теперь уже ясно всем, что перестройка, задуманная в 1985 году и начатая партией и народом как обновление социализма... не состоялась».

Можно, конечно, много рассуждать о причинах происходящих на наших глазах политических метаморфоз. Но в целом внутренние пружины правого поворота достаточно очевидны.

В результате руководители страны столкнулись с угрозой реальной утраты власти. Однако нынешний кризис они склонны объяснять не столько ошибочностью принимавшихся ими решений, не столько инертностью и неэффективностью собственной политики, сколько происками «деструктивных сил», разгулом «сепаратистских настроений» и злонамеренностью своих оппонентов.

Соответственно и вопрос о том, что же делать дальше, решен нашими руководителями во многих случаях не в пользу подлинного обновления тоталитарной системы. Предпочтение отдано ее реанимированию, оживлению еще сохранившихся ее институтов и ускоренному созданию новых структур власти, лишенных сколько-нибудь ясных функций, кроме «наведения порядка». Выход из кризиса решено искать не в изменении политики, не в радикализации перестроечных процессов и наполнении их конструктивным содержанием, а в «наведении порядка», в применении «жестких мер» и предоставлении «чрезвычайных полномочий» Президенту. Именно в повороте вправо увидели лидеры официальной перестройки наиболее эффективный способ взять ситуацию под контроль и единственную возможность удержать в руках ускользающий штурвал государственной машины в ставшей неуправляемой стране. Очевидно, им представляется, что достаточно навести порядок, вернувшись к некой смягченной и по возможности облагороженной форме тоталитаризма, обеспечивающей выполнение их решений, чтобы процесс, как говорит Президент, пошел.

Но дело сегодня не столько в уяснении причин и целей перемен, происходящих в политике союзных властей. В конце концов консервативный, антидемократический откат стал уже свершившимся фактом. И как бы этот факт ни хотели закамуфлировать разговорами о необоснованности подозрений в уступке Президента страны правым силам и возмущениями по поводу упреков в его адрес, налицо уже не просто стремление сместить вправо ось политической жизни общества. Налицо — движение по правому пути, успевшее в ряде случаев принять весьма откровенный в своей реакционности характер.

Поэтому гораздо важнее сейчас понять, какими могут быть истинные последствия правого поворота, попытаться уяснить и формы, которые он может принять, и его возможный результат.

II

События последних недель очень быстро показали, сколь неразумно было бы обольщаться по поводу «умеренности» форм наведения порядка в стране. Обретя наконец долгожданную свободу рук, «силы правопорядка» со слоновьей грацией ринулись вносить свою лепту в умиротворение общества. И армейская разминка в Вильнюсе уже успела продемонстрировать, что в идеале это умиротворение видится кладбищенской тишиной.

Естественно и то, что весьма важная роль в установлении этой тишины отводится подавлению голосов тех, кто не согласен с политикой властей. Голоса эти давно уже заставляют недовольно морщиться «инициаторов» нашей перестройки, то и дело вызывая их возмущенные окрики. В сегодняшнем же политическом сценарии, предполагающем любой ценой навести порядок, они и вовсе оказываются неуместными. И отнюдь не случайно, что в первую очередь воздушно-десантные части и подразделения омоновцев занялись захватом Дома печати в Риге и зданий радио и телевидения в Вильнюсе. После осуществленного Л. Кравченко бескровного переворота на Центральном телевидении реальное подавление органов информации в Прибалтике не оставляет сомнений в том, какая судьба уготована гласности. Похоже, что окончания дозволенных ей прежде речей «инициаторам перестройки» недосуг уже слушать. Да это и не скрывал все на том же Пленуме неутомимый Иван Кузьмич, отважившийся на такое вот откровение: «Нет у нас и гласности. Если раньше монополией на гласность обладала КПСС, то теперь эта монополия у противоборствующих с ней сил». Видите, как просто: не власти предержащие удушают гласность, а разные там демократы и радикалы. Сегодня под крики «Даешь объективность!» на людей зачастую обрушивается все более беззастенчивая дезинформация и откровенная ложь. Вряд ли можно считать неудачной обмолвкой прозвучавший из уст самого Президента призыв приостановить действие Закона о печати. Похоже, не остались втуне обращенные к Президенту всего пару месяцев назад слова одного из рассерженных деятелей культуры о том, что страна уже вдоволь «нахлебалась» за минувшие 5 лет «черной свободы» гласности, которую теперь нужно «ведрами вычерпывать из наших жил». На горизонте замаячил до боли знакомый облик «объективности», пестуемой в кабинетах многоопытных цензоров.

Конечно, смешно было бы отрицать необходимость усиления порядка в нашей меняющейся стране. И в условиях ее сегодняшнего кризиса подавляющая часть общества ощущает эту необходимость с особой остротой. Но тем, кто видит сегодня единственную панацею от всех наших бед в действиях по наведению порядка и связывает перспективы выхода из экономического кризиса не столько с кардинальным пересмотром принимаемых непоследовательных решений, сколько с принятием жестких мер, гарантирующих их осуществление, хотелось бы лишь напомнить предостережение испанского философа Ортеги-и-Гассета, сделанное им в 1930 году: «Любители порядка очень наивны, если они думают, что «силы общественного порядка» ограничатся тем, чего от них хотели. В конце концов решать станут они и наведут **свой** порядок». Первые достаточно мрачные черты этого нового порядка, к сожалению, у нас уже явственно проступили. Под внешне благообразной маской обнаружилась печально известная гримаса старого репрессивного режима. Диктатура — это уже, к сожалению, не плод чьего-то больного воображения. Это возникающая на наших глазах реальность.

III

Но не стоит обольщаться и по поводу возможной результативности замыслов правого поворота. Я уж не говорю о том, что первые признаки наступающей диктатуры тут же повлекли за собой новую активизацию и консолидацию всех демократических сил страны, ускорили сплочение республиканских лидеров в их противостоянии диктату Центра, вызвали самоизоляцию «сил порядка» и стимулировали новую волну выхода из КПСС.

Важнее то, что вместо запланированного успокоения общества игра армейских мускулов принесла уже сегодня лишь еще большую вспышку политической напряженности. Прибалтийские выступления «сил порядка» против безоружного гражданского населения обернулись новым витком социально-политической дестабилизации, спровоцировали усиление политического хаоса и возмущения не только в мятежных республиках, но и во всей стране. Пожалуй, лучшего подарка поборникам выхода из Союза придумать было трудно. И без того сомнительным перспективам участия ряда республик в заключении Союзного договора нанесен мощный удар.

Да, чисто внешне идея наведения жесткого порядка может выглядеть для кое-кого соблазнительной. Действительно, им может показаться, что все беды, переживаемые ныне обществом, рождены силами, выступающими за его кардинальную трансформацию, что трагедия страны состоит не в естественном крушении одряхлевшего режима тоталитарного господства, а в порождающих кризис власти «безответственных» нападках на этот режим и что достаточно применить силу для того, чтобы вновь эффективно заработали прежние механизмы управления и подчинения.

Две принципиальные ошибки лежат, однако, в основе подобного политического расчета. Одна из них — неверная оценка истоков общественного кризиса. «...Не заблуждайтесь...,— говорил в свое время П. Чаадаев.— Не варвары разрушили древний мир. Это был истлевший труп: они лишь развеяли его прах по ветру». И слова эти вполне применимы к характеристике нынешней ситуации в нашем мире «реального социализма». Вовсе не «злонамеренные» варвары политической амбициозности и национального эгоизма разрушают наше общество. Разрушение произошло изнутри. Те, кого наш Президент называет «деструктивными силами», создают лишь «порыв ветра» в нашей политической атмосфере, развеивающий и без того разрушившийся, истлевший труп прежней системы. Сохранить его на какое-то время, как реликвию, как призрак неоправдавшихся надежд, «силы порядка», очевидно, еще способны. Оживить его, вернуть ему дееспособность не властен никто.

Но еще важнее вторая ошибка: заблуждение союзной власти по поводу возможной реакции общества на запланированные и начавшие осуществлять-

ся силовые методы выхода из кризиса. Сторонники наведения жесткого порядка явно исходят из убеждения, что общество «созрело» для перемены курса. В атмосфере нарастающего недовольства отсутствием в стране реальной власти, охватывающего в последние месяцы все более широкие массы людей, расчет строится на том, что голоса поборников демократизации общества, возмущенных поворотом вправо, утонут в одобрительном хоре миллионов, жаждущих «стабильности». Однако, судя по опросам общественного мнения, приход к власти правых сил поддерживается не более чем 20—25 процентами населения.

Сторонники «порядка» могут скорее надеяться на другое: на апатию людей, их усталость, безучастность и, естественно, страх перед силой. И хотя, как свидетельствуют те же опросы, подавляющая часть населения решительно против возврата к временам «зрелого социализма», надежды на общественную апатию не так уж беспочвенны. Слишком часто в нашей истории властям уже удавалось опереться на инерцию общественного равнодушия. Слишком сильна еще в нашем общественном сознании традиция держаться своей хаты, которая, как известно, с краю. Не так уж глубоко изменилась природа этого сознания, о которой говорил еще Афанасий Фет, с горечью констатировавший, что у нас «никто не закричит, пока его не трогают, и потому поневоле будет кричать в одиночку». Все это так.

И тем не менее наше общество все же стало другим. Голоса солидарности раздаются в нем все громче и все чаще. Общество наше прошло все же путь от одиночек, протестовавших против подавления Пражской весны 1968 года, до миллионов, осудивших кровопролитие в Прибалтике в январе 1991 года. На этом пути было и возмущение событиями в Тбилиси, в Баку. На этом пути была и радость масс, обретших свой голос и ощутивших свою новую общественную роль. И только люди, очень ограниченные в самонадеянности своей репрессивной силы, могут возомнить сегодня, что они способны уничтожить все это одним лишь приказом о введении чрезвычайного положения. Тот, кто готовится отдать подобный приказ, должен отчетливо понимать: он не просто развязывает гражданскую войну в обществе, он сам окажется в состоянии войны со своим народом.

Да, болезненность, драматизм движения общества к демократическому обновлению могут быть многократно усилены таким приказом. Но он не сможет уничтожить потребность в этом обновлении, охватившую уже в последние годы огромные массы людей. Скорее, напротив, он обострит ее и отчетливее выявит силы, стоящие на пути этого обновления.

Важно и то, что сегодня общество обрело уже ряд институтов, служащих гарантами необратимости его потребности в демократических переменах. Многие из них еще, к сожалению, слабы. Еще недостаточно окрепшей выглядит правовая база демократической жизни. Еще сохраняется возможность приостановки новоявленными диктаторами процесса выработки новых демократических законов, как, впрочем, и отмены некоторых из уже принятых. Есть и опасность манипулирования рядом существующих законодательных положений с целью правового обоснования реакционных политических действий. И все же в стране уже существует новый расклад политических сил, в котором все более независимую и все более ощутимую роль играют организации и социальные движения, консолидирующие демократически настроенную часть общества. Конечно, для тех, кто привык полагаться на грубую силу и понимает только язык ее аргументов, все это может показаться не заслуживающей внимания мелочью. Но игнорировать это сегодня было бы опасным легкомыслием.

Однако наибольшей близорукостью было бы не учитывать значения такого гаранта обновления общества, как усиление политической независимости отдельных республик. Для преодоления этого препятствия на пути диктаторских поползновений союзной власти ей пришлось бы вступить в поистине губительный для нее конфликт с уже возникшими новыми институтами республиканской власти. Губительный потому, что речь сегодня идет уже не о бунте республик-одиночек, а об общесоюзном мятеже законно избранных органов власти против имперского диктата Центра. И даже столь желаемое, быть может, кем-то устранение с политической сцены фигуры Б. Ельцина, в наибольшей степени олицетворяющей этот мятеж, не способно повернуть вспять лежащие в его основе исторические закономерности.

IV

Рассуждая о возможностях правого поворота, следует вести речь не только о способности его сторонников осуществить свои замыслы, преодолев силы демократического сопротивления. В конце концов безрассудство репрессивной силы может толкнуть ее на самые крайние в своем политическом авантюризме шаги.

Но это лишь одна сторона дела. Речь должна идти также и о тех результатах, которые могут быть достигнуты в случае осуществления замыслов диктатуры. Кое о чем из того, что уже «достигнуто» силовыми методами, сказано выше. Это, однако, не все. Худшее, к сожалению, впереди. Не может сила заставить функционировать экономику. Это настолько очевидная истина, что доказывать ее имеет смысл разве что лагерному охраннику на лесоповале.

В равной мере абсурдным было бы в случае торжества правых сил рассчитывать и на продолжение жизненно необходимой нам сегодня помощи со стороны внешнего мира.

За использованием силы для наведения порядка в стране стоит полная экономическая катастрофа.

Я понимаю, что предупреждения эти могут вызвать лишь презрительно-снисходительную улыбку «прорабов контрперестройки»: «Ну, напугал. А то мы, глупые, не знали». И верно. Думать, что люди эти не ведают, что творят, так же нелепо, как считать, что ими движут соображения пусть и превратно понимаемой, но все же общественной целесообразности. Заботит их отнюдь не общественное благо, а собственная судьба — судьба людей, все благополучие которых покоится на сохранении прежних порядков и понимающих, что остаются не у дел в демократизированном, экономически благополучном и развивающемся по законам здравого смысла обществе. Я глубоко уверен, что реальные социально-экономические последствия правого поворота эти люди сознают прекрасно. Но, принося в жертву своим интересам интересы общества, они явно заблуждаются по поводу своей способности удержаться в седле. В задуманном ими контрперестроечном родео они все же плохо представляют, какого взбрыка следует ждать от оседланного ими общества.

V

Утрата руководством многих симпатий не только широких масс, но и демократически настроенной интеллигенции — свидетельство чрезвычайно важного для нынешнего развития общественного сознания освобождения народа от комплекса своей неполноценности, своей благодарной зависимости от оказываемых ему «сверху» благодеяний. Долгое время этот комплекс особенно прочно сковывал сознание прогрессивной интеллигенции, признательной Горбачеву за полученную из его рук гласность и за объявленные им планы преобразований.

Что-то удивительно извращенное было всегда в самой логике этой бесконечной благодарности, мешавшей дать принципиальную оценку текущей политике.

Когда-то Ф. Ницше говорил: «Существуют рабские души, которые доводят признательность за оказанные им благодеяния до того, что сами душат себя веревкой благодарности». Политические реальности последнего времени, пожалуй, окончательно помогли нашему общественному сознанию освободиться от душившей его долгое время «удавки благодарности», помогли многим найти в себе силы и гражданское достоинство, достаточные для того, чтобы начать оценивать Президента не по его прошлым заслугам, а по нынешним действиям.

VI

В свое время один из наполеоновских генералов, взглянув на поле битвы, нашел в себе мужество сказать: «Первое сражение проиграно. Но еще есть время выиграть второе». И, кстати сказать, действительно выиграл его. Сегодня, когда первый этап перестройки при всех своих завоеваниях в сфере гласности, активизации масс, не говоря уже об успехах в области внешней политики, в целом завершился поражением (если судить по степени приближения, а вернее сказать, удаления от главной цели преобразований — от экономического оздоровления общества), нужно, конечно, сделать все, чтобы переломить судьбу. Времени для этого остается все меньше.

Но можно ли выиграть второе сражение за обновление общества, отказываясь признать подлинные причины поражения в первом сражении и обращая оружие не против истинных противников этого обновления, а против его поборников? Уходя от признания кризиса «квазиперестроечной» политики осторожного уклонения от радикальных реформ, генералы этой перестройки теряют последние шансы предотвращения непоправимой беды.

Так что же по большому счету ждет наше общество там — за правым поворотом?

История сохранила глубокомысленные слова, сказанные одним не шибко грамотным большевиком в трудные для его партии июльские дни 1917 года: «Перед нами два вероянта: один — оптимальный, другой — пессимальный». Сегодня многие наши специалисты-политологи тоже исходят из того, что перед обществом открыты два «вероянта»: с одной стороны, «оптимальный», при котором удастся перейти от первого, увенчавшегося провалом этапа «квазиперестройки» ко второму этапу действительно радикальных преобразований; с другой — «пессимальный», означающий возврат к тоталитарной империи и окончательный крах перестроечных надежд.

Мне лично кажется, что нам уготован более сложный, «пессимально-оптимальный вероянт» — трехэтапный путь развития. Первый этап «квазиперестройки» мы уже прошли. Он исчерпал себя, продемонстрировав уже свою бесплодность. Во второй этап — этап «контрперестройки» — мы вступили. Сегодня трудно сказать, сколь далеко зайдут правые силы в осуществляемом ими повороте, каким реальным содержанием наполнится тенденция к установлению новой диктатуры. Но ясно, что суть второго этапа — возврат назад. Однако ничего, кроме силового продления существования агонизирующей, недееспособной власти, этап этот дать не может. Он неизбежно завершится провалом. А движущие силы «контрперестройки» окажутся погребенными под развалинами окончательно разрушенной ими экономики и обломками империи, погибшей в борьбе за ее сохранение. И тогда настанет черед третьего этапа — подлинно радикального реформирования общества.

Иными словами, мы находимся сейчас где-то в середине того цикла общественных перемен, который со своими особенностями, в своих конкретных формах, но все же был уже пройден в 80-е годы рядом стран Восточной Европы. Там, как известно, тоже была вначале попытка осуществить половинчатые, ущербные реформы, обусловленная осознанием экономической бесперспективности прежнего пути. Там был и период репрессий, отразивший усиление позиций консерваторов, которые воспротивились этим реформам, поняв, что на карту поставлена их судьба и что им грозит потеря власти. И наконец, в результате дальнейшего кризиса экономики там произошел общий поворот в сторону подлинно глубоких, радикальных реформ, приведший к рождению новых политических систем. Конечно, можно сказать, что невмешательство советских войск позволило реализовать этот поворот. Но верно и то, что стремление восточноевропейцев к изменению своих прогнивших режимов было столь велико, что подъем масс произошел, несмотря ни на память о таких прежних вмешательствах, ни на существовавшую все же опасность нового вмешательства.

Этот цикл общественных перемен завершился в Восточной Европе не просто потерей власти господствовавших до этого политических сил. Их попытка воспротивиться обновлению общества привела к их оттеснению на обочину политической жизни и нанесла столь мощный удар по проповедуемой этими силами социалистической идее, что она уже вряд ли от него оправится.

Нам не дано нынче знать, как много времени займет прохождение этого исторического цикла общественных перемен в нашей стране, хотя динамизм развития, обретенный обществом в последние годы, говорит о том, что процесс, занявший в Восточной Европе десятилетие, может уложиться у нас в более сжатые сроки. Правда, в последнее время неудачи в общественных преобразованиях породили в массах настроения политической апатии, несколько затормозив развитие демократических ориентаций. Однако наступление сил реакции тут же повлекло за собой новую динамизацию прогрессивных, демократических сдвигов в настроениях общества.

Не дано нам знать и то, какие конкретные формы примет в специфических условиях нашей страны процесс общественно-политических перемен и каковы будут черты той политической системы, которая возникнет на развалинах «контрперестройки». Но сам по себе осуществляемый ныне правый поворот объективно способствует приближению исторически неизбежного третьего этапа. В случае осуществления эксперимента с «наведением порядка» в более мягких, изощренно-правовых формах возрастает возможность сравнительно безболезненного (по типу восточноевропейского) оттеснения правых, тоталитарных сил с политической авансцены. Иной же, прямолинейно-грубый, жесткий вариант отката к диктатуре, охотников до которого в наших условиях может, увы, найтись больше, вызовет и более мощную волну общественного отпора. В этом случае борцов за позавчерашние идеалы ждет полное политическое небытие.

В целом же в исторической перспективе нынешний контрперестроечный поворот лишает сколько-нибудь пристойного политического будущего сторонников нашей «бессмертной идеи», закладывая основы ее широчайшего отторжения завтрашним обществом. И чем большую цену придется заплатить ему за стремление правых сил удержать общество на втором этапе, тем бесперспективнее и драматичнее окажется будущее самих этих сил.

Есть, очевидно, смысл сегодня, переиначив Александра Галича, сказать: движенье налево начинается с правой ноги.

ОГОНЁК

ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ

Леонардо да Винчи. МАДОННА ЛИТТА.

В. Л. Боровиковский.
ПОРТРЕТ
Е. А. НАРЫШКИНОЙ.

Кес ван Донген.
ПОРТРЕТ ДАМЫ
В ЧЕРНОЙ ШЛЯПЕ.

Огюст Ренуар.
ОБНАЖЕННАЯ.

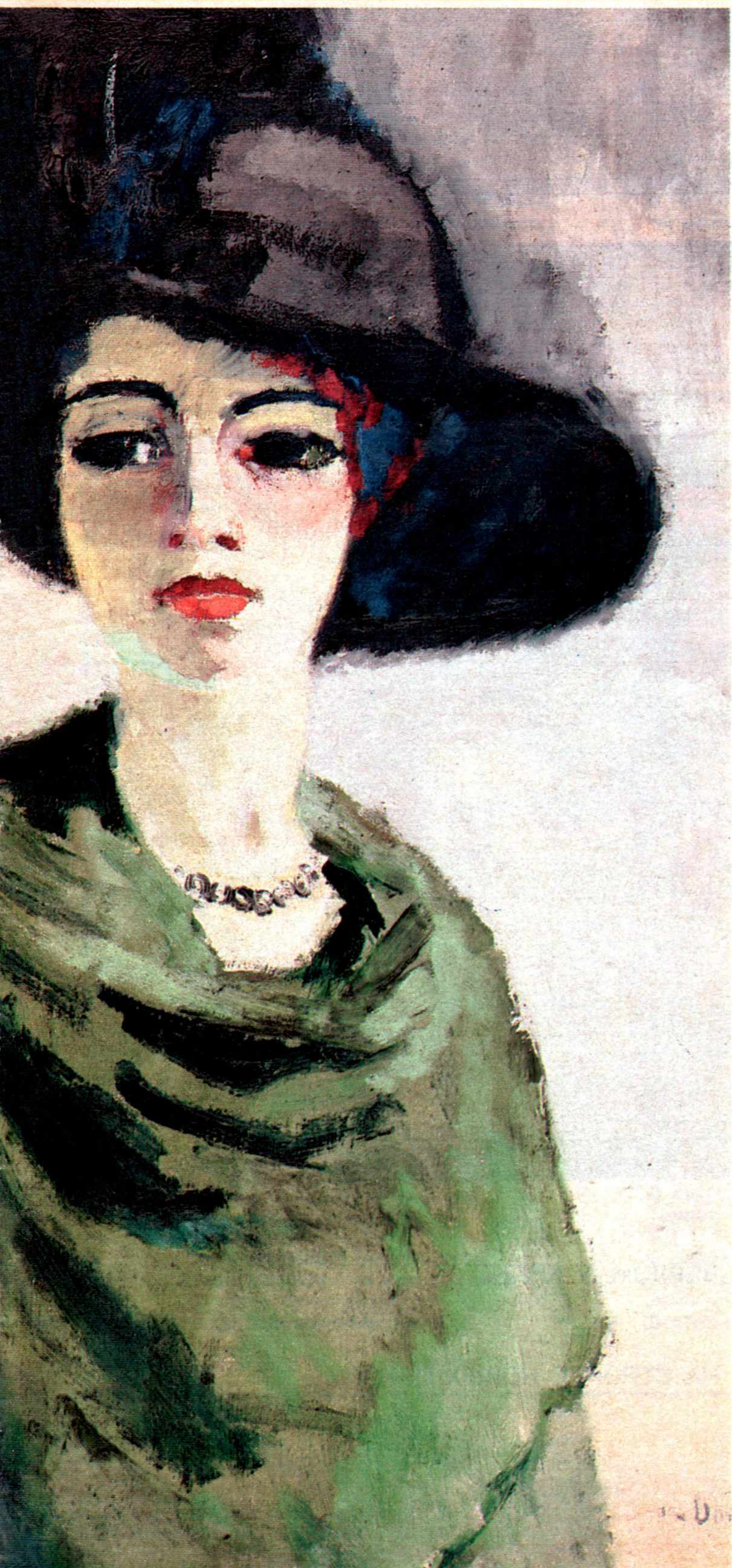
Ф. И. ТЮТЧЕВ

. . . .

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебны взоры, речи
И смех младенческо-живой?

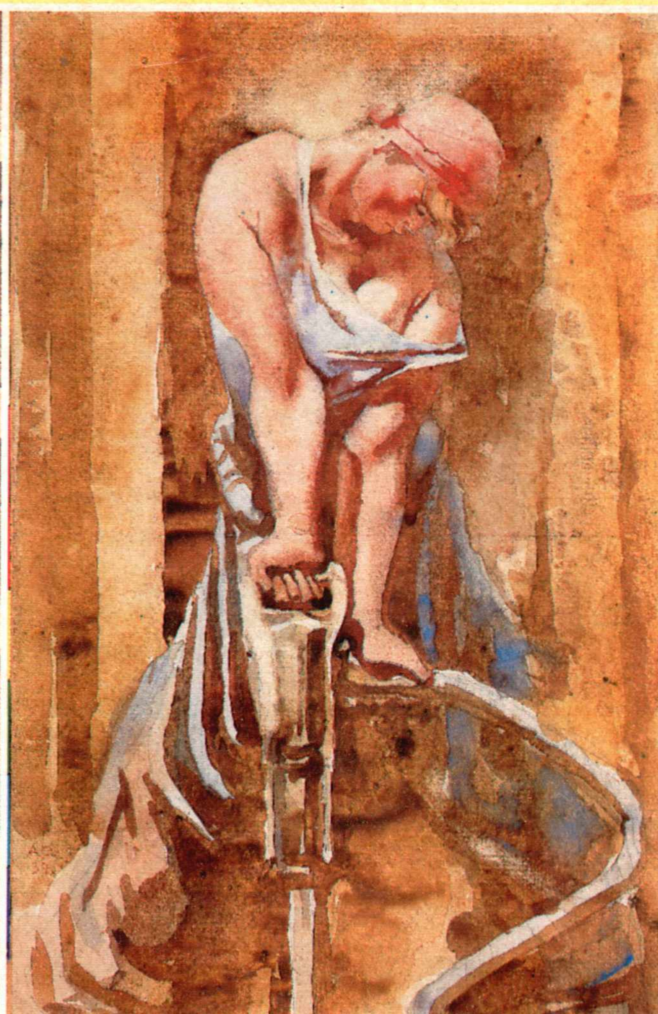
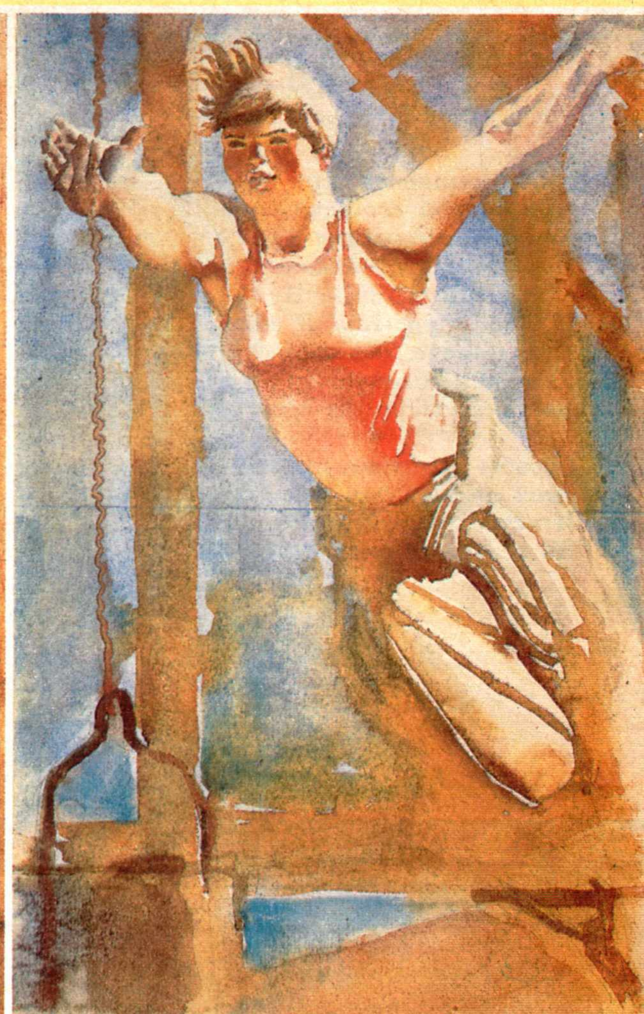
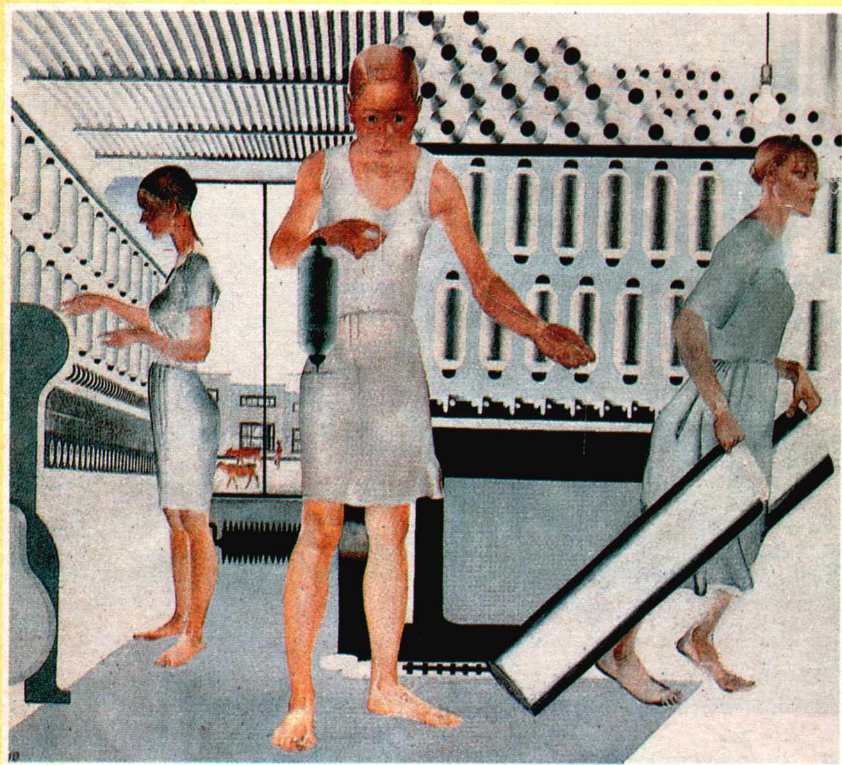
И что ж теперь? И где ж все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!



Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались вспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

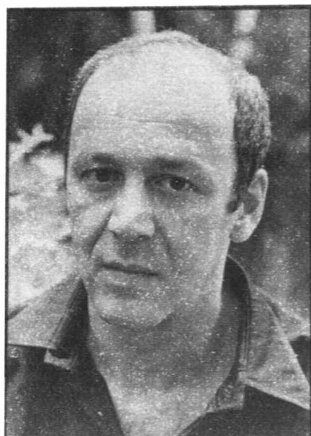
И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль злую, боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..
1851

А. Самохвалов.
У ЛЕБЕДКИ. СО СВЕРЛОМ. У КРАНА.

А. Дейнека.
ТЕКСТИЛЬЩИЦЫ. НА СТРОЙКЕ НОВЫХ ЦЕХОВ.

Григорий КРУЖКОВ



ГОЛИЦЫНСКИЕ ПРОГУЛКИ

Хорошо после уличных плит
Побродить по корням-буеракам,
Если даже немножко знобит,
Как помыслишь о встрече с маньяком.

Да, представьте себе, маниак
По голицынским рощам гуляет,
Убивает людей просто так,
Убивает, потом расчленяет.

Страсть какая! А может быть, бред —
Весь рассказ про того про маньяка?
Как узнаешь, где правда, где нет?
Говорят же! — и верят, однако.

Что поделать, живешь, как в лесу,
Ловишь слухи, куста сторонишься,
На орешни златую красу,
Обмирая душою, дивишься.

Я ходил этой желтой тропой,
Видел в чаще оленьи орешки,
Говорил со старухой слепой,
Собиравшей в лесу сыроежки.

Полный был кузовок, не совру.
Говорила с улыбкою жалкой:
— Приспособилась. Так и беру,
Где рукою пошарю, где палкой.

«Приспособились, так и живем»,—
Повторял я с усмешкой покорной,
За вороною и воробьем
Маршируя дорогою торной.

Я смотрел на рябины аллей
И на бурые доски заборов,
Кротко слушая лай кобелей,
Шорох листьев и рокот моторов.

REPUBLIQUE DE OUVA POSTE AERIENNE

Он мне достался, как счастливый сон!
Подарок дружественной нам вдовы,
Был с дачи, из-под Клина, привезен
Альбомчик старый с марками Увы.

Я ничего не ведал об Уве,
Я марки взял в постель — и перед сном
Смотрел на профиль горный в синеве
И самолетик с точкой под крылом.

И вдруг увидел: точечка растет,
Растет — и превратилась в парашют!..
И вот уже на землю стал пилот,
И отстегнулся, и, достав лоскут

Из куртки, вытер с подбородка грязь.
Вокруг дымилась жухлая трава.
Он оглядел пейзаж, не торопясь,
И мне сказал: «Республика Ува

Лежит на берегах реки Увы,
Которая, увы, давно мертва,
И нет там ни халвы, ни пахлавы,
Ни славы, ни любви, ни божества.

Ни ярко разрисованных цветов,
Ни рамочки, ни зубчиков над ней,
Ни этих мощно дышащих китов,
Ни этих вольно скачущих коней.

Не слышно на деревьях райских птах,
И не гуляют розовые львы,—
Лишь зайцы ходят в шляпах и плащах
По улицам республики Увы.

Лишь, оседлав свинью или козла,
Гарцуют всадники без головы —
Свидетели неведомого зла —
По улицам республики Увы.

Лишь во дворце харит и аонид,
За хвост подвешенная к потолку,
Селедка крутобедрая висит
И каждый час кричит свое ку-ку».

Он сплюнул и сказал: «Я все сказал.
Отдай же брату младшему альбом!»
И вдаль побрел, и вскоре точкой стал,
Исчезнувшей на фоне голубом.

Сгустилась постепенно синева
И проступили звезды над тропой,—
Когда с холма спустились три волхва,
И каждый вел верблюда за собой.

ДЕРЕВО ПЕРЕБОРА

...А это значит, что, решив и выбрав,
Ты перед выбором предстанешь снова,
И потому на много тонких фибров
Ветвится ствол желания любого.

Нет, ты не пыль в стихийном произволе,
Ты сознаешь, что средь густого бора
Случайностей есть Древо Перебора,
В котором — торжество свободной воли.

Оно же, впрочем, Древо Униженья
Свободной Воли, ибо так и этак
Твое желанье терпит пораженье
На каждом перепутье гибких веток.

Так или этак — лучшей половины
Лишается, стезю свою сужая;
И каждый миг, как язычок змеиный,
Раздвоенностью безысходной жалит.

О, если бы не мыслию растечься —
Не только мыслью, волком или птицей,—
Всей полнотою жизни человечьей,
Всей дрожью жил совпасть и наложиться,

Чтоб испытать все то, что недоступно,
Недостижимо, чуждо, беззаконно,
Изведать все развилки, сучья, дупла
И все плоды вкусить от этой кроны!

...Есть сладкая в Эдеме сикомора,
Есть темный кедр над пропастью Эрева;
Но только это Древо Перебора
И есть Познанья истинное Древо.

Марина БОРОДИЦКАЯ

ПРАЗДНИКИ

Цепляемся за праздники... С начала
И до конца он греет, этот хмель.
Проснешься после выпускного бала —
А сын уж нянчит новенький портфель!

Раскрошена сирень по электричкам,
Салют ноябрьский сыплется впотьмах...
И входит няня с крашеным яичком,
И пахнет елкой на похоронах.

ИЗ КИТАЯ

Треск резинки — и взлетает
Резкий, хрупкий вертолет.
— Пап, откуда?! — Из Китая.
Пятьдесят девятый год.

Зонтик лаковый, бумажный
В трубку толстенькую сжат,
И шуршит на кукле важной
Неснимаемый халат.

Круглый веер с веткой дуба:
Шелк натянут — в пальцах зуд,
Но, сияя белозубо,
Кеды взнузданные ждут!

Воспитательница Сяо
В детской книжице жила:
С детских слов письмо писала,
Тонкой кисточкой вела.

С папой книжку полистаю,
Суну нос в цветочный чай...
Я когда-нибудь слетаю
В этот праздничный Китай!

* * *

Опять, опять дворами, вдоль помоек,
Обидою прерывисто дыша,
Вдоль желтеньких бахрушинских построек
Без спросу загуляется душа.

Отброшена взыскательной любовью,
Она утянет тело в те края,
Где в детстве научили сквернословью,
Где не смыкались школа и семья,

Где с крыш зимой съезжали, застревая
На желобе,— и знали наперед,
Что вывезет московская кривая,
Бахрушинская лихость пронесет...

И вывезла — до самых новостроек.
И пронесла — над самой пустотой!
Да фиг теперь найдешь среди помоек
Хотя б клочок уверенности той.

ПУТЬ К КОММ

Анатолий ГОЛОВКОВ
Фото Игоря ЛАГУНОВА

УНИЗМУ

Снимки, сделанные в деревне, вроде бы сами за себя говорят: Сибирь, февраль 1991 года... На фотографиях — русские крестьяне, которых некогда объединили в колхоз «Путь к коммунизму». Название было придумано давно, когда никаких других путей в будущее не намечалось и возникали по всей державе сквозь кровь, голод и нищету «Заветы Ильича», «Красные пахари» или, к примеру, «Политотделы».

Насильственное шагание к светлым далям превратилось для сельчан в уклад сурсвый и строгий, при минимуме прав и максимуме обязанностей, главная из которых — гнуть спину в поле или на ферме. Да так, чтоб, не дай Бог, не рассердить начальство. А куда податься? В задымленные, грязные города с их талонными очередями?

Сельчане — народ образованный: смотрят телевизор, читают, хоть и с большим опозданием, газеты. Дивятся разноцветью флагов, размышляя: за какими же горами и долами затерялся этот давно обещанный коммунизм?

Между прочим, нашелся бы тут, скажем, Иван Кузьмич Полозков, никто и не говорит, что, дескать, изобилие — вот оно, за поворотом. Перспектива оттого и названа «коммунистической», чтоб цель всегда маячи-

ла перед глазами. А нынче все мы, мол, устремлены к «социализму с человеческим лицом». И если время от времени бьют по этому лицу дубинками, стреляют, давят его танками, так это временные трудности.

Из далеких теплых стран привез бы я гостей в эту сибирскую деревню. Пусть бы посмотрели на колхозников из «Пути к коммунизму» да поучились у русских терпению. А еще — позаимствовали бы умения у руководителей наших, верных своим идеалам и партийности, держаться на плаву, мимикрировать, месяцами сидеть в засаде, наносить упреждающие удары, конспирироваться вплоть до «комитетов спасения».

Мы, безусловно, достойны, как и любой другой народ, своего парламента, кабинета министров, президента. И сейчас можем лишь корить себя за то, что где-то просчитались. Но за окнами реальность: правящая верхушка предпринимает продуманные и мощные удары для сохранения власти. Прижатая к стенке самим временем, она понимает, что крах империи означал бы и конец тотального всевластия центра.

Немудрено, что на фоне политических страстей никому будто бы и нет дела до маленького колхозика в Восточной Сибири. До его людей, которые знают цену житейской истине и добру.

Поклониться бы им и всем крестьянам нашей России в пояс. Попросить бы у них прощения за тех, от кого до сих пор терпят унижение, кто больше семидесяти лет лжет им прямо в глаза. Докричаться бы до изб, занесенных снегами февраля, что никакого коммунизма не бывает. Что накормить себя и свое Отечество могут лишь люди, избавившиеся от иллюзий. Свободные хозяева на своей земле.

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

ЗАСТУПНИЦА

Анна САЕД-ШАХ

Рассказ

У моря околачивались свиньи. В темноте их не было видно, зато хорошо слышно.

Валентине надоело вслушиваться в однообразное похрюкивание, сливающееся с бессовестным чавканьем волн в один заунывный животный звук. Она бы уже давно закрыла окно, выключила свет и легла спать, если бы не чувство долга.

Да и не любила она море. Стыдно сказать — а не любила и оттого боялась. И сейчас, когда она вынужденно сидела у единственно освещенного во всем доме окна, а море нахраписто подкатывало к порогу, в груди у Валентины тревожно замирало. Вот-вот этот старый, неуклюжий домина вместе с обшарпанным резным крылечком и облезлым, с козлиной бородой петухом сорвется с места...

И тогда она, Валентина, будет долго-долго плавать, не прикладывая никаких усилий. Все-таки дерево. Даже кровать, на которой она поплывет, тоже деревянная. Только бы не замерзнуть, как-никак октябрь.

Наконец послышался осторожный шелест шин. От резкого света фар свиньи, повизгивая, разбежались по кустам. Машина быстро приближалась и, едва не проскочив дом, со шлепком остановилась у ворот.

Их было трое, и все трое смотрели на Валентину.

— Вы к Оксане? — как радушная хозяйка, спросила она.— А Оксаны нет дома.

Мужчины, не соизволив ответить, нырнули в «Жигули» и с шиком развернулись на мелкой гальке.

Что, скушали? Убедившись, что голос ее звучал вполне убедительно и миссия, слава Богу, окончена, Валентина потянула на себя створки покосившегося окна и замерла. Жужика! Только этого не хватало!

— Вай-вай! Стойте! — хрипло кричала Жужика, каная к машине на возможной для ее лет скорости.

Скорбно встав перед капотом в своем черном вдовьем платье, она протянула вперед руки, сжимающие горло трехлитровой банки с чачей:

— Не уезжайте! Оксана дома.

Мотор немедленно стих. Мужчины снова в том же порядке вышли из машины, бросая укоризненные взгляды на растерянно улыбавшуюся Валентину.

— Да нет ее,— вежливо настаивала женщина,— и свет там, кажется, не горит.— Она высунулась в окно, опрокинула вверх загоревшее лицо, как бы проверяя, горит ли на втором этаже свет.— Вот видите!

— Эта ничего не знает, она приезжая,— не унималась Жужа, передавая банку самому молодому, с орлиным носом.— Есть она дома.— И что-то шепнула на ухо толстому хозяину машины. Тот в ответ загоготал и небрежно шлепнул Жужику по куцему заду рукой в кожаной пижонской перчатке.

Дом двадцатилетней Оксаны, а точнее, Оксаниной мамы, стоял как бедный родственник в длинном ряду белокаменных особняков по улице Гулиа. В глубине поселка встречались и более неказистые дома, но этот, с крашеным-перекрашеным забором, с аляповатыми наличниками, с завалившимся набекрень чердаком, пер грудью на море, удивляя или раздражая соседей.

По ночам улица освещалась лишь редкими вспышками светлячков, лампой в чьем-нибудь окне или, как сейчас, невыключенными фарами случайной машины. Но это не мешало улице жить своей полнокровной ночной жизнью. Например, совсем недавно здесь прошли бои местного значения. Грузины спалили несколько абхазских построек, а утром следующего дня уже прибили к воротам новые таблички с нейтральной надписью «Набережная». Однако дом Оксаны, несмотря на грозного петуха, не посчитали за важную птицу и обошли вниманием.

Валентина продолжала жить на Гулиа, не понимая, почему именно у этого дома каждый вечер обязательно останавливается подвыпивший прохожий, изрыгая во тьму длинное, хоть и не совсем понятное ругательство.

С другими жильцами Валентина старалась не общаться, не желая оказаться в наспех сродненной, нервно-веселой компании голодных до тепла курортников и курортниц. О нет, она вовсе не считала их хуже себя. Наоборот, в роковом совпадении отпускных чисел видела знак судьбы. И, конечно, отношения с соседями хоть и весьма незначительные, но все-таки были. Нынче утром, проходя по саду к общему умывальнику, она наткнулась на низкорослую голую женщину, кажется, возлюбленную офицера из комнаты напротив. Женщина, растопырив ноги, растирала вафельным полотенцем ягодицы.

— Ну и как вы спали? — вызывающе спросила она.

— О! — загадочно отозвалась Валентина.

— И ничего не слышали? — Нахалка ухмыльнулась. «Так я тебе и поверила!» — говорила эта ухмылка.

«Так я тебе и сказала»,— подумала в ответ Валентина.

— Нет, не слышала, а что?

Конечно, она слышала, как среди ночи кто-то включил свет во всем доме, распахнул дверь в ее комнату, заскрипел ботинками у порога, но резко передумал войти, остановленный пронзительным Оксаниным голоском:

— Ты! Хрен с горы! Ну-ка отвали от двери. Ты кто здесь такой? Ноль! Это мой дом, слышишь? Тронешь квартирантку — убью! Я тебе не Жужика. А ну, вырубай свет!

На нежный Оксанин голосок из комнаты напротив выскочил жилец в кителе и плавках, сказал свое веское солдатское слово Оксане, этому «хрену с горы» и, выключив свет, пообещал на всякий случай всех пристрелить.

— Значит, не слышали,— допытывалась соседка, смахнув комарика, присосавшегося к ее необъятной заднице.— Ведь это притон какой-то! Каждый день пьянки. Лично я сегодня же съеду.

И действительно, к обеду все жильцы съехали. Даже военный, прихватив все свое боевое снаряжение, забрал у Оксаны сдачу за непрожитые дни и ушел с задрипанной Гулиа на шикарную Набережную. Его не пугала дороговизна коек, тем более что теперь можно в складчину с любимой устроиться на одном ложе.

— Там она, там,— твердила Жужика, подбадривая мужчин.— Давай, Рустам, я в дверь поколочу, а ты в окно,— предложила она молодому, первая поднялась по скрипучей лестнице и застучала в дверь костяшками сухих пальцев:

— Оксана, это я пришла, Жужа. Ты ведь дома, правда? Зачем прячешься? Выходи, выпьем, посидим хорошо. Мне Рустам уже деньги за чачу отдал, неудобно получится. Выходи, не стесняйся.

Заметив, что двое мужчин вернулись к машине, а Рустам принюхивается к темноте за стеклом, Валентина попробовала уговорить Жужу:

— Вы же пожилая женщина. Неужели не стыдно? Даже если Оксана дома и не хочет открывать, зачем вы настаиваете?

От внезапной радости Жужика захлопала в ладоши.

— Эй, Рустам, она точно дома, стучи! А вы не знаете и молчите. Она с ним вчера целовалась. Почему сегодня не хочет, а? Стучи, Рустам!

Стекло задрожало.

— Молодой человек! — прикрикнула Валентина.

— Не выступай,— лениво перебил ее Рустам.— Ты кто? Отдыхающая? Вот и отдыхай.— И он попытался закрыть окно Валентины, предварительно поправив ее голову, чтоб не мешалась. Женщине это не понравилось, и она выскочила прямо из окна на лестницу. Лесенка зашаталась, как подвесной мостик.

— Оксана,— шипела тем временем Жужика,— ты же с ним целовалась, шлюха такая.

— Я никуда не уйду,— объявила Валентина, намертво ухватившись за перила.— У девочки уехала мама, и я никому не позволю ее обижать!

— Девочку? Какую девочку — эту? — И Рустам, подскочив к Оксаниному окну, треснул кулаком. В темноте салютом заблестели брызги стекляшек. «Восьмерка» взревела и исчезла. И тут в разбитом окне появилась Оксана. На ней была крохотная джинсовая юбочка и майка с надписью «Кока-кола».

— Жужа, я не хочу пить,— растягивая слова на грузинский манер, произнесла она.— Я и так почти слепая, мне нельзя пить. Я через неделю к Федорову на операцию лечу, мама уже договорилась. А вы идите,— она печально улыбнулась Валентине,— я сама разберусь.

«Здрасьте, пожалуйста,— с обидой подумала Валентина,— стараешься, заступаешься, а тебе ни спасибо, ни до свидания». Но и не может она девчонку одну оставить.

— Я мешать не буду. Я, как говорит моя дочь, на стреме постою.

Тем временем Оксана вышла, положила руки на плечи Жужике:

— Старая ты курва. Еще раз приведешь кого, я тебя задушу.

Жужика отпрыгнула в сторону.

— Пойдем! — Рустам схватил Оксану за запястье и повел вниз по лестнице, в кухню, тыкая ей под нос банку с чачей.— Ай-яй,— приговаривал он,— как нехорошо обманывать. Мои друзья уехали, теперь мне придется у тебя ночевать. На чем я в город поеду? Нехорошо так стесняться. Вот вчера ты смелая была, когда я к этой в комнату пошел. А почему сегодня несмелая?

Оксана молча следовала за ним.

— Твоя мама, между прочим, никогда не выгонит человека ночью на улицу. И ты не выгонишь.

— Не выгонит,— поддакнула Жужа.

— А хочешь, я за койку заплачу? Твоя мама не взяла бы. И ты не возьмешь, да, Оксана? Ты за койку платишь? — Он обернулся на следовавшую по пятам Валентину.— Значит, ты отдыхающая. Вот и иди отдыхай.

«Как там моя Лялька? — встревоженно подумала Валентина.— А вдруг кому-нибудь дверь откроет? Ведь сто раз говорила дуре: смотри в глазок».

— Нет, я тоже пить буду.

Кухня, бывший гараж, просторная, но сырая, с земляным полом, с вечно включенной газовой плитой, была излюбленным местом сезонных постояльцев. Здесь они жарили на многочисленных сковородках первую молодую картошку, сдабривая ее чесноком и кинзой, здесь же проводили дегустацию молодого вина из хозяйкиной «изабеллы».

Потом, когда за столом, под длинной пестрой клеенкой, происходило внезапное скрещение рук, Оксанина мама тащила из «залы», где жила сейчас Валентина, контрабас и устраивала танцы.

Оксана достала с полки четыре стакана и наполнила их чачей.

Посередине стола стояла тарелка с серым хлебом и банка аджики.

— Пей, Жужа. Ты ведь хотела пить? — И она протянула Жуже полный стакан.— Ох, жаль, что твой муж умер, а то бы я ему кое-что рассказала. Извини, плохо вижу, но, кажется, ты все еще носишь траур?

— Ты с Рустамом вчера целовалась.

Подперев голову руками, Оксана раскачивалась на стуле, не отводя от Жужи больших близоруких глаз.

— Ты не скромничай, Жужа, пей.

— Не буду. Мне так неинтересно.— Она сморщила нос, отворачиваясь от стакана.— Я люблю веселую компанию, а не такую, как ты.

— А мне налейте еще,— неожиданно для себя потребовала Валентина.— Я буду много пить. И еще, Рустам, имейте в виду, я никогда не пьянею и никуда не уйду, пока вы не остынете.

— А я давно холодный, как айсберг в океане. Давай еще налью. Тебя как зовут? Валя? Ты извини, Валя, что я вчера в твою комнату лез — я же не знал, что ты такая не очень молодая.

«Только бы не опьянеть»,— мелькнуло в сознании Валентины. Чтобы сосредоточиться, она сильно напрягала скулы, сжимала зубы и старалась сидеть прямо.

— Девочки, сейчас мы будем купаться голыми при луне,— почему-то сказал Рустам.

— Нет, ты возьми Жужику, а то я берега не увижу и в Турцию уплыву.

— Зачем обижаешь, Оксана? — Жужика поднялась из-за стола.— Мы друг другу помогать должны. Все-таки у нас обеих дом без хозяина. Только не говори, что у тебя отец есть,— это ты в милиции объясни.

— У меня мама есть!

— А что твоя мать? Дай выпью, потом скажу.— Жужика отхлебнула из стакана и снова отошла от стола.— Что твоя мать? Она только когда тосты красиво говорит, то на грузина похожа, а так... Что она может?

— Ишь какая! — взвизгнула Оксана.— Здесь еще мой отец родился! Здесь двадцать деревьев наших!

— Красиво говоришь, но я тебе все равно правду скажу. Только ты не обижайся. Но если честно посмотреть, неумная женщина твоя мать.

— Ты на мою мать не тяни!

— Не обижайся. Но зачем она жильцов полный дом населит, а потом каждому проводы устраивает с вином, хинкали, с хачапури? Зачем стихи им рассказывает? На контрабасе под яблоней им ночью танцы-шманцы играет? Зачем? А еще с собой персики-мерсики уговаривает взять на дорогу. Что, у нее душа шире моей? Что она хочет показать?

— Заткнись, курва старая.

— Наливай! — лихо скомандовала Валентина.

— А все выпили,— ухмыльнулся Рустам.— Теперь баиньки. Жужа, чеши домой. И ты, Валюша, иди к себе, больше угощения не будет. Вставай! — Он подошел к Валентине и стал тянуть на себя спинку ее стула.

«Мерзавец,— подумала Валентина, вставая.— А в кармане, наверное, нож или кастет».

— Хорошо вам,— Жужика нехотя плелась к выходу,— вы тут все вместе, вам не страшно. Оксана, дочка, можно я завтра опять приду?

— Оксана! — уже в дверях крикнула Валентина.— Я у себя и спать не буду. Если что — кричи погромче. У моих приятелей на соседней даче телефон есть — сразу в милицию позвоню.

Минут через пятнадцать в «залу» на цыпочках вошла Оксана и присела на кровать Валентины.

— Спите?

— А? — Задремавшая было Валентина резко села.— Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего, вы лежите.

— А почему тушь по щекам размазана?

— Да так, умылась плохо.

— Этот спит?

— Наверное. Ну, я пойду.

— Нет-нет, посиди здесь, а то вдруг проснется?

— Теперь уж вряд ли... А хотите, я вам про себя всю правду расскажу? Я вообще всем говорю правду, кроме милиции. У меня такая трагическая жизнь с самого начала!

— Хочу.

— Что бы вам такое интересное рассказать? У меня, например, отец 30 лет в тюрьме сидит. Но это вам неинтересно.

— Как 30? А как же ты родилась?

— В перерывах. Он крадун.

— Вор?

— Разве теперь воры? Теперь их крадунами называют. Мать сейчас к нему поехала. Он все пишет: доченька, любимая, ангел мой. У него с легкими хреново, эмфизема. Он говорит, в России плохо сидеть, сыро.

— Вернется — вылечится.

— Да нет, они его опять посадят. Кто где сворует — сразу к нам. На днях бар грабанули: кофе бразильский, сигареты фирменные — и тоже сюда, с обыском. А я «Приму» курю, сами видите.

— А что, больше некого сажать?

Оксана устало пожала плечами.

— Может, покурим? Только у меня «Прима».

— Не хочется.

— Ну вот, я же говорила, что неинтересно. Ладно, спать пойду.

— Ты если что — кричи.

— Да нет, спасибо, уже проехали. А вот если бы я закричала, вы бы точно милицию вызвали?

— Зачем? Мы и вдвоем управимся.

— Как же так? — Она тупо уставилась на Валентину.— Вы же обещали вызвать.— Девушка презрительно скривила рот.— Значит, я зря?

— Что зря? Что ты сделала? — допытывалась Валентина, пристыженная своей догадкой.

— Значит, вы бы не позвонили ментам? — И она почему-то заплакала, вытирая глаза скомканными в кулачке трусиками.— А я поверила. Да ну вас! — И Оксана, швырнув трусики на пол, быстро вышла из «залы», хлопнув дверью.

Проснулась Валентина поздно. Солнце уже вызывающе пялилось в окно. Свиньи, добродушно похрюкивая и потягиваясь, грели на берегу жирные бока.

В кухне мерно потрескивали зернышки поджаривающегося кофе.

Больше всего на свете Валентине не хотелось вставать. Она представила, как идет к умывальнику и ее окликает Оксана, приглашая к завтраку. И вот они усядутся напротив, и Оксана, подкладывая в ее тарелку горячие олады, будет вглядываться в нее своими милыми, доверчиво-невидящими глазами.

«Нет, не пойду. Целый день просижу в комнате, как будто меня нет». Оглядев «залу», Валентина увидела на тумбочке, возле контрабаса, свой кипятильник, пачку индийского чая, кусок вчерашнего хачапури и два яблока. До вечера продержусь, решила она и, продолжая лежать, принялась разглядывать вырезки из журналов и календарей, расклеенные по синим облупившимся стенам. Какая безвкусица! Ну разве можно вешать репродукцию «Мадонны» рядом с этой голой подмигивающей японкой? Фу! А в чем, собственно, она виновата? Что, ей лучше живется? Вон у них море под самым носом, сад огромный, да еще к Федорову могут устроиться! А Валентина хоть и сама врач, а случись что — ни за что к Федорову не попадет. Может, это она виновата, что у Оксаны отец — вор? А что, лучше, как ее Лялька — от святого Духа родиться? Кто же знал, что в этом доме слово «милиция» произносить нельзя? А не зря, наверное, Оксанка испугалась: лишь бы шито-крыто. Вон как «Приму» свою демонстрировала — я, мол, честная.

Что за чушь! Валентина попробовала остановить несвойственное ей злорадство. Ничего не произошло, мило посидели. А что, лучше у окна торчать, смотреть на эту черную воду, на это Черное чудовище? Или прятаться в темноте? И чача была вполне приличная, даже голова не болит. А Рустам такой симпатичный, остроумный. Ты, говорит, отдыхающая? Вот и отдыхай. Не смешно? Смешно! Обхохочешься! Ждешь-ждешь целый год отпуска, а вместо удовольствия — сплошная нервотрепка. А тогда ночью? Он чуть было к ней в постель не залез! А что, одной спать лучше?

— Идиотка, что это я вдруг? — Валентина резко встала, но тотчас как ужаленная подпрыгнула, наступив ногой на что-то влажное, шелковистое. Обув тапочки, она брезгливо толкнула трусики под кровать. Фу, гадость! Притон какой-то! Ладно, осталось шесть дней, а эти здесь как жили без нее, так и проживут. Пора в конце концов и о себе подумать.

Увлекшись рассуждениями, Валентина не заметила, как собрала дорожную сумку, и села подальше от окна, дожидаясь вечера.

Теперь только оставалось выйти так, чтобы не заметила Оксана.

Сдачу просить не стоит, пусть пропадает. Может, вон в ту дырку в заборе пролезть? А впрочем, если дверью не хлопнуть, она ничего не увидит. Она же слепая!

Какая удача, что деревья стоят рядком до самых ворот: от одного к другому, прыг-скок, как зайчик, прыг-скок. Что там за звук? Нет, послышалось. Прыг-скок. Ага, вот и калитка.

Проскользнув в нее, Валентина свернула направо и сразу оказалась на темной, но все равно роскошной набережной. Она свободно вздохнула и в последний раз оглянулась на дурацкий деревенский дом. Он уже обволакивался мраком, исчезая за деревьями, и только в разбитом окне второго этажа тускло мерцала голая лампочка.

Валентина отвернулась. Все! И быстро пошла, задевая сумкой шершавые спины чем-то встревоженных свиней.

ОКНО НАДЕЖДЫ

Михаил ГУРТОВОЙ

РОБИНЗОНЫ УХОДЯТ В ПОДПОЛЬЕ

В этих местах лет десять назад нам с Иваном уже доводилось ночевать. Мы мерзли вместе с бедолагами-хозяевами в последней обитаемой избушке умирающей таежной заимки и к утру от холода не чувствовали даже вкуса водки: казалось, глотаешь ледяную воду.

Помню еще, что оленья охота тогда не заладилась, зато потряс резкий переход от грозного величия сопок к мягкой и сентиментальной красоте равнины.

И вот теперь здесь же сидим мы в холле просторного дома Ивана. Аскетическая простота сочетается с непривычным для отечественного глаза комфортом. В сработанном под старину гигантском камине огонь свирепо пожирает пень с мохнатыми корнями. А за круглым, похожим на иллюминатор окном с двойными стеклами те же величественные сопки и та же буколическая равнина.

Иван то с прежним своим жадным интересом к политике слушает мои невеселые столичные новости, то перебивает их рассказом о новом, сработанном по канадским чертежам хлеве. Чертежи ему прислал единомышленник из-под Дубны, у которого Иван останавливался, когда летал на похороны Сахарова.

Знаю Ивана давно, с конца шестидесятых, когда он побеждал на Красноярских столбах в конкурсах бардов. Это и казалось счастьем — песни, вино, девицы. Обильный звездопад между летом и осенью. А все-таки по-настоящему счастливым увидел его только здесь. Помолодел. Выхудился. Исчезли десятки лишних килограммов — след мучительных, но спасающих от отчаяния ночных одиноких выпивок. Саркастическая желтизна сошла с лица, сразу ставшего очень четко очерченным. Речь очистилась от постоянного шутовства.

Ивану Иванову сорок три года. Коренной сибиряк. Томич. Инженер-электронщик. Инженер-механик. Изобретатель. С юности запойный читатель самиздата. В то же время большую часть жизни рьяно работал в секретнейшем из секретных научных центров, благополучно продвинулся до заведующего крупной и щедро финансируемой лабораторией. Словом, традиционный советский разлад между душой, головой и руками. В восьмидесятых, при андроповском сквозняке, дал избрать себя в профком. Там засветил свои убеждения, за что и был лишен всех секретных допусков, изгнан, назван диверсантом, пытавшимся создать «Солидарность» в сердце военно-промышленного комплекса. Ушел в золотодобывающую артель. Потом создал кооператив, выпускающий хитроумнейшие детские игрушки. Агитировал на выборах за «Демократическую Россию», получил перелом руки во время дискуссии со сторонниками «Памяти», которым его имя и фамилия показались «слишком нарочитыми для истинного русского».

Довольно скоро он разочаровался в депутатах, за которых дрался. Крепла уверенность в том, что они не помогут ему остаток жизни прожить при демократии, достатке, цивилизованно. Надоело кормить детей впроголодь. Надоел холод в квартире. Надоели высокопарные слова и бесплодный скулеж на собраниях «Клуба активных избирателей». Вечером жену в подъезде ограбили и избили.

Иван говорит, что решение пришло к нему неожиданное и точное, будто кто-то продиктовал его. Так в песенной молодости складывались куплеты.

Он решил бежать из неразберихи, голода и междоусобиц в мир, который создаст себе сам. И тогда же вспомнилось это место нашей давней оленьей охоты. Квадратное плато с добрым южносибирским черноземом, огороженное кедровником, нетронутым и незагаженным. Сопки защищают от ветров с Ледовитого. Три небольшие речушки сливаются в озерцо.

Разыскал наследников тех, кто жил когда-то здесь, в догнивающих избушках, выкупил наследство, чтобы все было по закону. Деревня целиком обошлась ему в несколько ящиков водки.

Продал свою машину, кооперативную квартиру, дачу, снял все деньги, которые накапали ему на сберкнижку за изобретения, за каторгу на прииске...

Еще в лабораторную свою пору имел дело с геологами. Теперь правдами и неправдами купил у них разборную финскую полевую гостиницу. Из геологического же старья собрали ему трактор и вездеход, благо в таежную глухомань ГАИ не заглядывает — документов не нужно. Геологический вертолет помог и с доставкой. МИ-6 напоминал ковчег. Блеяли ангорские козы, породистые поросята пытались полакомиться из мешков с элитным зерном, теленок пытался бодаться с бараном.

Причем летел Робинзон вместе со своим Пятницей. Им стал пятидесятилетний заместитель начальника геологического управления.

Именно к нему пришел в начале своих сборов Иванов с просьбой помочь и, оказалось, нашел единомышленника. Но отнюдь не политического. Тот, напротив, был убежден, что вся русская история исключает демократический путь развития, все идет к смуте, под уклон, в пропасть, страна уже покатилась, и остановить не сможет никто. Он тоже захотел отойти подальше от политической поножовщины, которая, по его мнению, неотвратимо перерастет в натуральную резню. Не забрызгаться кровью, выжить.

Благо годы, проведенные на севере, обеспечили ему раннюю пенсию.

Внешне они оказались похожими с Ивановым. Оба рослые, лысоватосветловолосые, с недобрыми прозрачными глазами. Большерукие. Одинаково ловкие и умелые.

Они заключили между собой договор: жить рядом, но никакой общины, никакой коммуны. Минимальные контакты только в случае внешней угрозы — болезни. В то же время есть и «совместные предприятия». Скважина, из которой берут воду, и насосы общие. Ветросиловые установки, дающие электроэнергию, которой с избытком хватает на все многочисленные хозяйственные работы, тоже обслуживают две семьи. Ветряки подмосковного производства, их было нетрудно купить, и они пока работают надежно. Общие и резервуары, куда сливаются нечистоты, перерабатываемые там в метан для кухонных плит. Это тоже не самоделка — сработана биосистема в Прибалтике, рассчитана на небольшой поселок.

А в остальном живут, как самостоятельные государства. Летом даже козы паслись раздельно. И лыжные прогулки в разные стороны. Охотничьи угодья: справа — Иванов, слева — Геолог. Есть между ними и правительственная связь. Иван всерьез показал мне на детский батарейный телефонный аппарат. Впрочем, по нему при мне формулировались совсем неигрушечные постулаты.

— Пригласив журналиста, вы нарушили наше соглашение,— басил Геолог.

— Это мой давний товарищ,— отрезал Иван.

То, что нога журналиста не должна вступать на необитаемый остров,— позиция обдуманная. В отличие от арендаторов, фермеров, которым нужны сторонники, Иван и его сосед не нуждаются в общественном внимании и поддержке. Напротив, их стремление — максимально от не устраивающего их общества отгородиться.

Наверное, стоило бы написать о них, даже если бы их было всего двое таких. Но только Иванов знает более ста подобных себе робинзонов. Занявшись розыском, и я наткнулся на добрый десяток беглецов. Так что можно, кажется, говорить о явлении.

Они, естественно, не проводят всесоюзных съездов, но в основном друг о друге, как выяснилось, знают. Пересекаются пути во время поисков автономных энергоносителей, другого оборудования. Переписываются. У них выработалось и что-то вроде общей политической программы — СЭП, собственная экономическая политика.

Ее сформулировал старый атомщик, нашедший благословенный уголок под Дубной. Он не убегал в тайгу. Купленный и переоборудованный им дом стоит в ряду других.

Это окраина Московской области. Треугольник, очерченный густой зимней волжской водой и замерзшими речушками. Зубчатый ельник на горизонте — уже калининский. Отсюда всего минут двадцать езды до ускорителей и других потускневших символов XX века. Но здесь современность исхитрилась не оставить никаких своих отметин. И когда невероятно обильные в этих местах снега прикрывают заплаты крыш и ред-

козубость заборов, кажется, виды Подберезья можно продавать кооперативным фотографам на рождественские открытки.

Он атомщик, но не теоретик, не ученый. Василий Савельевич всю жизнь варил атомную кашу руками. Руками — это не только от бедности моего репортерского словаря, а в самом прямом смысле. Был прибористом на подземном заводе. Приборы стояли на трубопроводах, по которым текла адская бомбовая начинка, забивала их, он разбирал и чистил. И у него жизнь сложена была из противоречий. Верующий человек, он сызмальства занялся самым богопротивным делом: делал бомбу,— и сам Берия, куратор атомного проекта, жал ему руку. Сейчас он не хочет противопоставлять себя обществу, упаси Бог, причинять ему вред. Но предпочитает иметь минимальное количество точек касания. В его понимании СЭП — это хозяйство, стремящееся к абсолютно натуральному. Недавно в этой семье стали даже печь собственный энергетический хлеб из пророщенных зерен. Во-первых, чтобы не зависеть от капризов хлебозавода, во-вторых, чтобы не глотать вместе с казенной булкой синтетические добавки. Так что практически на стол не попадает ничего магазинного. Рабочий день шестнадцатичасовой. Зато удои выше голландских, привесы больше, чем в штате Айова. Каждый клочок прибрежного луга, где выращивают корма, ухожен, как версальский газон.

Собственноручно произведенная здоровая пища — важный пункт сэповской программы и «пунктик» многих робинзонов. Из ста робинзонов, которых удалось мне письменно опросить, шестьдесят семь — вегетарианцы. Считают, что животные перед забоем выделяют гибельные токсины, которые отравляют едоков. Девяносто — пьют козье молоко. Практически все соблюдают два-три «голодных» дня в неделю. Не знаю, как для здоровья, но для семейной экономики очень благотворно.

Это укладывается в краеугольный принцип СЭПа: «Чем хуже — тем сильнее». Не зависеть от множащихся дефицитов. Нет сигарет — легче бросить гибельное курение, чем при роскошных табачных витринах. Нет спиртного — легче ограничить себя несколькими заздравными или антистрессовыми рюмками в месяц. Нет аспирина в аптеках — горячие припарки, оказывается, действительно могут творить чудеса, лечить не только простуду, пневмонию, но и астму. А апитерапия, то есть медолечение, лечение укусами пчел, универсально лечит, как выяснил я у другого робинзона — Николая, практически от всего, даже от лейкемии. Он, вначале получив диплом тривиального мединститута, скоро разочаровался в таблетках и инъекциях, окончил пчеловодческий техникум, а потом институт, завел пасеку. Вдали от людей проводит уникальные опыты, вылечивает от болезней неизлечимых своих родителей. Я видел их фотографии десятилетней давности, скорее напоминавшие предсмертные маски, а на огороде хлопотали вокруг диковинных, сверхполезных овощей бодрые, налитые силой, веселые, на вид сорокалетние люди.

Николай от ответа на мой вопрос, почему он не старается популяризировать свои находки, ушел. Для него, как я понял, само собой разумеется, что нельзя тратить жизнь на борьбу с учеными советами, академиками-монополистами. По его мнению, каждое общество имеет ту медицину, которую оно заслужило. Слава ему не нужна, а денег хватает.

Откуда? Продукты пчеловодства — перга, маточное молоко — баснословно нынче дороги. А у него они ведь гарантированно экологически стерильны. За пчелиный яд Николаю сахалинцы предлагали расплатиться японским вездеходом. Ведь перевезти грамм яда через таможню проще простого, а цена ему — сотни тысяч долларов. Но Николай, съездив в монастырь в рязанском селе Костино, где хранят великие традиции русского бортничества, узнал, что добывание яда — грех и от «Patrol» отказался. Впрочем, и так результаты своих опытов он просчитывает на айбиэмовском домашнем компьютере, а религиозные фильмы смотрит по современнейшей видеосистеме.

Это довольно характерно и для других робинзонов. Деньги, к которым они не стремятся, идут к ним сами, стоит только захотеть.

Иванова и его соседа, например, кормят васильковые поляны. Лепестки васильков — ценнейшее лекарственное сырье. Хитроумный самодельный аппарат скашивает их и вентилятором очищает от стеблей.

На выручку купили спутниковые антенны. Полиглоты Ивановы смотрят Си-Эн-Эн. Сосед — все более и более устраивающую его программу «Время». Видимо, можно людям придерживаться диаметрально противоположных взглядов и взаимовыгодно работать. Хотя, наверное, только вдали от других людей. Впрочем, Геолог — исключение. В основном робинзоны либерально-демократической ориентации, как правило, религиозны.

Что не мешает им, если и придерживаться руссоизма, то вполне технократического толка. Все, у кого побывал я, о ком знаю, имеют индивидуальные компьютеры, хотя бы примитивные — для обучения детей, максимум бытовой электроники, кухонные комбайны, вездеходы, тягачи, тракторы.

Возвратимся к источникам робинзоновых доходов. Они не всегда столь голубы, как васильки, и чисты, как пчелиное молоко.

Отгрохавший себе настоящий замок в северной тайге кандидат биологических наук Семен добывает желчные пузыри медведя и кабарги, скупает и в Хакасии, и в Горной Шории панты, золотой корень и во время поездок к друзьям в Австрию выгодно сбывает.

Впрочем, это исключение. Как правило, робинзоны крайне законопослушны.

Хотя при нынешней постсоциалистической невнятице в законах трудно сказать, легальна ли, например, торговля собаками. Ею живет Константин. Три раза за политические убеждения он побывал в зоне. Перестроечные перемены настолько разочаровали его, что свою прошлую жизнь и борьбу он признал бесцельной, ушел в калининские леса.

Он специализируется на выращивании кавказских овчарок. Сейчас эта порода стремительно входит в моду за врожденное злобное недоверие к чужим. Спрос на них в нашей стране тотальных грабежей сейчас невероятный. Да и заграница разузнала, что «кавказец» сильнее и злобнее даже специально выведенных там собак-убийц спицбулей. А уж дешевле и неприхотливее несравнимо.

Любимец Константина черный, по-лосиному длинноногий, свирепый Зэк спит в сугробе, прожигая его до земли животом. При мне за ним приезжали из Кабарды, давали пять тысяч. Там на собачьих боях «Жигули» — ставка рядовая. А против «кавказцев» не могут устоять ни доги, ни мастифы. Но Константин лениво отрезал: «За рубли не продается». Впрочем, следующему покупателю — гигантскому литовцу — он Зэка не отдал и за дойчемарки. Мрачно пошутил, что специально для Прибалтики будет тренировать собак на подрыв танков.

Постоянно живут у Константина дюжина взрослых собак, десятки щенков. Цена среднего щенка около полутора тысяч. Месячный доход Константина, по его словам, тысяч пятнадцать — двадцать.

Собак уходом и изысканным рационом здесь не балуют, и от этого они якобы становятся крепче и лучше. Зато после обмена крупных купюр сделал Константин подстилку щенкам из оставшихся сотенных.

Помогают ухаживать за собаками Константину совсем юная куколка-жена и ее тоже красивая и юная подруга. Они часто по очереди ездят в столицу на собственном «уазике» в сопровождении пугающе умной немецкой овчарки Улики, там опустошают салоны мод и коммерческие магазины.

Я передал Константину привет от нескольких оставшихся в живых и в Союзе его друзей по правозащитному движению. Он помрачнел и вовсе замкнулся, а потом начал рассказывать, не знаю уж, правдивые или нет, похабные байки о людях, которых я почитаю как мучеников за свободу. На том и расстались.

Доктор медицины К. не стал искать необитаемый остров, а обнес вызывающе высоким забором доставшуюся от отца, академика-уролога, дачу. Там оборудовал таинственную для моего неискушенного взгляда лабораторию с электронным микроскопом и, кажется, даже лазерным скальпелем. Он создает аквариумных рыбок таких невероятно причудливых форм и расцветок, что становится обидно за безыскусность природы, способной дать доктору лишь исходное сырье. Эти рыбки различными, подчас очень извилистыми каналами переплывают границу и попадают в аквариумы богатых любителей. А во всем остальном К. робинзон как робинзон. Неприятие государственной службы. Минимум контактов. Питание чистыми, выращенными на своем огороде на навозе овощами.

Он несколько маниакальный поклонник Пастернака, владеет рукописью поэта и несколько раз подчеркивал, что реализует мечту доктора Живаго — жить естественной жизнью, питаться собственноручно выращенными плодами. Он прочел нам целую лекцию о том, что великий врач Джарвис оздоровлял Соединенные Штаты, уговорив сограждан пожертвовать в своем рационе цитрусовыми и перейти на яблоки. Так что привозные апельсины не нужны. Говорил о том, что методика рождения детей в домашней ванной, разработанная в Москве, покоряет мир. Ее признали даже в антисептической Австралии. Вот и нам лучше попытаться следовать ей, чем бесконечно хаять зараженные роддома. Так что самое здоровое — возвратиться к естественной жизни.

На вопрос, является ли частью естественной жизни извращение рыбьей генетики, не ответил. За обедом, состоящим из овощей вареных и свежих, раздражающе долго жевал. Объяснил, что только так можно реально обеспечить реальное долголетие. Увлечен этим процессом он был всерьез, за столом не разговаривали. Потом мы узнали, что среди домашних его зовут доктором Жевакой.

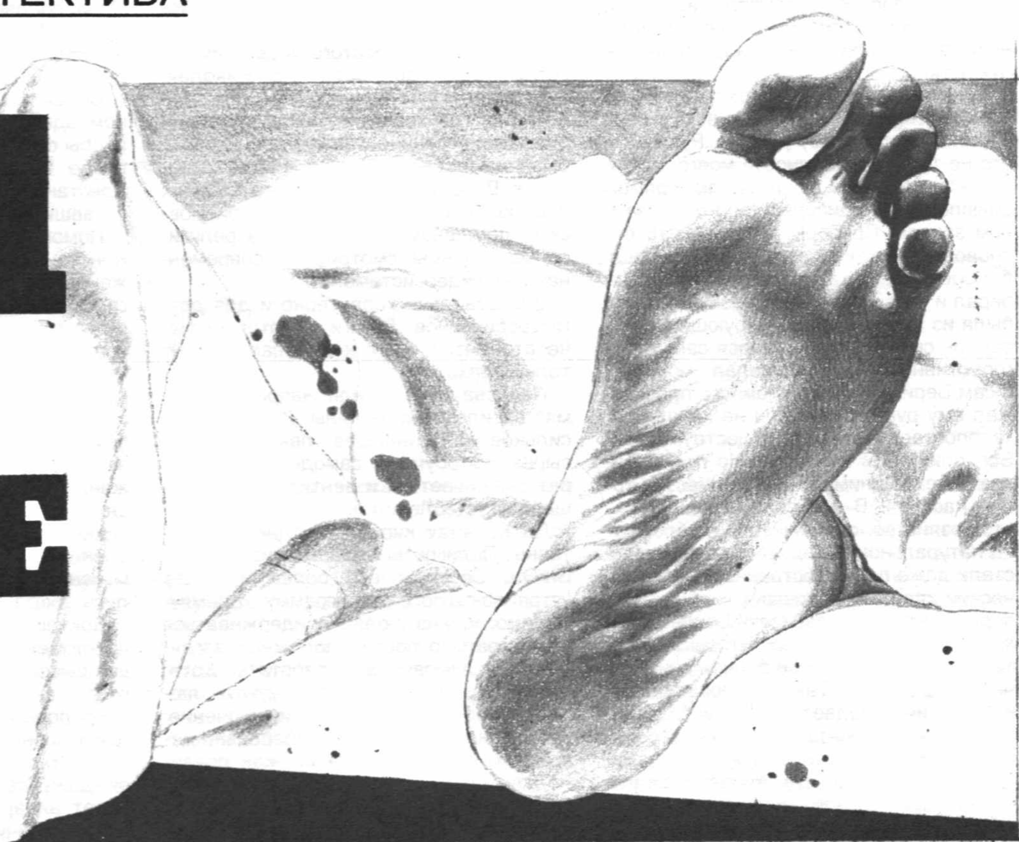
Итак, к массовому исходу из страны, кажется, добавляется этакая внутренняя эмиграция. И, судя по моим наблюдениям, уходят в нее не худшие — думающие, умелые, храбрые, ловкие и предприимчивые. Не случайно большинство из них сумело создать на своих необитаемых островах достаток, о котором основная масса сограждан может только мечтать.

Думаю, и самый недоверчивый читатель не потребует никаких доказательств того, что жизнь, материальная наша жизнь, стала невыносимой. Что же делать? Мы или цепенеем в бесконечных очередях, или дерем горло на митингах, или в голубом гипнотическом сне суфлируем телевизионным экранам. Пожалуй, все эти состояния можно выразить одним словом: ждем. Ждем, что завмаг сжалится или испугается и выбросит на прилавок из подсобки дефицит. Ждем, что академик придумает, как из загаженного и в прямом, и в переносном смысле нашего советского воздуха синтезировать благополучие, а депутат реализует его придумку. И в этом ожидании чуда, даже если оно направлено на самых демократических нынешних фаворитов,— отголосок семидесятитрехлетней веры в лениновсталинов, которые думают за нас. Робинзоны не ждут. Они поняли, что никто не даст им избавленья. Что все надежды сегодня только на самих себя. Что даже то микроскопическое отступление политического, экономического, морального и психологического крепостного социалистического права, которое уже свершилось, дает нам огромный по сравнению с прежним выбор. Так разве плохо, что люди поспешили всерьез воспользоваться им? Хорошо вроде бы и для нас. Они кормят, лечат себя сами, снимая хоть часть нагрузки с наших обескровленных аптек и универсамов.

Но задумаемся, можно ли, допустимо ли даже не с нравственной, а с чисто практической стороны именно так распорядиться этой не то чтобы даже свободой, а временной близорукостью тюремщиков и сбежать. Не объединяться, пренебрегая расхождениями во взглядах, неизбежными у мыслящих людей, против тех, кто давил нас вчера, а сегодня делает все, чтобы давить и завтра, но сбежать.

Уклонившись от борьбы за наше вхождение в цивилизацию, робинзоны в нынешней обстановке еще больше увеличивают шансы партийным барам вновь подмять всех нас. Подмять, обобрать, согнать в коллективное стадо, обязать преть на политзанятиях и чтить кастрационный моральный кодекс. А то и попросту выстроят в колонны по четыре, по шесть, по восемь. Рука в генеральском мундире легко сомнет в единый лагерный архипелаг комфортные островки, которые они с таким трудом обустроили. Что против омоновских автоматов ружья, которые держит Иванов наготове от бандитов, а щенков Константина нетрудно выдрессировать для конвойно-караульной службы. Доктор Жевака тогда будет продолжать свои опыты в тюремной шарашке, его волшебных рыбок станут продавать за границу легально, чтобы оплачивать, как водится, африканские сафари отпрысков членов Политбюро. Прогноз этот, к сожалению, не умозрительный. Ведь робинзонада была привлекательна для беглецов из социалистического лагеря издавна. Отшельники Лыковы не исключение. В семидесятых годах в хрестоматийно Туруханском крае сын сосланного туда кулака попытался жить наособицу. Помню, я восхищался его песцовой фермой, трактором собственной конструкции. Как его, беднягу, шантажировали и обдирали государственные рэкетиры! От председателя сельсовета до районного фельетониста. На алтарь своей экономической свободы он даже дочь положил, в самом прямом смысле. Думал, станет она любовницей участкового — защитит. Посадили, конфисковали, разграбили... Есть ли толк в этих увещеваниях? Робинзоны протаптывают свою тропу все дальше и дальше от избирательных участков и наших митинговых площадей. И тем не менее общественный инстинкт во многих жив. Ведь разрешили они мне написать о них, пусть опуская точные координаты и некоторые имена. Обещали ответить на читательские письма, если такие появятся. Вот пока и все о робинзонах конца перестройки.

БЕСЫ В ПАРИЖЕ



Дерек КАРТУН

РОМАН

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

ГЛАВА I

— Бобр, я Лиса. Бобр, я Лиса. Что нового? Конец связи.

— Лиса, я Бобр. Ничего, кроме потрясной киски, загорает на солнышке. Выглядит одинокой и озабоченной. Конец связи.

— Бобр, я Лиса. Не отвлекайся от работы, Жако.

— Лиса, я Бобр. Прошу прощения, шеф. Конец связи.

— Лиса, я Леопард. У меня подозрение насчет черного «пежо-402», который двигается на север вдоль Рут де Лак. Я его заметил в зеркале заднего обзора и готов поклясться, что он тут проехал дважды. Кружит.

— Лиса, я Ящерица. Леопард что-то не то увидел. Не черный, а серый. И номер у него на бордовой таблице. Господи, ну и жарища. Пойду пройдусь. Морис меня сменит через пять минут. Конец.

— Ящерица, я Лиса. О'кей, только держись подальше от женщин. Осталось всего четыре часа. Вы, ребята, должны радоваться, что у вас такое теплое местечко.

Человек в машине, обозначенной как Лиса, передал микрофон сидящему рядом молодому сотруднику и, достав большой и несвежий носовой платок, утер лоб. Он обливался потом на жарком июльском солнце, прилипал к сиденью, ему хотелось пить. «Патрон слишком много значения придает этим случайным вылазкам,— с раздражением думал он.— Шестнадцать человек на восьми машинах тратят все воскресенье — чего ради? Один шанс на миллион. Жена сердится...»

— Никишева тоже так поймали, шеф?

— Черт, да это два года назад было, а патрон с тех пор прямо свихнулся на своей «системе». Но дважды такого не случается. В этой игре — никогда. Везет только раз в жизни...

Радио щелкнуло:

— Лиса, я Бизон. Лиса, я Бизон. Господа, никто из вас не возражает, если я пойду отолью? Никакого изыска, сами понимаете, просто небольшое и быстрое облегчение.

— Лиса — Бизону. Не трать эфирное время на дурацкую болтовню. Найди подходящее дерево и давай. Конец связи.

— Бизон — Лисе. Найди дерево... О Господи, да тут, кроме деревьев, и нет ничего, а он — найди дерево! Конец связи.

Толстый человек — Лиса — засмеялся и отхлебнул лимонаду из неполной банки. Он взглянул в зеркало заднего обзора и вдруг, сузив глаза, выпрямился и схватился за микрофон. Когда черный «пежо» проезжал мимо на скорости тридцать или около того, он уже орал в микрофон:

— Лиса — всем! Лиса — всем! Черный «пежо-402» с номером советского посольства следует позади меня к западу по шоссе Лоншан. Водитель один, мы его не узнали. Запишите номер: 99772 AP 75. Бизон и Волк, вы на его пути по шоссе Лоншан. Доложите, когда он появится. Конец связи.

— Рыбка на крючке,— сказал водитель Бизона своему напарнику.

— Чепуховая рыбка, барабулька.

— Посмотрим.

Он не отрывал глаз от зеркала, дожидаясь, пока «пежо» появится сзади: вот он! Поднес микрофон ко рту:

— Бизон — Лисе. Он приближается. Скорость около сорока, но замедляет ход. Поворачивает налево, на шоссе Саблоннез. Я его хорошо рассмотрел, шеф. По-моему, это Галевич. А может, и не он. Повернул и направляется к югу от меня по Саблоннез. Конец связи.

Толстяк Лиса следил за советской дипломатической машиной по карте, неловко расстеленной на коленях.

— Двигается по направлению к Ящерице,— сказал он помощнику.— Предупреди.

Тот взял микрофон:

— Лиса — Ящерице. Жан или Морис, он приближается к вам. Если не свернет на шоссе Этуаль, то будет у вас... прямо сейчас, сию минуту. Конец связи.

— Ящерица — Лисе. Это Морис. Никаких признаков. Он, наверно, свернул раньше. Конец связи.

— Лиса — Пантере. Он движется к вам. Всем остальным. Он может свернуть вправо и выехать из Булонского леса. Конец связи.

— Пантера — Лисе. Что-то его не видать. Если и Морис его не засек, значит, он остановился где-то между нами. Кажется, я вижу что-то похожее в двух сотнях метров отсюда. Конец связи.

Толстяк Лиса отшвырнул карту и схватил микрофон.

— Лиса — всем! Лиса — всем! Сейчас сходимся! Только думайте хорошенько. Как бы его не спугнуть. Теперь слушайте. Бобр, медленно иди вдоль шоссе Этуаль с озабоченным видом, будто кого-то ищешь, и смотри в оба,— может, он на обочину свернул. Пантера, развернись, запусти мотор и стой, где стоишь, на случай, если он вылезет на минутку по нужде и сразу двинется дальше. Бизон пусть идет прямо к нему, как только мы его отыщем. Жду вестей от Бобра. Если его увидишь, смотри глупостей не натвори. Не вздумай остановиться и пялиться на него. Шагай себе мимо, ясно? Конец связи.

И снова через несколько минут радио:

— Лиса, я Бобр, Лиса, я Бобр. Только что прошел мимо него. Он припарковался метрах в трехстах к северу от Пантеры на шоссе Этуаль. Там еще две машины, грузовик, какие-то люди вокруг — несколько человек. В машине никого нет. Может, его кто и сопровождает, не знаю. Из тех, кто здесь есть, на русского никто не похож. Что мне дальше делать, шеф? Конец связи.

— Бобр, я Лиса. Можешь остановиться неподалеку от Пантеры. Кто-то из нас будет поблизости. Леопард пусть тоже движется к шоссе Этуаль. Когда все соберемся, выйдем из машин. И не забывайте про кинокамеры: снимайте... Конец связи.

Толстяк тронул с места и двинулся по шоссе Лоншан. Сворачивая на Саблоннез, он заметил машину Бизона и своих людей на углу. На его мясистом лице появилось подобие улыбки. Он воспрянул духом.

— Может, я и ошибся,— сказал он,— может, и еще раз повезет. Слава Богу, эти ребятки из КГБ — дурни вроде наших. Господи, что уж такого в этом Булонском лесу, что их всякий раз сюда тянет?

— Может, птички? — предположил напарник.— Их тут полным-полно.— Он пытался разрядить напряжение мазохистским юмором. Новичок, недавно перешедший в Отдел территориальной охраны (ОТО) из Нантской полиции, он был наслышан, что тут так принято. Ему нравился этот стиль. Вообще он чувствовал себя отлично.

Толстяк гнал машину на большой скорости. Проехав место, где стояла советская дипломатическая машина, он даже не взглянул на нее, а свернул под деревья метрах в двухстах дальше по шоссе. Остановившись, он повернулся к спутнику:

— Ну, а теперь чтобы никаких проколов, понятно? Идет большая игра, а когда в ней участвуешь, то афишировать это не следует. Одет ты для такой работы правильно, так что давай выходи, мой мальчик, и гуляй себе, будто девку снять хочешь. Ясно?

— Ясно, шеф!

Молодой человек вылез из машины, поддернул джинсы и лениво зашагал к деревьям. В этой части

Булонского леса народу было немного. Все устремились дальше на запад, к прудам, к просторным полянам, где можно позагорать, а заодно и завязать интересное знакомство. Сюда, под липы и белоствольные березы, в густую тень, тянет разве что любовников, у которых на уме еще кое-что, кроме загара, да рыскают тут под деревьями любители острых ощущений за чужой счет.

Жан и Морис, одетые, как положено, если собираться на выходной в лес, медленно шли вдоль шоссе Этуаль и, казалось, целиком были заняты беседой. Трое или четверо других сыщиков тоже вышли, подъехав к машине русских метров на сто. У каждого в кармане был миниатюрный радиопередатчик. У троих — кинокамеры. Не то чтобы это было самое профессиональное или самое надежное подразделение французской контрразведки, однако оно вполне соответствовало своему назначению — при условии, что преследуемый ни о чем не догадывается, да еще как следует пообедал в этот жаркий до одури день. Толстяку случалось действовать в ситуациях, куда менее похожих на увеселительную поездку, и потому он не особенно беспокоился.

На маленькой полянке лежала на полотенце темнокожая девушка, парень щекотал ее веточкой, чтобы заставить перевернуться на спину. Оба смеялись, и девушка не так уж старалась прикрыть грудь. Поодаль за деревьями прогуливались под руку немолодой человек и худощавая девица с длинными светлыми волосами. Они разговаривали и не обращали внимания на парочку на полотенце. Девушка между тем перевернулась. «Вот это сиськи!» — воскликнул мысленно молодой помощник Лисы. Однако заставил себя переключиться на преследуемого: «Грязный тип, он же за ними подглядывает!» Впрочем, может, это просто форма прикрытия, и он собирается здесь с кем-то встретиться...

Сыщик почувствовал что-то вроде спазма в желудке. Дивное ощущение опасности, вот что это такое! Он осторожно начал обходить русского, который, казалось, был полностью поглощен своим занятием. Потом оглянулся, как его учили: нет ли тут второго русского, который прикрывает первого? Таково нерушимое правило тайных встреч: один прикрывает другого и предупреждает, если обнаруживает слежку. Но молодой человек из Нанта не заметил никого, кто мог бы сойти за агента КГБ. В его поле зрения находился сам Галевич, если это был он, парочка на полотенце да еще пара, что бродит рядом,— эти заняты только собой, может быть, чей-то муж со своей секретаршей. А подальше — несколько праздных пешеходов на шоссе Этуаль. Да еще по обеим сторонам дороги сотрудники ОТО со своими передатчиками и камерами. В точности как в кино — он чувствовал себя на седьмом небе...

Морис навел было камеру на русского. Толстяк рявкнул в микрофон: какого черта ты его снимаешь, он же ничего не делает. Дождись, пока он с кем-нибудь встретится.

Морис снял палец с кнопки: шеф прав, нечего зря расходовать дорогое государственное имущество — кинопленку.

— Мы слишком близко,— сказал шеф.— Давайте все назад, кроме Люка. Двигайтесь вокруг. И ради Бога не забывайте делать вид, будто наслаждаетесь воскресным отдыхом.

Люк — тот, что из Нанта,— был польщен, когда для близкого наблюдения выбрали именно его. Он должен стараться. Быть спокойным. Выглядеть беспечным. Ну-ка, притворись, будто интересуешься сиськами этой девчонки. Господи, но это правда интересно. Ну потрясающие сиськи. Он прямо-таки завидует малому, который с ней заигрывает. Русский, кажется, придерживается того же мнения: застыл на своем шпионском наблюдательном пункте за кустами. Ага, девчонка застегивает бретельки от лифчика, а счастливчик возле нее натягивает майку. Похоже, уходят. Что сделает русский? Где его прикрывающий? И где, главное, тот, кто должен выйти на связь? Русский отвернулся от парочки — спектакль окончен! Люк увидел его лицо — высокие скулы и узкие глаза. Ничего оно не выражает — ни тебе удовольствия, ни разочарования, ни беспокойства.

До Люка внезапно дошло: ОТО устроил все это — восемь машин, шестнадцать человек в нерабочее время,— чтобы выследить какого-то русского из Новосибирска, который в жаркий летний день предается любимому занятию: подглядывает за парочками в лесу. Никакой встречи у него, может, и не намечалось. Вот комедия! Мирей, если ей рассказать, прямо со смеху помрет. Она любит такие истории: чтобы что-нибудь сексуальное, да еще смешное.

Теперь русский возвращается к своей машине. Сел, двинулся к востоку по шоссе Этуаль, спешит выбраться из Булонского леса.

— Импотент чертов,— разражается шеф в микрофон.— Это точно Галевич. Второй раз его за этим делом ловим. О'кей, все по машинам. Еще три часа работаем!

Андре Бастьен, наверно, десятый раз за последние пятнадцать минут взглянул на часы. Половина седьмого! Он здорово опаздывает, дома будет неприятный разговор. Сейчас бы ему сидеть с Клодин в кафе на левом берегу. Но, Господи, эти пробки! Хуже еще, чем обычно. И это в августе, когда пол-Парижа отдыхает! Он целых двадцать минут ползет параллельно реке сначала по Аллее Альберта Первого, а теперь по Кур ля Рэн. Где-то впереди наверняка затор. Может, машина чья-то сломалась? Перегрелась на жаре. А может, просто, как всегда в пятницу, все норовят побыстрее выбраться из города на свежий воздух.

Он посмотрел налево. Хорошенькая девушка в «мини-остине» все еще чуть впереди него. Десять минут назад они обменялись взглядами, и теперь он улыбнулся ей и выразительно пожал плечами. Она слегка улыбнулась в ответ. Ему показалось, что в этой полуулыбке заключается призыв. Может, удастся извлечь хоть немного радости из этой проклятой каши на дороге? Заговорить бы с ней. Но не орать же, перекрывая визг тормозов и то и дело раздающиеся сердитые гудки.

Ему припомнилось, что именно так он познакомился с Клодин: в автомобильной пробке на авеню Опера. Улыбнулся ей, получил в ответ ту самую озорную улыбку, которую потом так хорошо узнал и полюбил и которая последнее время его раздражает. Какой-то водитель впереди них тогда, потеряв терпение, начал браниться. Он пожал плечами, глядя на Клодин, точно так, как сегодня, с этой девушкой в «мини-остине». А Клодин ответила ему таким же пожатием плеч. Он подумал: почему бы и не попытаться познакомиться? Самое худшее, что может произойти,— если он прождет ее без толку в кафе. Написал на клочке бумаги: «Извините, пожалуйста, за смелость, но я буду в баре отеля Крийон сегодня и завтра в шесть. Приходите, пожалуйста, и отметим наше избавление». Перечитал — можно бы придумать что-нибудь получше, но и так сойдет,— подчеркнул в двух местах «пожалуйста». Потом, скатав записку, бросил ей в машину и поклонился в ее сторону. Клодин подобрала записку с сиденья и положила на щиток, даже не развернув. Андре Бастьен решил тогда, что это пустой номер, но на следующий вечер в половине седьмого (позже он узнал, что Клодин не отличается пунктуальностью) она появилась...

Это тянется уже два года и, если честно, так он устал. Вот почему он рассчитывал просто выпить с ней быстренько — и домой. Жене он обещал вернуться в половине восьмого. Но если и дальше так пойдет, он успеет разве что сказать Клодин, что он спешит, и тогда непременно последуют слезы и попреки. Лучше уж опоздать домой, сославшись на позднюю работу и на пробку. По крайней мере пробка-то не выдумка.

Он снова взглянул на девушку. Хотя она и смотрит прямо перед собой, но взгляд его чувствует: подбородок вздернут чуть-чуть больше, чем следует, и тонкая рука пригладила сзади волосы, хотя в этом необходимости нет. Может, снова попробовать гамбит с запиской? Какая ирония: он собирается порвать с Клодин и начать новую интрижку точно тем же способом. Это отвечает его чувству стиля.

Машины медленно продвигались к туннелю под площадью Конкорд. Похоже, под землей оба ряда машин сливаются в один и как-то там перестраиваются. Это последний шанс оказаться с ней рядом.

Он вырвал страничку из записной книжки, быстро написал несколько слов, скатал. Но ее левое стекло закрыто — защищает ее от выхлопных газов. Он посигналил, прося опустить стекло. Она, казалось, удивилась, но просьбу исполнила. И, наклонившись, он метнул бумажный шарик как раз в тот момент, когда машины в ее ряду рванулись вперед. Теперь она в одной с ним колонне. Но записка уже у нее. Андре Бастьен почувствовал радость от грядущего приключения. Какая хорошенькая! Оч-чень интересно.

Было шесть тридцать две. И тут он увидел, из-за чего произошел весь этот затор. Зеленый жук-«фольксваген» остановился внутри туннеля — поломался, видно, и хозяин побежал вызывать техпомощь. Андре Бастьен заметил, что машина старая, потрепанная и грязная. Он мысленно обругал людей, которые выезжают на неисправных машинах и причиняют остальным столько неудобств. Потом вспомнил вдруг, что купил шоколадные конфеты для Клодин, они, вероятно, совсем растаяли. Рядом с конфетной коробкой на сиденье лежала электронная игра для маленького Робера — у него завтра день рождения. Как славно! Он любит дни рождения своих детей. Надо завтра прийти пораньше с работы, чтобы принять участие в их забавах. Он поравнялся с «фольксвагеном», и это было последней мыслью, отпущенной Андре Луи Мари Бастьену, тридцати четырех лет от роду, отцу двоих детей, любовнику Клодин Марсиаль, неверному, но любящему мужу Лоры Бастьен и достойному парижанину. Потому что в этот момент в зеленом автомобильчике, превратив его в ничто, рванули шестьдесят фунтов взрывчатки, спрятанной в четырех почтовых сумках позади места водителя. В замкнутом пространстве образовалась гигантской силы взрывная волна, которая швырнула машину Андре Бастьена, «мини-остин» хорошенькой девушки и еще сорок других автомобилей друг на друга и на стены туннеля. Она тяжело ударила по каменной кладке, сверху посыпались глыбы, добивая всех, кто был еще жив. Кого-то разорвало на куски, кого-то стиснуло между камнями и исковерканным металлом, и тут же, выплескиваясь из пробитых баков, вспыхнул бензин.

Все было кончено за несколько секунд, остались лишь ревущее пламя, клубы черного дыма и удушливая пыль. Раздались пронзительные вопли — не жертвы кричали, а те, кто находился снаружи, возле входа в туннель.

В 6.42 — десять минут спустя — раздался еще один взрыв — в холле одного из домов на Аллее Альберта Первого. К тому времени транспорт плотно стоял по обе стороны реки на всем пространстве до площади Альма и дальше. Так же глухо были забиты все подступы к Конкорд и набережные вдоль Лувра до самого Шатле. Ни одна пожарная машина не могла пробиться ближе чем на четверть мили к туннелю и к зданию, охваченному огнем.

Репортер газеты «Ле Монд», в поисках яркого захода для своей заметки, сочинил такую фразу:

«Вчера вечером Париж стал жертвой технологий, а именно технологии взрывного устройства, которым располагают современные террористы, и двигателя внутреннего сгорания. Именно они, эти технологии, создали идеальные условия для распространения неуправляемого ужаса в сердце большого города. Одна машина доставляет бомбу, бессчетное множество других не позволяют врачам, пожарным и полиции добраться до места катастрофы. Дамы и господа, мы ничем не ограждены от опасности». Эти отрезвляющие мысли были опубликованы в субботнем выпуске «Ле Монд» 8 августа — через шесть дней после бесплодной вылазки группы ОТО в Булонский лес.

В ту пятницу, когда случилось несчастье, в клинике Божон вечером было спокойно. Два взрыва унесли множество жизней, раненых же почти не было, и тех увезли в другие больницы. На место катастрофы отправилась бригада хирургов: нескольких людей ранило осколками стекла, кому-то понадобилось срочно оперировать глаз. Однако в самой клинике день шел как обычно: жертвы дорожных происшествий, прободной аппендицит, женщина, жестоко избитая мужем. Дежурный — молодой врач — был на посту уже четырнадцать часов и очень устал. Ночной персонал только что приступил к работе, мечтая о дневной службе и нормальном сне. Было много хлопот с шумным пьяным, который где-то упал в огонь — у него сгорели волосы.

Когда «скорая» доставила еще одного пациента, дежурный устало поднялся.

— Что стряслось? — спросил он у тех, кто внес носилки.

— Мотоциклист. Сбило грузовиком. Был без шлема. Сотрясение мозга, а может, и похуже. Пульс очень слабый и цвет кожи мне что-то не нравится.

— Давайте посмотрим.

Они поставили носилки, и доктор отвернул веко паренька, пощупал пульс, расстегнул одежду и послушал через фонендоскоп сердце. Результаты осмотра оказались хуже некуда, и молодой доктор — он работал первый год после института — по-настоящему испугался. Он никогда еще не встречался с переломами черепа, а здесь, судя по состоянию пациента и по глубокой ране на голове, было именно это.

— Плохи дела! Поместим его в палату и понаблюдаем. Что при нем было?

Служащий «скорой» показал куртку паренька, брошенную поперек носилок, и кожаный ранец, подобранный на дороге. Они вдвоем обыскали карманы брюк и куртки, порылись в сумке.

— Надо это переписать,— сказал доктор.

Регистраторша занесла в карточку:

«Содержимое карманов и кожаного ранца: удостоверение личности, водительские права, 122 франка 30 сантимов наличными, шесть билетов на метро второго класса, белый носовой платок, одна записная книжка, одна шариковая ручка, один запечатанный конверт, бумажник с тремя фотографиями». Потом она списала данные с удостоверения:

Имя: Гвидо Ферри.

Адрес: Альфортвиль, улица Бланки, 127.

Родился: 10 августа 1964 и т. д.

Доктор посмотрел перечень, сверил и подписал, добавив: «Пациент доставлен без сознания. Помещен в палату».

Носилки поставили на каталку и повезли к лифту.

— Пусть сиделка побудет рядом, понаблюдает,— распорядился врач.— Случай серьезный. Нужен рентген, и, возможно, сразу придется оперировать.

Он позвонил палатной сестре и опустился в кресло, мечтая выпить чего-нибудь.

— А как насчет родственников? — спросила регистраторша. Она была новенькая и не знала правил.

— Люди со «скорой» сообщат в полицию. Только, боюсь, все сейчас на этих взрывах. Позвоните в префектуру и попросите связаться с семьей. Дайте им адрес, ладно? Пусть предупредят: травма серьезная...

Девушка кивнула: как ей велели, так она и сделает.

Но через час звонок из полиции:

— Скажите еще раз адрес этого мотоциклиста.

Она повторила.

— Полиция в Альфортвиле утверждает, будто по этому адресу такого нет. Он еще у вас?

— Я думаю! Похоже, ему тут долго быть.

— Ладно, сейчас пришлем кого-нибудь. Надо взглянуть на его вещи.

Четверть часа спустя явились двое в штатском, им сопутствовал неистребимый запах полицейского участка. Оба были вежливы, деловиты, однако вид у них был скучающий. Регистраторша отдала им пожитки молодого человека, и все было снова переписано, на сей раз в полицейскую книгу. Когда старший из двух дошел до заклеенного конверта, он заколебался на мгновение, прочитав имя и адрес, отпечатанные заглавными буквами, и, ниже слова «передать лично», но, аккуратно надорвав конверт, извлек несколько листков. Это были фотокопии. Читая, он пытался сохранить на лице выражение безразличия. Это выражение он культивировал с тех пор, как его перевели в группу, которая всегда в штатском. Перемена в одежде, считал он, означает, что теперь от него требуются мозги, а не мускулы, и надлежит вести себя соответственно. Но то, что он прочел, смыло деланную скуку с его лица. Он взглянул на своего товарища:

— Черт побери!

— Что там?

— Там? Динамит, вот что. Пошли быстро.— Он засунул листки обратно в конверт и собрал остальное.— Это мы забираем,— объяснил он регистраторше.— Мы еще с вами свяжемся. Кстати, парня отсюда не выпускайте. Это приказ.

То же самое повторил он и молодому врачу, а затем, пригласив жестом своего коллегу следовать за собой, торжественно вышел.

Кампания террора, которая нарастала последние три месяца, привлекла внимание экспертов в Западной Германии и Италии, где хорошо понимали, что такое политический террор. Специалистов поразила эффективность действий парижских террористов, их абсолютная готовность на все, а также их отличная экипировка — они располагали самыми современными взрывными устройствами! Похоже, они не испытывают нужды и в деньгах. Французская полиция практически была бессильна перед ними. Интерпол, итальянцы и датчане предложили помощь, но их предложения были отклонены, что позже приписали амбициям французских спецслужб.

ГЛАВА II

Несмотря на многочисленность служб французской полиции и вечное между ними соперничество, система срабатывает иной раз удивительно быстро. Вот и тут, когда двое сотрудников в штатском торжественно доставили свою находку в префектуру 6-го округа, там как раз дежурил толковый молодой сержант. Он заглянул в конверт, смекнул, что тут пахнет жареным, и позвонил на бульвар Пале, в городскую префектуру.

Дежурному офицеру он объяснил, что произошло.

— Ну и что там, в этих бумагах? — заинтересовался тот.

— На одном листе — фотокопия протокола совещания. На официальном бланке.

— А бланк-то чей?

Молодой сержант глотнул воздуха — это был его звездный миг:

— Министерства обороны.

Его собеседник на том конце провода только присвистнул.

— Прочесть вам?

— Нет. Положи все обратно в конверт, запечатай как следует. Как следует, ясно? И отдай все курьеру — он будет через пятнадцать минут.

— Есть!

— Ты правильно сделал, что позвонил.

— Спасибо.

Сержант сделал все, как ему велели, похвалив себя за то, что не стал разглядывать документы. Того, что он увидел, было достаточно: крупное дело. Когда прибыл курьер, он отдал под расписку вещи в большом запечатанном пакете и снова включился в суетную ночную работу.

А в это время дежурный из городской префектуры пытался дозвониться префекту, но этой важной персоны не оказалось дома, он где-то ужинал. С его заместителем господином Руассе ему повезло больше. Они с женой смотрели телевизор, и хоть Руассе был не в восторге от того, что его потревожили, но дежурного выслушал

— Это не по нашей части,— заявил он.— Такого рода делами занимается ОТО. Когда бумаги привезут, спрячьте их в сейф и ждите дальнейших распоряжений, я еще позвоню.

— Хорошо, шеф.

В молодости Руассе работал в уголовном розыске и сидел в одном кабинете с Жоржем Вавром, а тот нынче возглавляет отдел территориальной охраны, которому положено наблюдать за чужими агентами на французской территории, группа из этого отдела и проявила столь пылкое усердие жарким воскресным днем в Булонском лесу... Руассе колебался, позвонить ли старому приятелю или дождаться, пока вернется домой шеф. Он безотчетно делал важный выбор, хотя и не мог знать, что от его решения самым существенным образом будут зависеть все последующие события. Заместитель префекта просто прикидывал, как будет лучше для дела. Пожалуй, надо подождать,— посмотреть эти документы, убедиться, что никто — и сам он, главное, подняв из-за них шум,— не окажется в дураках. Он позвонил дежурному и велел срочно доставить бумаги к нему домой в Сен-Клу.

Разложив скромное достояние сбитого мотоциклиста на обеденном столе, он внимательно осмотрел все: от билетов на метро до подозрительного конверта, который был снова плотно заклеен скотчем. Сержант из шестого округа приложил записку, объяснив, что удостоверение личности оказалось фальшивым, что владелец его пока без сознания и неизвестно, придет ли в себя. Возле больницы дежурит полицейский. В прессе об этом инциденте упоминаться не должно. Тем двоим, в штатском, велено помалкивать.

Было около часу ночи, когда Руассе приступил к изучению документов. Целую четверть часа он потратил, чтобы их прочесть: он всегда чувствовал тяготение к такого рода делам. Листки представляли собой бланки Министерства обороны. Руассе, склонный воспринимать жизнь масштабно, подумал, что оказался внезапно вовлеченным в события, которые вершат историю. И, конечно, не следует звонить начальству, то есть префекту, и выпускать дело из рук. Уж если тут светит слава, то будет только справедливо, если она достанется именно ему — за то, что сразу распознал важность находки, государственный аспект этого дела и безотлагательно связался с ОТО. Ведь в последнее время что ни день, то беда. Бомбы взрываются все чаще, и ни у кого нет ни малейшей версии, заслуживающей внимания. Сегодняшний двойной взрыв, можно сказать, увенчал действия террористов. Государство бессильно? Есть ли что-нибудь, что можно противопоставить этому кровавому безумию, этим взрывам, которые сотрясают большинство европейских стран в последнее десятилетие? Да, есть! — такой ответ подсказывала Руассе его склонность к мелодраме, к апокалипсическим видениям. Но префект не может встать на его точку зрения. Этот циничный и земной человек пренебрежительно пожмет плечами и примется толковать о «красных бригадах», доложит министру внутренних дел, что полиции необходимы время, удача или еще что-нибудь. По мнению Руассе, префект слишком верил в возможности специального подразделения по борьбе со взрывами. Тут требовались действия в национальном масштабе, чтобы сознанием важности этого дела прониклись одновременно несколько тысяч сотрудников полиции по всей стране, пусть оставят пока в покое наркоманов и проституток, незаконно промышляющих на авеню Фош! Этот скромненький конверт — своего рода тоже бомба. А детонатор имеет имя, которое написано на нем заглавными буквами: Арман Сейнак. Главный редактор «Юманите» и член политбюро коммунистической партии. Руассе позволил себе пять минут поразмышлять над всем этим, набрал номер телефона Вавра и дождался, пока ответил сонный голос.

— Дорогой друг, простите, что разбудил. Это Руассе. Не буду терять времени. Посылаю к вам курьера с кое-какими вещицами, принадлежащими одному мотоциклисту, который сегодня вечером разбился и сейчас лежит без сознания в клинике Божон. Префекта дома не оказалось, так что я вышел прямо на вас.

— Спасибо,— проворчал Вавр.— Надеюсь, не зря разбудили. Но вам, разумеется, видней.— И повесил трубку.

У Баума пошаливала печень, и он знал причину. Обычно он ел то же, что и все,— и никаких неприятностей с этой стороны (как и все французы, он любые проблемы с несварением и прочие беспорядки такого рода приписывал печени). Вчера вечером жена подала ему на ужин всего-навсего равиоли в сухарях с салатом, сыр, немного фруктов, он запил это красным — тоже не так уж много выпил. С чего бы это печени разболеться? А вот ведь болит. Он ее чувствует. Решительно чувствует, и если вспомнить, то в боку ноет уже пару дней. Дело знакомое: он нервничает, а в такие дни печень выкидывает всякие штуки. У других людей, подумал он, все неприятности на уме, а у меня в печенках.

Он плеснул в стакан воды из стоявшего на столе графина и принял лекарство. «Бесполезно,— отметил он про себя.— Но без лекарств еще хуже». На коробочке описывались замечательные действия таблеток при несварении и изжоге. Таблетки, однако, ни разу ему не помогли, и он, глотая их, просто совершал некий ритуал. Это было маленькое суеверие, которое он себе позволял, и, может быть, единственное.

Он взглянул на часы. Десятый час, он уже полтора часа на работе. Привычка такая — приходить пораньше, когда есть проблемы. А нынешние проблемы, он чувствовал, погонят его на улицу Соссэ. Он бы уж там был спозаранку, если бы поезда из Версаля раньше приходили.

Последний час он провел в архиве и притащил оттуда одну из серых папок, будто рассчитывая за своим столом отыскать в ней что-то такое, чего в архиве не заметил. Ему хотелось как следует погрузиться в нее, потрогать, пощупать, прочувствовать, прочитать между строк — короче говоря, извлечь то, что не написано открытым текстом на машинке или от руки, но скопилось за многие годы. Досье, лежавшее перед ним, раздражало: такое молчаливое, такое неподатливое. В папке было подшито листков двадцать разного цвета и формата, с разными датами, они были пронумерованы в верхнем правом углу — номер лица, на которое заведено данное досье, и номер страницы, так что исчезновение какого-нибудь листка было бы замечено.

Баум сверил страницы по списку: все на месте. Он и так это знал, потому что проделывал такое каждый день начиная со среды, а сегодня уже суббота. Это просто был маневр, чтобы выиграть время, поиграть в прятки с этой папкой, заняться каким-нибудь более или менее механическим делом, пока проблема созревает. Но эта зреет очень уж долго. Он надеялся, что прочитанное вдруг повернется как-то по-другому или, если он прав, фактам найдется какое-то до смешного простое, безобидное объяснение, и то, что сейчас видится ему будто сквозь туман, примет четкие очертания. Беда только — Баум был уверен, и его тридцатилетний опыт подсказывал то же самое,— что если только он правильно толкует известные ему сведения, то никакого простого и невинного объяснения им не будет. И хотя его уверенность подтверждалась реальностью, он хорошо знал человека, чье досье лежало перед ним, его лицо, весь облик, знал его характер — а надежда была эфемерной, просто какое-то предчувствие, ощущение,— все же, если бы его спросили, в какую сторону он склоняется, он назвал бы второе — надежду.

Он продолжал перелистывать страницы, и боль в боку, занимая его мысли, не позволяла ему воспарить в надеждах и возвращала к суровой реальности.

Когда зазвонил внутренний телефон, он почувствовал даже облегчение. Это звонил шеф.

— Баум слушает.

— Альфред, ты мне нужен. Зайди. Разговор будет долгий.

— Иду.

Он запер папку в серый металлический сейф, стоявший в углу комнаты, и с мрачным видом направился по коридору к лифту. Вавр говорил довольно резко — верный признак, что намечается новое дело. Надо надеяться, что с ним просто хотят проконсультироваться. Ему не до того, ему надо сосредоточиться на своей нынешней проблеме. Придется сослаться на занятость.

На пятом этаже он вышел из лифта и зашагал по точно такому же длинному, нудному коридору. Секретарша Вавра поманила его из открытой двери приемной:

— Старик что-то задумал, знаю я эти дела.

— Я и сам знаю. По голосу слышно.

Он прошел через приемную в кабинет.

— Альфред, старина, придется поработать.

— Это не новость.

— Я имею в виду нечто новое. Смотри.

Он протянул фотокопии, присланные Руассе. Просматривая их, Баум качал головой, будто сокрушаясь по поводу человеческой глупости и неистребимой злобы, о которой свидетельствует данный текст,— эту его манеру знал весь отдел.

— Как это к вам попало?

Вавр рассказал о ночном звонке и протянул еще записку сержанта:

— Посмотри и остальное.

Он выложил на стол содержимое карманов мотоциклиста. Баум придвинул стул поближе и некоторое время изучал удостоверение личности. Потом склонился над фотоснимками. На двух из них одна и та же красивая девушка. На третьем женщина постарше, видно, мать — может, сын сам сфотографировал и носил с собой фото, снятое где-то на фоне плохо различимого дома, размытое, не позволяющее ни о чем судить.

Вавр терпеливо ждал, пока Баум все рассматривал как следует, аккуратно беря каждую бумажку за уголок, прекрасно зная при этом, что все они захватаны пальцами полицейских. «Все наши люди, абсолютно все, плохо обучены,— часто говорил Баум.— И особенно эти, из префектуры».

— Что ты об этом думаешь? — спросил Вавр.

— Любопытно, надо признать. Молодой человек с заведомо фальшивым удостоверением везет одному из лидеров компартии через весь Париж копии протоколов июньского совещания Комитета национальной обороны. Секретные документы, которые вряд ли и в правительстве всем доступны. Нам, к примеру, недоступны.

Баум снова покачал головой, будто изумленный чудовищностью того, что произошло.

— Любопытно, конечно. А кто еще об этом знает?

— Только полицейские.

— А префект?

— Нет, если только Руассе пока не проболтался.

— А из министров кто-нибудь?

— Я никому ничего не говорил, но попросил президента, чтобы он принял меня сегодня утром.

— А как насчет Маллара?

— Пока нет, но министр внутренних дел имеет право знать, что у нас тут делается: все-таки наш отдел находится в его министерстве.

— Досадно.— Баум произнес это негромко, но с явным неудовольствием.

— Почему?

Баум пожал плечами:

— Я подумал, дело такое тонкое... Пахнет национальным скандалом. Безопасность страны и всякое такое. Может, чем меньше народу в курсе, тем лучше?

Вавр тяжело заерзал в кресле и с отсутствующим видом потыкал промокашку ножом для разрезания бумаг.

— Меня сейчас две вещи интересуют. Тот факт, что об утечке информации никто не знает ни в Комитете обороны, ни в самом министерстве, кроме, конечно, того человека, который эту утечку организовал. Это первое. И второе — раз уж эти бумаги в наших руках, известно ли это тому, кому они предназначены. Ответы на оба эти вопроса должны знать только мы — пока это возможно.

— Но президенту-то придется сказать, раз уж мы действуем в обход префекта полиции.

— Разумеется! Однако, может, удастся его убедить, что никто другой знать не должен.

Несколько минут спустя Вавр взялся за телефонную трубку:

— Руассе, старина, я прочел. Весьма интересно. Да, да, абсолютно. Да, к президенту республики. Я тоже так думаю. В связи с этим могу я положиться на вашу скромность? Отлично. Но я имею в виду полную скромность. Очень важно, чтобы не только ваши подчиненные ничего не знали, но и начальство. Идет? Великолепно! Спасибо, детали расскажу при первом удобном случае.

Он положил трубку и посмотрел на Баума.

— Руассе — человек надежный. Больше всего на свете любит быть в курсе чужих секретов. Если ему подбрасывать время от времени какие-нибудь сведения, то он будет молчать.

— А от меня что требуется? — Баум уже знал, что за этим последует.

— Взять это дело в свои руки. Чего же еще?

— Алламбо бы отлично управился.

— Не так, как ты.

— Лестно, конечно. Только у меня и так работы навалом.

— Может, пойдем в Елисейский дворец вместе? — Баум понял, что проиграл.— Я скажу, когда президент назначит время.

В своем кабинете двумя этажами ниже Баум вздохнул, вытащил из сейфа папку, открыл ее, снова закрыл и отнес в архив. Дело неотложное, а вот приходится откладывать. Вытесняют его более драматические события, еще большее напряжение, страна катится к будущему, которого никто не хочет, и дорога эта отмечена взрывами бомб, загадками вроде той, что Баум уже три дня пытается разгадать, и теперь вот этим... События, не связанные между собой, но в равной степени тревожные. Облачка на горизонте, предвещающие бурю. Странное, неуловимое беспокойство в умах. Мысли Баума — он не догадывался об этом — совпадали с раздумьями Руассе, которым он предавался прошлой ночью, не зная, как поступить с найденными документами.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

СМОТРИТЕ, КТО ПРИШЕЛ

Вечером 12 февраля на перроне вильнюсского вокзала за несколько минут до отправления московского поезда силами ОМОНа, КГБ и военного патруля были арестованы трое офицеров из группы юристов, проводивших по поручению союза «Щит» независимую военную экспертизу событий ночи 13 января в Литве.

Это случилось через четыре часа после того, как литовский парламент выслушал доклад экспертной комиссии.

Подробности ареста (я вернулась в Москву накануне) мне сообщил по телефону заместитель председателя союза «Щит» полковник Сергей Кудинов, случайно избежавший той же участи: арестованных, не проведя обыска и досмотра вещей, препроводили в Северный военный городок (откуда вышли танки в ночь на 13 января и куда в феврале комиссия независимых экспертов не была допущена). Здесь офицерам было предъявлено обвинение в незаконном ношении оружия и хранении наркотиков. На следующий день арестованных отпустили на свободу...

То, что произойдет завтра и что станет известно завтра (например, участь арестованных), что завтра будет доказано (например, нелепость обвинений — снова грубая, бездарная работа), — любая новость лишь дополнит цепочку странных событий, начавшихся с сентября, когда начальник политотдела Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища полковник С. М. Кудинов сообщил народным депутатам СССР о движении войск и боевой техники на Москву... Впрочем, события начались еще раньше, и логика их и последовательность просты.

Нина ЧУГУНОВА

ГОСПОДА ОФИЦЕРА́

1

Есть ли еще время сопоставлять и думать?

Сергей Кудинов, сын офицера, детство провел в гарнизоне. В расчете на солдатскую пайку ложку всегда носил с собой.

В одиннадцать лет, не выдержав экзаменов в суворовское училище, он лично ходатайствовал перед начальником училища, обратившись к генералу внезапно, но по всей форме, и был зачислен сверх штата. В строю он стоял последним.

В это же время его отец, начштаба отдельного батальона, навлек на себя гнев командования, выступив в защиту чести одного из своих офицеров, и был уволен в запас по кстати подоспевшему хрущевскому приказу о сокращении численности войск на миллион двести тысяч. Отец вышел в отставку подполковником, сын в звании его опередил, обошел и в наградах: у отца за Отечественную наград больше, но сами награды попроще. Сын из Афганистана вышел благополучно, хотя был несколько раз контужен. Отец сейчас борется с последствиями ранений. Он человек мужественный, даже жесткий.

Итак, Сергей Кудинов стал суворовцем, а отец подчинился увольнительному приказу (теперь он говорит сыну, что его пример не послужил тому уроком: из воинского бунта, даже совершенного по форме, ничего, кроме расправы над бунтовщиком, не выходит, на что сын ответил: сейчас другое время) — так прервалась связь с любимой Карелией и с гарнизоном детства — «Бесовец».

Но Кудинов был на учете у судьбы: в ноябре прошлого года, когда расправа над полковником все разворачивалась, в гарнизоне «Бесовец» произошло ЧП. В ответ на приказ по авиаполку в двадцать четыре часа передислоцироваться на новое место службы (где-то ближе к Крайнему Северу) жены летчиков, эти всегда безропотные офицерские жены, вышли с детьми на взлетную... А приказ был привычный — привычно презирающий человека. Кудинов занимался этим бастующим полком в «Щите», предавал дело огласке, хорошо представляя себе ноябрь в Карелии, больных, простуженных детей, издерганных жен и их перспективу опять сниматься и следовать в вагонах на голое, пустое место вслед за авиаполком. Его собственный сын в это время ушел из училища с четвертого курса, поскольку фамилия Кудинов стала в Рязанском десантном как бы нехорошей, и начал службу рядовым в Амурской области.

Суворовцев называли кадетами. Они сами себя называли кадетами. Кадетов принимали сразу на второй курс военного училища. Кадет был заметен в общем воинском строю, даже если стоял последним. Это была особая каста, и представления о чести в ней были порой доводимы до крайности; фискальство наказывалось жестоко, но фискалы встречались редко, «хотя командование насаждало... прикрываясь пионерскими и комсомольскими лозунгами: «Ты обязан все рассказать офицеру-воспитателю!» — они как бы пропадали к третьему году, и отвага, служение, любовь и разлука с некоей р о д и н о й бередили и сплачивали сердца кадетов. Офицерством не красным, но... белым веяло на суворовца от этих стен и от слова «Отечество», долго, если вспомнить, не бывшего в ходу, особенно в семидесятые (в том легко при желании разобраться: традиции гордости, кроме традиции гордой смерти и традиции гордого презрения к врагу, в Красной Армии не было. А что касается представлений о чести, то в гражданскую, как известно, в белой армии награды были временно отменены как неуместные в братоубийственной бойне, а у красных именно как раз и начали учреждаться.

Впрочем, награды были отменены у Деникина, а Лавр Георгичем Корниловым, напротив, чеканились новые и особые и даривались, например, часы «Павел Буре» с гравировкой вокруг циферблата: «За меткую стрельбу по большевикам»... Уточнение лишь показывает, когда начали смещаться понятия о чести под натиском ненависти, несвойственной, смею заметить, истинному офицерству).

— Я в этом смысле был у-жас-ный! И несостоятельности в плане чести не терпел, и был жестоким ортодоксом. Спортивно я был, конечно, развит, но не был могуч. Вот мой последний, перед Афганистаном, начальник политотдела ВДВ говорит: почему Кудинов башковитый? Потому, что он маленький, его в суворовском, наверное, били, ему приходилось вертеться, думать. Да, дрался, но не был бит за бесчестье!

А вы знаете, — вдруг говорит он, почти меняя тему, — в армии если ты огромный, то ты и растешь быстрее, усилий не надо. Например, бывший наш командующий сейчас — замминистра обороны генерал-полковник Ачалов.

— Ачалов? Это тот, что...

— Да! «Черный генерал», «специалист по южным вариантам», командовавший движением воздушно-десантных войск на Москву, а здесь руководивший войсками при попытке переворота, о нем говорят свидетели однозначно. Так вот он настолько, извините, неспортивен, что, если раз подтянется на перекладине, я готов съесть свою папаху.

В этот момент легкое презрение заметно овладевает им. Я начинаю понимать, что офицерская судьба прямее и страшнее по прямолинейной простоте перемен, нежели наша судьба паспортного человека. И суворовское время, коль оно есть в судьбе, — самое ясное и чистое. И если сейчас взять и начать считать в армии о ф и ц е р о́ в — именно с ударением на последнем слоге, как произносилось с семнадцатого (когда офицеро́в на смерть с головой выдавали и выправка, и высокомерная гордость), то есть с завтра-расстрельным смертным душком, со сплёвом: пожили,

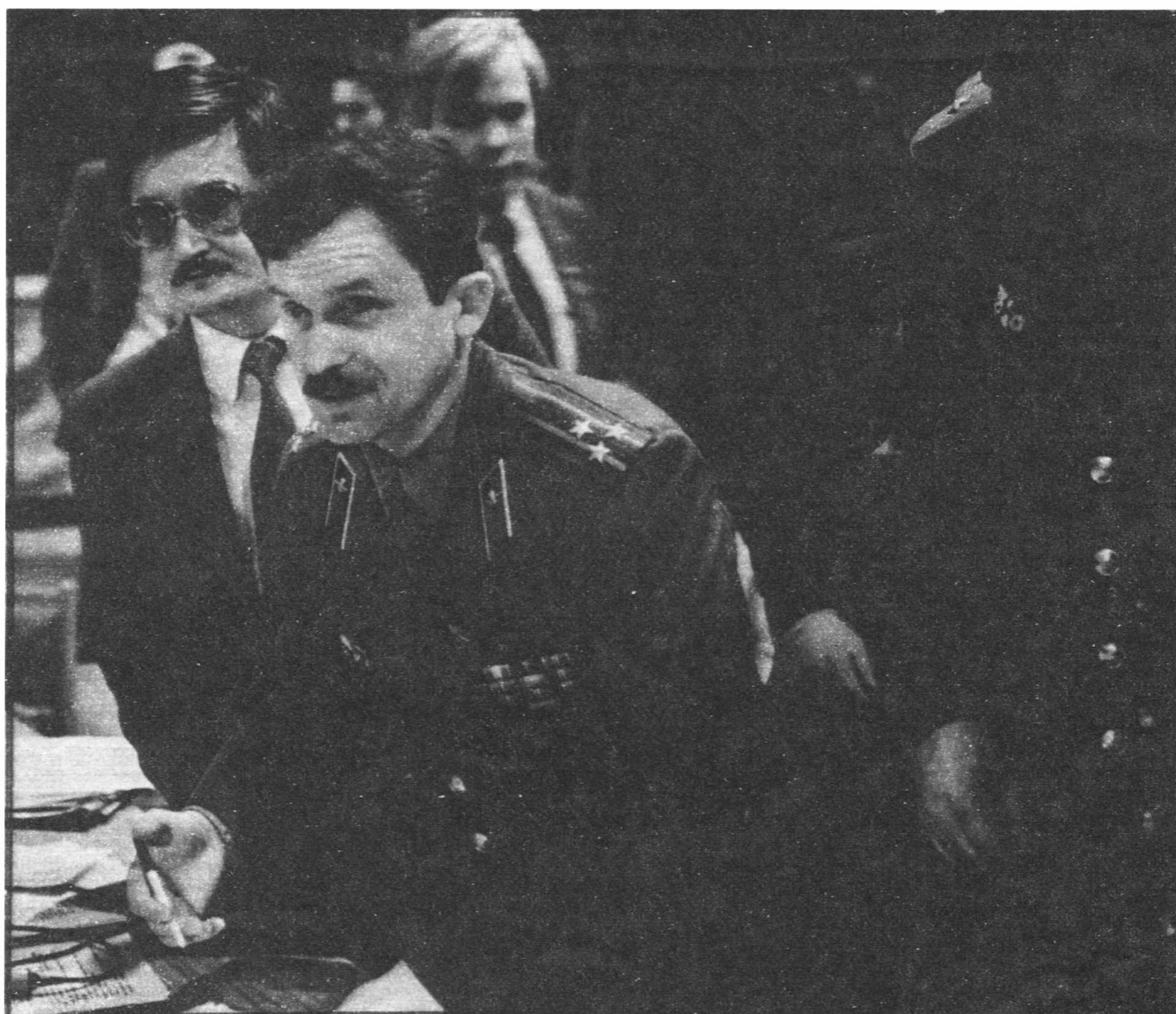


Фото Марка ШТЕЙНБОКА

значит! — и с «пли!» в этом эполетовом, вбитом в красную, мокрую и красную траву слове, запрещенном, а после посмертно реабилитированном, — если начать искать офицерскую белую кость, то в большинстве удач найдешь и кадетский суворовский корпус, и парк, где под гитару пели полузаконные песни, и казарму, и солдатское одеяло под детским подбородком, и первое честное противостояние командованию в лице офицера-воспитателя, который обязан знать все.

Да что ты знаешь об армии, брат гражданская крыса! Ты ли помнишь, как вдруг господами офицерами забредили, затосковали старшие лейтенанты и капитаны афганской войны, и Звездинский, который еще два года назад сидел, стал страшно популярен (что там у него осень вышивает по золоту наших эполет?).

Он был принят на второй курс Рязанского десантного училища, только осваивающего свою громкую славу. Восемнадцатилетний Кудинов вышел из училища членом КПСС. По окончании служил на Кавказе комвзвода, но перешел на политработу. Как раньше говорили, само время выдвинуло его в молодежные лидеры. Но пока время было хорошим, а генералы были фронтовики.

Лейтенанта тянуло к политической работе (которую он потом стал называть неблагодарной работой). На душе у него был праздник. Во время первых учений он со взводом тащил три безоткатные пушки и кричал солдатам, что оказаться позади роты — смерть для взвода, и весь путь по песку с пушками запомнил до каждой морщинки на песке.

Но по времени наступала пора другого праздника.

С семидесятых армия запила всмертную.

— Сначала это стало заметно по большим наездам комиссий. Эти наезды стали регулярно сопровождаться крупными пьянками. Раньше мы выходили на огневой рубеж, стреляли и радовались, если попадали. Году к семьдесят второму стало так: как ни стрельнул, четверка обеспечена, если его угостишь. Это стало повальным явлением, без бутылки встреча проверяющего не обходилась. Бывший командующий нашими войсками, генерал армии Маргелов, очень много сделавший для десантных войск — а именно он одел десантные войска в броню,— говорил: что же это за комдив, если он бутылку не может выпить. И комдивом не ставили, если не способен хлопнуть стакан. Потихоньку стали втягивать и нас, молодых... Чтобы достойно встретить комиссию, шли буквально на все. Офицеры собирались в складчину, шли на финансовые махинации. Приходилось и у жен воровать, что-то продавать. И это безусловно видели все, и солдаты! Иногда проверяющему, кроме водки и закуски, требовался и «коллектив». Сложные времена. Мне потом Смирнов Сергей Михайлович, начальник политотдела войск, говорил: «Серега, как тебе повезло! Время какое пошло — пить не надо! А раньше сколько надо было выпить, чтоб на тройку хотя отстреляться. А на четверку!..»

Несомненно, тогда и началась деградация армии — с подбора кадров по пьяной смычке. Пить были вынуждены все. Приезжает начальство — неделю пьем. Пьем на полигоне, на танкодроме, в казарме. Какой-то пьяный беспредел. Пытались хитрить, выливать под стол... Пили карьеристы, пили порядочные офицеры. Потом многие становились уже тренированными, красномордыми, из-за дичайшей пьянки «на ура», без закуски.

— А что пили?

— Вопрос с шампанским у офицеров не стоял! Потом — устали...

Устали. Тогда офицерство побежало в Афганистан.

Трагедия страны: война была спасением уставших от пьянки офицеров, разучившихся командовать и проводить стрельбы не понарошку. Трагедия страны: война была единственным реальным событием в жизни страны и армии — реальные стрельбы, пусть и реальная кровь. На исходе семидесятых в армии существовала целая пирамида анекдотов, понимаемых офицерами. Например, как в «роте плохо» поутру. В восемьдесят первом Сергей Кудинов попросился в Афганистан с должности помощника начальника политотдела ВДВ по комсомолу — бежал от «проклятой жизни», от «трепотни, лицемерия, бесконечных рапортов, соцсоревнования, бесконечных бумаг, бесконечных инициаторов, болтовни и болтовни». На его душе опять явился праздник. «Я рисовал себе такие картины: вот я выхожу на тропу, вижу душманов, иду к ним объясняться, объясняю, что им надо обязательно идти к социализму, они меня слушаются, и мы вместе направляемся туда, где они сдают оружие».

Его прозрение было прозрением офицера — и политработника.

«Слова «социализм», «коммунизм», «здравоохранение» сразу показались мне выдуманными, ненужными здесь, неуместными, лживыми. Я их перестал быстро употреблять. Я выходил на митинг и говорил примерно так: когда я отправлялся сюда, мой отец сказал: возьми хлеб — встретишь голодного, накорми его! И это действовало на них и на меня. Другие слова из наших идеологических наработок не действовали. Стреляли в меня на митингах только один раз. Я стал думать: через такое море крови тащить в социализм? Я видел, как наши пытали током пленных, видел крупные расстрелы».

Моя давняя догадка: из Афганистана возвратилась другая армия.

Военная судьба полковника Кудинова и тема заметок — офицерская честь — делают необходимым рассказ о совершенно неизвестной стороне афганской войны.

— Сейчас командующим ВДВ стал Герой Советского Союза генерал-майор Павел Сергеевич Грачев. Это мой командир полка, я был у него начальником политотдела. Многое помню: и горькое, и то, что приносило чувство удовлетворения и справедливого шага. Вспоминаю операцию в ущелье Нижраб. Февраль: грязь, снег, техника еле пробивалась по серпантину. Мы долго атаковали передовые отряды душманов... а потом нам удалось договориться с населением и руководителями душманов. Это же была война-поршень: выталкиваешь, выбиваешь их, потом они втягиваются назад следом за тобой. Мы думали: ну ради чего мы сейчас пройдем огнем и мечом?.. И тогда мы предложили им свой вариант, и они согласились. Таких историй в афганскую войну было много. Наш батальон стоял высоко в горах, в труднодоступной провинции, куда можно было добраться только вертолетами. И там у нас тоже существовал обычай: мы докладывали в штаб армии что угодно! Но мы никогда там не воевали. Мы планировали операции, потом шли к губернатору, обсуждали с ним. Душманы работают на полях. В означенное время мы постреляем — они постреляют. Доложим, приврем. И опять живем хорошо. А потом они приходят: шурави, надо нам на охоту ходить... да и отчитаться перед своим начальством, так что сегодня ночью пройдем и мы огнем и мечом, «убьем» человек пятьдесят. Давайте. И точно, звонит губернатор: начинают минут через пятнадцать. Лежим в окопах, смотрим, как летают над нами фугасы.

Или: гора, на ней три пулеметчика-смертника. Та гора никому не нужна. Овладеем мы ею — уложим пятерых своих, убьем тех троих. Зачем, для чего? Смысла нет. Сидим, думаем. Я говорю: Пал Сергеич, а доложи, что уже взяли. А он: да я уж доложил. Но были, конечно, и потери, и факты жестокости, и бывало, что очутишься метрах в пятнадцати от машины — во рту гарь, пыль, песок!..

(Что это, скажи: саботаж или офицерское сопротивление — глупости, убийству, попытки сохранить честь?)

В восемьдесят втором он случайно оказался в Москве и встретился с группой офицеров, послуживших «прототипом Щита». Написали безответное письмо в ЦК и в Министерство обороны: о том, что в армии творится произвол, что нужны иные формы армейских взаимоотношений, новые уставы, возможно, контрактная служба, что война в Афганистане развращает армию и офицеров, поскольку армии противостоит не военное сопротивление, а сопротивление народа, следовательно, это не война, а избиение народа.

После, уже в Афганистане, он получил от новых друзей привет... В восемьдесят третьем заменился и был направлен в Псков — в дивизию, в ту, что была в этом январе в Литве, «и, к сожалению, мои младшие товарищи по службе участвовали, я сейчас им в глаза смотрел и спрашивал: как же так?..».

(Ему стал постоянно приходить на память один эпизод... Был бой с большими потерями, с предательством партийного актива разбежавшегося, много раненых и погибших. Мы потеряли одного нашего пацана. Долго выкупали его труп, отдали несколько бушлатов, боеприпасы, несколько автоматов, продовольствие... Все это закончилось в конечном счете разгромом моджахедов в жестокой схватке, захватили пленных. Афганскими службами пленные были приговорены к расстрелу. Мы были невольными свидетелями. Когда зачитали приговор: «Именем апрельской революции...», один из моджахедов сказал: «Я не знаю, что такое апрельская революция». Мой переводчик посмотрел на меня. Я пожал плечами. Прозвучала команда «Пли!». Меня несколько успокаивает другой факт. Старик попался на связи с душманами, и я его в принципе вытащил из особого отдела. Такой старик: великолепная борода, такой рисунок на лице великолепной мысли... Аксакал! Белое солнце пустыни! Он был смелым, он говорил, что мы пришли не с хлебом и лекарствами, а с огнем и мечом. Я его отпустил. И вот если б не этот дед, тот расстрелянный парень меня бы замучил. Он приходит в каракулевой папахе и спрашивает, что такое апрельская революция. Тогда молча появляется дед и стоит.)

2

«...На Верховном Совете СССР прозвучал запрос народного депутата С. Белозерцева относительно «странных» передвижений воинских подразделений» вблизи Москвы. Источник информации С. Белозерцев назвать отказался, сославшись на сведения, полученные от союза «Щит». Однако свидетель... объявился уже на следующий день. Вчера на собрании депутатской группы «Демократическая Россия» выступил участник войны в Афганистане, депутат Рязанского областного Совета, начальник (теперь, похоже, бывший) политотдела Рязанского воздушно-десантного высшего командного училища полковник Сергей Кудинов... 9 сентября Рязанский парашютно-десантный полк и части Тульской дивизии поднялись по тревоге, получили боеприпасы и технику и неожиданно (парадная группа, по сведениям С. Кудинова, должна была отправиться в Москву 22 сентября...) спешно были приведены в боевую готовность. А 10 сентября в 3 часа ночи, сминая на своем пути мирные «Жигули»,.. части пришли в движение... в 16 часов на аэродром стали приземляться части Псковской воздушно-десантной дивизии... Так развивались события накануне объявленного на 16 сентября митинга в Москве... «Что это,— задал в конце своего выступления вопрос полковник Кудинов,— военно-политическая провокация?» («Комсомольская правда», 26 сентября 1990 г.).

«...Очевидными целями этих передвижений могли быть стремление оказать давление на демократические силы... руководство Министерства обороны отвергает действия в этих целях — вместо этого выдвигаются версии о том, что части прибыли для подготовки к параду и уборки картофеля... Изучение обстоятельств дела показывает, что последние две версии не подтверждаются...» И так почти тридцать страниц заключения комиссии (специальной парламентской. — **Н. Ч.**).

...Ситуация в начале октября очень напоминала ту — перед применением войск в южных районах страны, перед вводом дивизий в Афганистан... И здесь нельзя не сказать о мужестве... противостояния отлаженной «машине» подавления неугодного мнения офицеров Кудинова, Осипова, Пустобаева и других — им приходится сейчас несладко...» («Комсомольская правда», 28 ноября).

Эта история должна быть у всех в памяти. Нет? Память наша стала коротка, и похожие сюжеты нас не настораживают. События в Баку были расследованы независимой комиссией союза «Щит» — на основании выводов комиссии можно было говорить о привлечении к суду должностных лиц. События в Тбилиси были расследованы парламентской комиссией — не наказан никто! Московский, едва не примененный сценарий не вспомнился, когда Литва буквально заголосила на весь свет о готовящейся военной расправе. Мертвых в Литве не успели еще предать земле — в точности то же повторилось в Латвии... Всякий раз публике предлагалась новая развесистая клюква: от гниющей картошки на московских полях без заботы десантников в полном вооружении до несчастных рабочих, зверски избиваемых в литовском парламенте.

Полковник Сергей Кудинов, каким я себе его представляю по его словам и поступкам, не мог не быть в Литве в составе комиссии независимых следователей. Но и мы — какими мы себя предъявляем миру — неминуемо должны были пережить Литву, где зачернели «наши», откликающиеся лишь на клич «Наших бьют!», как на голос черной и мутной крови, голос страха и мести, площадной ненависти, площадного единства...

— Прибыв в Рязань, я столкнулся с человеком неординарным: сильным, достаточно умным, жестоким, волевым. Мы с ним рядом воевали. Генерал-лейтенант Слюсарь Альберт Евдокимович. Когда мы в Нижрабе вели переговоры с моджахедами и была тишина и не было крови, в его ущелье гремела канонада: генерал огнем и мечом пробивал дорогу. Он работал и ночью. Мы думали: что ж, это его почерк, а наш — сохранить людей. Наша точка зрения расходилась с официальной, его — совпадала. После он находился в эпицентре одного уголовного дела, связанного с наркотиками, вывозом их в Союз в большом количестве. Тогда начальник штаба дивизии получил много лет тюрьмы, часть офицеров прошла через мясорубку допросов, кое-кто погиб при загадочных обстоятельствах. Генерал проходил по делу о переброске через границу пистолета, который он подарил. Его спасло высокое звание Героя Советского Союза... Этот человек мог сминать на своем пути. В разговорах он старается не упоминать ничьих фамилий. О движении войск на Москву он, несомненно, знал. Сейчас он руководит Рязанским гарнизоном. В училище его кличка была «Сталин».

До Рязани я работал с комдивом, который меня понимал, шли первые два года новой оттепели... У Слюсаря я очутился в прошлом. Он мне сразу сказал: мне политотдел не нужен, политработников я ненавижу. Он сам определял политику. Я сказал: у меня другая школа. Этого было достаточно для войны. Она началась с первого дня и длилась три года. Раскололся политотдел. Начались политическая проституция, пре-

дательство. Вообще в училище наушничество поставлено на высочайший уровень... В чести общественные казни. Тем не менее я что-то успел за этот срок. Кафедра вышла из повиновения Слюсаря, превратилась в очаг свободомыслия, наконец кафедра разродилась личностями! Среди них первый кандидат в народные депутаты, выдвинутый вопреки разнарядке обкома. Тогда на нас набросились по линии партии — обвиняли в предательстве идей социализма, интересов рабочего класса. Меня трижды вызывали на бюро обкома. Правда, в то время лозунги, которые сегодня уже пройденный этап, некоторых почти отталкивали. Фраза: «Впервые армия и народ едины» — вызвала бурю. Пришлось тогда отступить. Но появилась вторая кандидатура — Валерий Васильевич Рюмин. И он стал мэром Рязани — подполковник, преподаватель кафедры марксизма-ленинизма! Чего это стоило... Мы понимали, что нам в борьбе противостоят жестокий и беспощадный обком партии и Слюсарь со своим аппаратом. Мы знали, что наша ошибка будет стоить дорого. Кончилось это тем, что меня вызвали на закрытое заседание Военного совета. Им Ачалов руководил. Затем последовала блестящая победа Рюмина на выборах, и опять меня вызвали на Военный совет: почему Рюмин прошел? На этом заседании, 19 апреля, принимается решение уволить меня из рядов Вооруженных Сил. Но у меня нет ни одного замечания, я орденоносец, «афганец»! Мне говорят: «Но вы поддерживаете Рюмина». А он народный депутат России! «Через десять дней вы будете уволены». Я обращаюсь к народному депутату СССР Николаю Васильевичу Молоткову, и он делает запрос Язову, члены Военного совета открещиваются: мы его просто пожурили. Проходит лето. На партконференции ВДВ в мой адрес ни одного замечания, хотя выступают и Слюсарь, и Член Военного совета. Мы выпускаем лейтенантов — 420 человек,— приезжает комиссия, в адрес политотдела ни одного плохого слова. Но обстановка накалялась, и я почувствовал, что мне жить не дадут, в конце концов в Главпуре мне сказали: «Ты с этими все равно погибнешь, они тебя добьют. Ачалов уже раз сто нам звонил. Он требует, чтоб тебя убрали. А куда мы тебя уберем? Вот что, поезжай-ка ты за границу!.. Пойдешь секретарем парткома в Мали? Привезешь мешок долларов». Я подумал: Рюмина мы провели, дел вроде бы и нет, все нормально. И — согласился. Было собрано все училище, приехал Член Военного совета, поблагодарил меня за двадцатипятилетнюю безупречную военную службу, пожелал успехов на новой должности за границей Родины, офицерский состав мне похлопал.

...Ну, и на мою беду, предпринимается попытка большой военно-политической провокации! Десантники идут на Москву.

Сентябрь прошлого года. Полковник Кудинов, выведенный за штат, должности еще не оставил. Он принимает присягу курсантов первого курса, открывает в училище аллею Героев Советского Союза (они уже не общаются, не разговаривают с генералом Слюсарем). Училище парадным маршем проходит по аллее, и двадцать пять Героев, живые и погибшие, смотрят на этот строй. Среди бронзовых бюстов — бюст генерал-майора Грачева. 11 часов дня.

— Товарищ полковник,— вдруг говорят Кудинову,— Рязанский парашютно-десантный полк приведен в боевую готовность. Они уже получают боеприпасы.

Кудинов видит, что генерала вызывают к телефону к командующему ВДВ. Вечером по училищу объявляется круглосуточное дежурство.

Так начиналась история, мелькнувшая по газетам в сентябре, как чиркнувшая, но не зажегшаяся спичка.

На следующий день на военные аэропорты прилетают шестьдесят Ил-76 с десантниками на борту — тридцать в Дягилево и тридцать в Кубинку под Москвой.

Почему полковник решился на шаг, прерывающий его карьеру?

— Я испугался. Я очень сильно испугался. На Москву шел полк в полном вооружении, солдаты в касках. Они шли, невзирая ни на что. Попытки милиции остановить, выяснить ситуацию ни к чему не приводили: главное было прорваться к Москве. А за полком прилетает Псковская дивизия и тоже выстраивается головой колонны к Москве! Мы позвонили Хасбулатову, он сказал: проверьте. Тогда мы собрали депутатов и разъехались по аэродромам.

Дозвонились помощнику Ельцина... Корреспонденты рванулись к Ачалову. Ачалов рассказал об уборке картошки и о репетиции парада, но она должна была начаться лишь 22-го, в конце дня. Впопыхах были придуманы учения — после того как высокому начальству было доложено, что «демократы готовятся к перевороту».

Он испугался! Он прибыл в Москву, выехав в три часа ночи, в парадном мундире, при орденах, и заявил о готовности выступить перед Верховным Советом, написав также записку Горбачеву, вполне подробную. Он выступил перед депутатами-демократами. Вечером провели пресс-конференцию. Ситуацией занялись две парламентские комиссии, перед которыми ему пришлось выступать вновь. Командующий ВДВ не смог объяснить комиссиям, почему войска в Москве переодевались в гражданскую одежду и выходили на улицы Москвы для участия в демонстрациях, для охраны генеральских дач...

Теперь нам остается гадать: не кровью ли была остановлена разоблачениями, начавшимися в Рязани? Не кровь ли, та же, что в Литве и Латвии?

Псковская дивизия срочно улетела из Дягилева и из Кубинки, не убрав и мешка картошки. Рязанский полк, бросив технику, не имеющую никакого отношения к военному параду в ноябре, вернулся в казармы... Так внешне, для публики, заканчивалась схватка, начавшаяся 24 сентября, когда в ответ на выступление депутата Белозерцева Президент бросил реплику, мол, информация почерпнута на Рижском рынке!

— Что мне пришлось пережить — одному Богу известно!

Я перечислю дальнейшие события с конца сентября: выдвижение полковника Кудинова кандидатом в депутаты облсовета — выдвигает третий курс училища (300 — «за», 11 — «против») вопреки сопротивлению. Заявление полковника о выходе из рядов КПСС и последовавшее затем партсобрание в училище, с запозданием исключающее его из партии. Короткая буря в газетах. Конец карьеры. Избирательная кампания и победа на выборах из семи кандидатов: директор завода, руководитель кооператива, комсомольский вожак, профсоюзный функционер...

— Я ножками обошел свой район и тут увидел, как живут люди: по двенадцать человек в двух комнатах! Страшно живем — разграблены, нищи...

Его вызывали в Главпур, предлагали разные низшие должности. О загранице не упоминали. В училище его как бы не замечало начальство, но едва он был вызван в Москву, в Верховный Совет России, ему приказывают срочно отправиться в Брест на учения...

Особенно картинным мне представляется один эпизод заканчивающегося бурного полугодия: на встрече депутатов-военнослужащих с министром обороны полковник просит слова, поднимается на трибуну, отрекомендовывается и тут видит маршала Язова, который пытается стащить его с трибуны. При этом сидящие в первых рядах генералы топают ногами и хором кричат: «Долой!» И только недоумение зала смягчает фарс.

Восстает гарнизон «Бесовец».

Литва вопит о секретных пакетах в воинских частях, которые будто бы приказано вскрыть в ночь с 24 на 25 декабря. Маршал Язов собирает депутатов-офицеров. По Москве ползет слух об имеющемся плане действий воинских частей на случай беспорядков, а также нарушения парламентами республик Конституции СССР. Маршал Язов и Б. Пуго подписывают известный приказ об усиленном патрулировании, но приказ пока не обнародуется. Военный чин, политработник Северного военного городка в Вильнюсе, говорит мне: «В Афганистане было проще. Там мы ясно видели: вот враг». В гарнизоне висит лозунг «Нет экстремизму в Литве!».

— Берет ли армия на себя политические функции?

— Ни в коем случае! Но Литва должна одуматься.

Наконец бросок Псковской дивизии в Вильнюс.

(Формулировка партсобрания в училище: «Исключить из рядов КПСС за клевету на десантные войска...»)

Танки у телебашни вильнюсского телевидения. Голос диктора на всю Литву: «Мы еще живы. Они на втором этаже». Во весь экран — ладонь десантника, поворачивающая камеру.

Остальное вы знаете.

Остальное мы знаем?..

12 февраля к группе офицеров, четыре часа назад предложивших литовскому парламенту свое расследование событий (полковник Кудинов сказал мне по телефону наутро: «Несмотря на то, что в докладе содержались и неприятные для парламента моменты, парламент проводил выступавшего стоя, аплодисментами»), сначала приблизился патруль во главе с лейтенантом. Офицеры, среди которых были капитан первого ранга и полковник, выразили протест по поводу задержания не по уставу.

Тогда, как белый рояль из кустов, выдвинулся из тьмы военный комендант Вильнюса, который санкционировал арест офицеров.

Почти год назад я процитировала слова генерал-майора Альгимантаса Высоцкиса, которыми он приветствовал провозглашение суверенитета республики: «Армия сумеет защитить рабочий класс и ну... интеллигенцию».

От кого защищается армия? Она защищается от своей чести и гордости и ну... от интеллигенции, и ну... от рабочего класса.

Но опаснее всего — ее собственные офицеры, ее белая кость. Ее голубая кровь, ее тревога, ее человеческий страх за Отечество.

Она защищается, толкая их в спины прикладами. Чего не прикрикнуть: ЭЙ, ОФИЦЕРА! ПОТОРАПЛИВАЙСЯ!

Ненавижу тех, кто тронет их пальцем: на мундирах может остаться грязный след.

Вильнюс — Москва

В настоящее время приказом министра обороны СССР народный депутат Рязанского областного Совета полковник Кудинов С. М. вопреки законам СССР и РСФСР, защищающим его депутатский статус, уволен из рядов Вооруженных Сил по «служебному несоответствию».

Дмитрий ПОПОВ

ОДИН ИЗ НИХ

Пинхасов был одним из самых интересных московских фотографов. Он работал очень разнообразно, и его снимки, положенные рядом, порой не стыковались абсолютно. У него были очень эстетские натюрморты, за которыми чувствовалось пристальное внимание к самым разным живописным традициям — от Караваджо до супрематистов. Он снимал жесткие, «черные» репортажи, грязь и нищета которых войдут в моду эпохи перестройки еще через пару лет. В репортаже дышало обостренное чувство агрессивной, выталкивающей тебя реальности. Наконец, он делал огромные, несколько кокетливые цветные портреты. Делал на заказ и продавал за бешеные по тем нищенским временам деньги, на которые жил, перебираясь с квартиры на квартиру. К этим портретам относился достаточно цинично и не любил показывать.

Мы встретились недавно в Вильнюсе, буквально столкнувшись нос к носу в одном из барочных костелов. С трагедии у телебашни прошла неделя, и город молился. Между стоящими на коленях людьми, роскошный и невозмутимый, бродил фотограф, заглядывая своим объективом в глаза, обращенные к Богу. Так не мог вести себя советский фотограф, так вел бы себя только иностранец. Иностранцем оказался Пинхасов, шесть лет назад уехавший в Париж.

Он приехал в Литву как фотограф знаменитого фотоагентства «Магнум». Сорок лет назад это агентство, как свое кооперативное товарищество, организовали лучшие французские фотографы, в их числе сам Картье-Брессон. Здесь фотографы абсолютные хозяева дела, их снимки нельзя кадрировать или публиковать без согласия автора. «Магнум» знаменит своей придирчивостью, раз в год на общем собрании всех фотографов они выбирают кандидатов в новые члены агентства. Два года назад, ни на что не рассчитывая, Пинхасов послал свои работы на конкурс. И прошел — абсолютно неожиданно для себя.

Оказалось, что в Вильнюсе мы живем в одной гостинице. Я пришел к нему в номер, и он вытащил свои снимки. Малайзия, землетрясение в Армении, Монголия, Карабах... Репортажи из самых экзотических для среднего европейца уголков света в наиболее драматические для них дни. То, что было в пинхасовских фотографиях московского периода, соединилось. Сиюминутный репортаж дышал мощной красотой, за которой прочитывалась большая живописная и фотографическая классика. Трагедия у Пинхасова уже перестала быть криком, она обрела гармонию реквиема.

Георгий ПИНХАСОВ (агентство «МАГНУМ»).

ПРИБАЛТИКА. ЯНВАРЬ 1991 года.

ОГОНЁК

Еще не все потеряно...

В одном из залов Эрмитажа, где хранятся хитроумные станки, изобретенные и построенные при Петре I гениальным механиком-самоучкой Андреем Нартовым, часто бывает высокий худощавый человек лет сорока пяти. Он внимательно присматривается к старинным приспособлениям, пытается понять принцип их действия, воспроизвести их. Это тезка Нартова — Андрей Георгиевич Ананов, человек, владеющий десятком профессий,— токарь, слесарь, физик, автогонщик... Наконец,— и это главное — ювелир, основатель и главный специалист малого предприятия «Русское ювелирное искусство». Сегодня, кроме главного — мастерства, есть законодательная основа, поддержка Ленсовета,

Императрица Александра Федоровна. 1989.

А. Ананов.
Серебро, эмаль, позолота,
слоновая кость, палисандр.
Художник Я. Шкандрий.

Серьги. 1990.

А. Ананов.
Золото, серебро, бриллианты,
сапфиры, эмаль.

общественности города. И только сам Ананов и его семья (терпевшая в комнате токарный станок и муфельную печь) знают, каких усилий стоило Андрею Георгиевичу, не имевшему специальных знаний и навыков, осваивать ювелирное ремесло, да к тому же равняясь на искусство мастерской Фаберже. Ананов отказывается от выгодных предложений из-за рубежа, не ищет легких заработков, хотя запросто мог бы наладить выпуск популярной бижутерии. Он собирает по всей стране талантливых ювелиров, бесконечно преданных, как и сам Ананов, этой труднейшей профессии. Не довольствуясь тем, чего лично достиг в ювелирном искусстве, он взялся обучать способных, но наиболее обездоленных в нашем обществе людей — инвалидов, возвращая им радость жизни и достоинство мастера.

Многое из того, что могли делать мастера Фаберже, Андрей Ананов уже повторил. Пасхальное яйцо с секретом — пустотелое, без шва, покрытое эмалью. Ведь одной из важных задач своего предприятия Ананов считает изготовление копий знаменитых изделий Фаберже, оказавшихся после революции в зарубежных музейных и частных коллекциях. Его мечта — вернуть Петербургу знак ювелирной фирмы Фаберже.

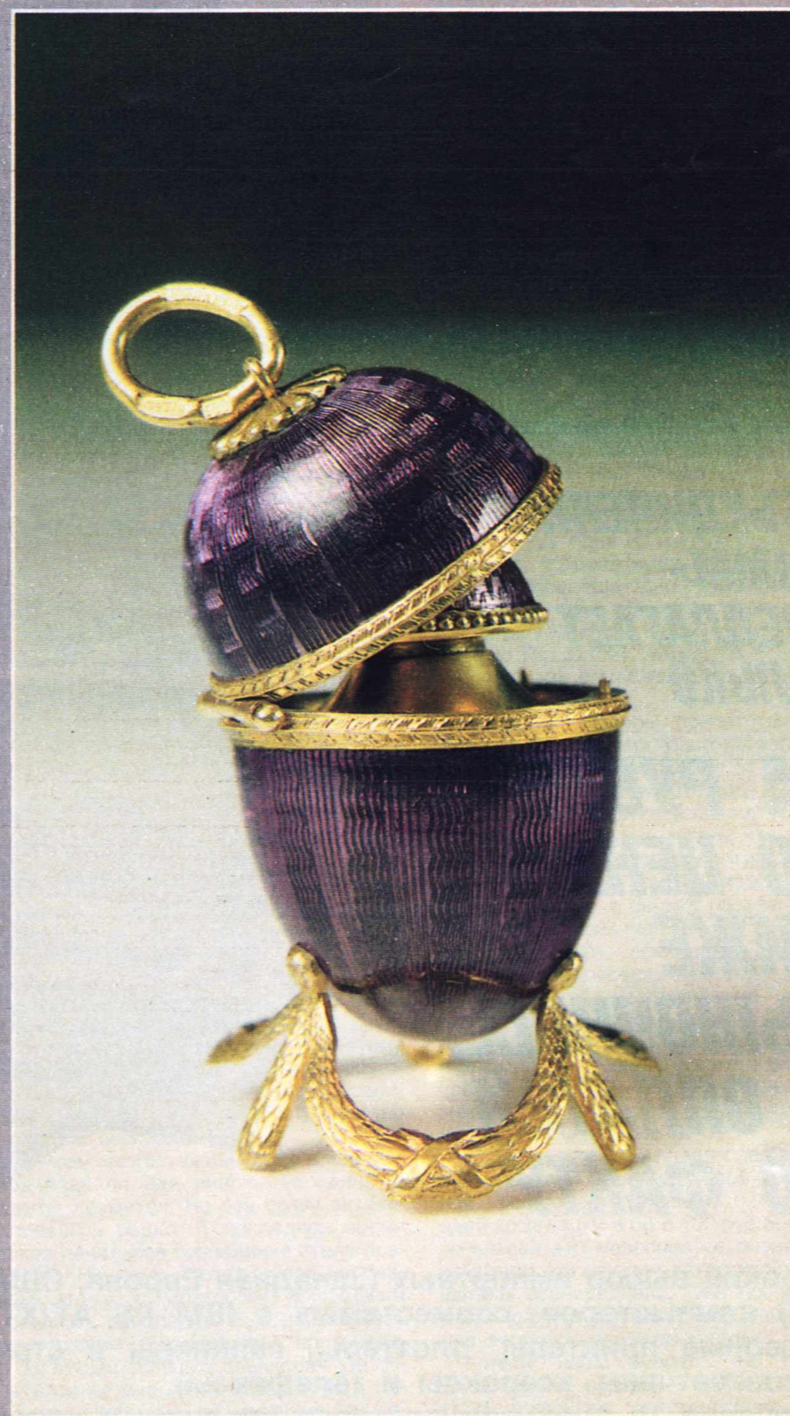
Виктор МАЛКОВ

Николай II. 1989.

А. Ананов.
Золото, серебро, эмаль, слоновая кость.
Художник Я. Шкандрий.

Пасхальное яйцо — флакон для духов. 1990.

А. Ананов.
Золото, серебро, рубин, эмаль.



Импортные компьютеры за рубли без предоплаты

ОБЪЕДИНЕНИЕ «МММ» ПРЕДЛАГАЕТ ТОЛЬКО

ЗА РУБЛИ ПО ЦЕНАМ НИЖЕ РЫНОЧНЫХ С ОПЛАТОЙ ПО ФАКТУ

широкий выбор импортных (Западная Европа, США, Южная Корея и Япония) компьютеров, совместимых с IBM PS AT/XT с любой периферией (лазерные принтеры, плоттеры, сканнеры и стриммеры), и оргтехники (автоответчики, ксероксы и телефаксы).
В течение 10 дней вам поставят продукцию известных торговых марок: Canon, Newlett-Packard, Mita и Hyundaı.

Адрес для заявок: Москва, ул. Газгольдерная, 10.
Тел. 171-03-97, 173-44-15, 171-13-81, 171-06-90.
Объединение «МММ»

Владимир НИКОЛАЕВ

ХАМСТВОМ ПО ПЕРЕСТРОЙКЕ

ПАМФЛЕТ

Известно, что Хам, сын библейского Ноя, был проклят отцом за непочтение. Со временем понятие «хамство» значительно расширилось. Толковый словарь русского языка определяет хама как человека грубого, наглого, невоспитанного, готового на подлости и лишенного всякого человеческого достоинства. В этой исторической справке и научном определении нас больше всего должно заинтересовать упоминание о достоинстве. Хамство — это не просто норма поведения (вернее антинорма). Это сильнейшее орудие против демократии и перестройки, потому что оно убивает в человеке его главное качество — достоинство. Убивает у хама и у его жертвы, если она с хамством смиряется.

Лет пять назад, в начале перестройки, одно из первых ее теплых дуновений пришло с самой неожиданной стороны — из сферы нашего ненавязчивого сервиса. Торжественно было провозглашено, что все его бесчисленные подразделения наконец-то будут делать то, что им положено, то есть обслуживать население, не вызывая у него при этом раздражения и не причиняя ему неудобств. Но, увы, вскоре все эти добрые начинания и благие пожелания приказали долго жить. Мастерские, пункты проката, прачечные и другие аналогичные объекты перешли на какие-то непонятные часы работы: один день — с утра до обеда, другой — с середины дня, третий день — вообще по часам, указанным в наспех от руки написанном объявлении. Соответственно этому странному распорядку стало (вернее осталось на прежнем уровне) и обслуживание, только разве что подорожало.

Воистину неистребим наш вирус более чем прохладного отношения к человеку вообще, а к так называемому клиенту в частности. Отношение это зачастую переходит в хамство. Службе быта позавидовали работники почты, сначала они тоже перешли на какие-то полосатые рабочие часы, а потом и вовсе прекратили свою деятельность по воскресным и праздничным дням. Кто теперь последует их примеру: врачи «Скорой помощи», истопники, водители городского транспорта?

Между прочим, регулярное, даже ежедневное получение прессы и почты не роскошь, не блажь, а житейская необходимость. В цивилизованном обществе лишение человека этого элементарного права тоже является самым элементарным хамством по отношению к нему. При этом значительно ограничивается и право на гласность. Это посерьезнее, чем мелкое хамство на уровне бытовых услуг.

Гласность — одно из самых главных орудий перестройки (если не самое главное!). Этим и объясняются все усиливающиеся атаки на нее со стороны антиперестроечных сил. Можно вспомнить попытку лимитировать тиражи многих массовых изданий. Читатели ее сорвали. Тогда был сделан другой заход против гласности: резко повысили цены на периодику. С какой стати? Официальная версия (переход к рыночным отношениям) не выдерживает критики, ее и комментировать как-то неловко. Рынка как такового у нас нет и пока не предвидится, слишком уж велики еще силы, стоящие на его пути. Какой наивный человек может в такой ситуации поверить в зависимость цен на периодику от становления рынка? А вот реальные итоги этой аппаратно-бюрократической уловки уже налицо. Гласности нанесен серьезный урон, ее былая мощь подорвана, и антиперестроечные тенденции обрели новую силу.

Даже такие популярнейшие издания (и не очень дорогие), как газета «Труд» и еженедельник «Аргументы и факты», потеряли миллионы подписчиков. Из нескольких десятков самых массовых газет только «Московский комсомолец» превысил прошлогоднюю подписку, остальные далеко не вытянули ее. По сравнению с прошлым годом у «Известий» — 40 процентов подписчиков, у «Правды» — 31. Та же ситуация и на журнальном рынке. Даже многомиллионные (и дешевые!) «Работница» и «Крестьянка» потеряли соответственно 50 и 38 процентов подписчиков, а «Крокодил» расстался с 80 процентами своих подписчиков.

Редакции газет и журналов завалены письмами читателей, в которых они возмущаются повышением цен на периодику и с большой душевной болью прощаются с любимыми изданиями. По какому праву власти пошли на такой шаг, на такое хамство по отношению к нашим людям?

Скажут, деньги были нужны на бумагу, доставку, полиграфию и т. п. Но ведь не получилось денег! Раза в два подняли цены и потеряли половину подписчиков. Скажут, было мало бумаги. А сегодня ее много? За годовую подписку на «Огонек» теперь надо отдать около пятидесяти рублей. И все же нашлось более 1 700 000 подписчиков. Казалось бы, теперь можно увеличить розницу, дать журнал в киоски. Но нет. Нам говорят, что и сегодня для розницы нет бумаги. Куда же она девалась?

Итак, цены повысили, но ни денег не выгадали, ни бумаги. Зато гласность придушили и людям в душу наплевали.

Кстати, итоги подписки свидетельствуют не только об удавшемся заговоре против гласности, но и о том, что стоящие за ним силы до сих пор еще в явном меньшинстве. Так, на «Комсомольскую правду» подписалось более 17 миллионов читателей, а на «Советскую Россию» — 1 миллион 332 тысячи, на «Литературную газету» — один миллион, на «Литературную Россию» — 58 тысяч.

Но силы агрессивного меньшинства все равно идут в наступление. Перестройка забуксовала, и волна антиперестроечного хамства поднимается все выше. Пожалуй, впервые оно с особой наглостью заявило о себе, когда наш парламент начал зашикивать и затаптывать Андрея Дмитриевича Сахарова. Затоптали. И не совестно. Не стыдно. Наоборот! Без него хамить легче стало, в том числе и с парламентской трибуны.

Пастернак, Солженицын, Сахаров... Кого вслед за ними попытаются у нас зашикать и затоптать? Неужели еще мало позора перед всем миром? Впрочем, взывать и упрекать, наверное, бессмысленно, потому что хамство всегда неразрывно связано с невежеством. Вспомните, как с разных трибун поносили Пастернака и Солженицына, не забывая при этом (на всякий случай!) подчеркнуть, что сами их произведений не читали! Прошли годы, но история повторяется. Неистребимое хамство по-прежнему торжествует. Как по команде был устроен шабаш вокруг «Прогулок с Пушкиным» А. Синявского, а кто их читал из многочисленных яростных хулителей? В «Октябре» были напечатаны только фрагменты «Прогулок». Скоро у нас опубликуют целиком и это произведение Синявского, и шум вообще затихнет, но те же обличители найдут себе новую жертву. Когда же прекратится эта вакханалия, когда же спящие пробудятся от сна разума?

Безразмерным и все еще продолжающимся хамством по отношению ко всему нашему народу стала кампания так называемой борьбы с пьянством. Как известно, перестройка уже понесла огромный урон и забуксовала. Половина этого урона, если не больше, причинена именно этим абсурдным мероприятием всесоюзного масштаба. Государственная казна потеряла десятки миллиардов рублей, зато их приобрели мафиози и самогонщики. Загублены лучшие виноградники, составлявшие всегда гордость и богатство страны. Загублено все производство винно-водочных изделий, под видом которых теперь государство торгует ужасным пойлом. И как торгует! Продает его в три раза дороже. А позорящие наш народ очереди в винные магазины?! Причем теперь большая часть винно-водочной продукции вместо магазинов попадает в руки спекулянтов. Кто подсчитает, сколько наших соотечественников погибло за последние годы из-за употребления недоброкачественных алкогольных напитков и их всевозможных заменителей?! Кто подсчитает моральный урон, нанесенный народу в ходе этой кампании? Кто измерит одичание нравов, ею вызванное? Ведь пить стали больше! Кто, наконец, сможет определить падение авторитета власти, возглавившей эту акцию и не имеющей мужества признаться в своей ошибке?

Мы уже смирились с хамским отношением со стороны работников торговли. Их, кстати, в стране насчитывается девять миллионов. И большинство из них сегодня можно смело назвать королями дефицита. Их это звание более чем устраивает, и все чаще слышно о намеренном затоваривании в магазинных подсобках и на складах, о так называемом саботаже. На борьбу с ним брошены общественность, милиция и КГБ. Газеты, радио и телевидение сообщают о тоннах припрятанных продуктов и товаров. Но я ни разу не читал и не слышал, чтобы кто-нибудь был за это наказан. Вот только один факт: на столичном складе «Мосрыба» было обнаружено 193 тонны черной икры, которая уже начала портиться. И к этому потрясающему случаю не было никакого комментария о конкретных виновниках и об их наказании. Нет, хамство поистине беспредельно!

В моем многоэтажном доме в каждом подъезде по два лифта. То один, то другой ломается. Но оба сразу останавливались редко. В последнее время такое печальное совпадение стало правилом. Недавно я столкнулся на первом этаже с монтером, пришедшим устранить неполадки. Был он, выражаясь языком милицейского протокола, в состоянии сильного опьянения. Он обратился ко мне: «Вот пришел лифт починить. Надо мне по лестнице на шестнадцатый этаж лезть, а я не могу». И хорошо, что не может! Ведь лифт, как написано в инструкции, транспортное средство повышенной опасности. А тут пьяный монтер.

Мне это маленькое происшествие кажется символом наших дней. Слишком многое фокусируется в нем.

Наступление на перестройку под дымовой завесой хамства нарастает. Причем хамства не только оголтелого, но, можно сказать, и раздумчивого. Прислушайтесь!

«Думаю, заслуживает внимания идея создания органов Советской власти непосредственно на предприятиях и в учреждениях... Может быть, понадобятся и отряды самообороны, о чем уже говорят на местах».

Мысли, мягко говоря, антиконституционные, призывы подстрекательские и провокационные. Как могут уживаться с Основным законом, не нарушая его такие новообразования, как дополнительные «органы Советской власти» и «отряды самообороны»?

Еще цитата: «На местах зреет идея создания общественных комитетов спасения»... Снова антиконституционный пассаж!

Принадлежат эти высказывания И. К. Полозкову. Между прочим, они, к сожалению, быстро воплотились в конкретные дела. В Вильнюсе и Риге! В анонимные «комитеты спасения», в танки, пули и жертвы. Об этих трагических событиях сказано и написано уже немало, но вот еще один штрих к общей картине. Народный депутат СССР В. Алкснис заявил: «Может быть, открою тайну. Я беседовал с членами литовского «Спасения», которые сказали так: «Мы выполнили все, что от нас просил Горбачев. После этой акции он должен был ввести президентское правление, но нас предал».

Чего в этих словах больше: правды или лжи? А может быть, это всегонавсего еще одна из граней хамства — простота, которая хуже воровства?

И, наконец, еще одно откровение Полозкова в том же стиле (речь идет о «новых хозяевах» нашей жизни, которые, по Полозкову, являются «коррумпированными демагогами и теневиками-буржуа»):

«КПСС — главное препятствие на пути господства этих новых хозяев жизни, ничем не отличающихся от тех, которых народ сверг в 1917 году. И если их планы увенчаются успехом, то есть все основания предполагать, что вслед за моральным террором против коммунистов, членов их семей неизбежно будет развязан — и он уже развязывается — террор физический. Им надо будет уничтожить несколько десятков миллионов человек».

Страшно. И, увы, знакомо. Зачем только перекладывать все с больной головы на здоровую? В нашей стране уже были уничтожены десятки миллионов ни в чем не виноватых людей. Может быть, т. Полозков припомнит, кто и когда их уничтожил?

Недавно в одной из наших бесчисленных очередей зашел разговор о денежной «реформе», связанной с ликвидацией ассигнаций в 50 и 100 рублей. Кто-то назвал это мероприятие очередным хамством. На него тут же яростно обрушились соочередники. Они посчитали, что в данном случае такое определение является слишком мягким...

Кстати, наша очередь (не только за вином и водкой) — одна из главных удавок на человеческом достоинстве.

У общества, которое стоит в очередях и состоит из людей, лишенных чувства собственного достоинства, нет будущего.

Наталья
ИВАНОВА

Рисунок
Алексея
МЕРИНОВА

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

АРЕСТАНТЫ И НАДЗИРАТЕЛИ

1

Совсем недавно мне посчастливилось прочитать поистине великолепный текст — приветствие Фридриха Дюрренматта Вацлаву Гавелу при награждении его крупнейшей литературной премией Швейцарии. Дюрренматт говорил не столько о Гавеле, о его политическом и литературном даре, сколько о Швейцарии. Говорил скептично, самокритично и горько. Швейцария — тюрьма, вот смысл его выступления. А мы, швейцарцы, изолировавшие себя от мира, одновременно и арестанты, и надзиратели. Дюрренматт предупреждал Гавела не обольщаться западной демократией.

Ну уж если они и арестанты, и надзиратели, подивилась я, то мы кто такие? И, дабы «вчитаться» заново в наш быт и характер, перечитала заново бессмертную книгу «Один день Ивана Денисовича». Как всегда, при новом чтении открываешь что-то еще новое, ранее не замеченное. Так и сейчас обнаружила: герои удивительно разговорчивы. Даже порой болтливы. Свободны и независимы. Гораздо более независимы, чем если бы они оставались в описываемое время на воле.

Разговорились и мы. Разговорились, расшумелись, руками размахались, статьи наперебой печатаем, газеты издаем. Да, конечно, мы стали разговорчивее, чем раньше. Но тем не менее разговорчики наши проходят все в том же тюремном интерьере. Хоть он и оформлен под Дом кино или ЦДЛ.

Вот, например, собралась я ехать на конференцию. Скажем, в Лиссабон. Или в Лозанну. На меня, насколько я знаю, выписано несколько зарубежных паспортов, но ни один из них не доверен мне лично. Вполне возможно, что мне его вручат вовремя (накануне отлета, чтобы я поменьше, видимо, волновалась,— а то вдруг я его потеряю, мы ведь, интеллигенты, такие рассеянные, а соответствующие инстанции оберегают нас, как малых детей), с необходимой визой далекой страны и с пометочкой МИДа, что меня можно на недельку-другую выпустить. Но МИД волен поставить мне птичку, а волен и не поставить. Как уж ему, МИДу, покажется. И объяснять мне свое решение он, МИД, никак не обязан.

Так как же я после этого должна себя чувствовать, даже если, предположим, я сделала доклад в Абердине (Шотландия) и благополучно вернулась домой, на проспект Мира?

Я в тюрьме.

Только тюремщики наши немного поубавили в тоне (им так удобнее), а мы соответственно прибавили. А если опять захотят свое горло прочистить, то, как говорится, своя рука владыка.

За две недели пребывания в Швейцарии (пять городов, отдельные поселки городского типа, деревни, а также вершины знаменитых Альп) официальные власти попросили мой паспорт всего один раз: при въезде в страну.

При возвращении в СССР солдатик в паспортном контроле изучал его минут пять. Может быть, раз я возвращаюсь, он засомневался в моих умственных способностях? Или решил, что меня подменили?

Удушье на родной земле начинается сразу, поскольку первое отечественное впечатление — человек в форме или с ружьем (а теперь уже и с автоматом).

Не так давно в Москву приезжала Марья Розанова, редактор и издатель «Синтаксиса». Привезла с собой книги своего мужа Андрея Синявского, а также бишь небезызвестного в патриотических кругах Абрама Терца, отчасти уже переизданные и у нас, а также экземпляры своего собственного журнала. Сотрудники таможни были даже заранее предупреждены о книгах, поскольку издателя встречали издатели, участвующие в «круглом столе». Марья Васильевна появилась из объятий таможни позже всех остальных пассажиров и объявила, что книги задержаны. Когда же встречающие потребовали от таможенников книги вернуть, то с изумлением услышали в ответ, что надо сперва проверить их «на благонадежность».

Так что тюремщики бдят — особенно на границах тюрьмы.

А чтобы мы себя все-таки чувствовали людьми свободными, то в стране затеваются всяческие дискуссии. Например, о том, спал ли Президент в ночь с 12 на 13 января или притворялся. И кто лично виноват в убийствах мирных жителей в Вильнюсе. Насколько мне известно, пока никто не арестован. А не арестовывают за убийство только в одном случае: если идет война. В данном случае она ведется против группы арестантов, захотевших освободиться. И не надо утешать себя иллюзиями, что минует нас чаша сия.

А проснулась я ночью у себя на проспекте Мира от тяжелого, мрачного урчания. Мысль первая — идут танки. Но, подбежав к окну, обнаружила, что я приняла за танки снегоуборочные машины, от которых давно отвыкла Москва.

2

В недавно опубликованных журналом «Литературное обозрение» воспоминаниях о Варламе Шаламове приводится один из его драматургических замыслов 1966 года. Пьеса должна была называться «Вечерние беседы». Сюжет предполагался нижеследующий: в тюремной камере встречаются русские писатели — нобелевские лауреаты: Бунин, Пастернак, Солженицын. Днем их отправляют на самые тяжелые работы, а вечерами они беседуют...

Сюжет представляется вам, конечно же, фантастическим. Но напомню одну историческую деталь, делающую его, увы, вполне реалистическим: именно к этому времени был возвращен из ссылки человек, вполне подходящий для компании героев задуманной В. Шаламовым пьесы, будущий нобелевский лауреат Иосиф Бродский.

Литература и политика в тоталитарных обществах зловеще переплетаются в судьбе таланта. И как бы мы ни пытались вернуться к чистой, «эстетической» критике, это нам не удается — прежде всего в силу нашей исторической судьбы. Скорбный список писателей, уничтоженных в советских лагерях, насчитывает более тысячи официальных имен,— повторяю, официальных, то есть людей, уже принятых в члены Союза писателей. Сколько же погибло настоящих талантов, не успевших напечатать ни строки,— Бог знает.

Пьесы Вацлава Гавела только начинают обретать жизнь на сценах России. Только что вышел в свет первый сборник переводов его пьес. Знаменитые его эссе все еще не переведены. Крайне неоднозначно в нашей стране (даже в среде творческой интеллигенции) отношение разных политических сил к действиям Гавела в Чехо-Словакии. Те, кто до сих пор исповедует имперскую мораль, почувствовали в его политике ущемление собственных амбиций. Не испытавшие никаких угрызений совести в 1968 году, сегодня они негодуют — «наши танки позорно, без боя, покидают Восточную Европу».

На встречах с читателями мне часто задают такой вопрос: что остается делать творческой интеллигенции в столь политизированное время? Интеллигенция перестает писать книги и берет в свои руки власть. Президент Венгрии — писатель. Президент Болгарии — философ. Президент Литвы — музыковед, министр иностранных дел Эстонии — писатель. Президент Чехо-Словакии — драматург.

Тому есть несколько причин. Банкротство тоталитарных общественных строев обнаружило этический вакуум в обществе. Немногие духовные тради-

ции сохранила только известная часть интеллигенции. Обнаружилось и полное отсутствие по-настоящему образованных политиков, дипломатов, даже просто чиновников. «Нашествие гуманистов» в политику в посттоталитарный период закономерно. Интеллектуалы зачастую пользуются большей популярностью, чем радикалы-популисты, несмотря на яростный напор и демагогию последних.

Самое важное — чтобы посттоталитарный человек «опомнился». Без изменения сознания человека самый продуманный, системный проект переустройства общества обречен на неудачу. И именно как драматург Гавел содействует этому «опоминанию» человека, изменению массового сознания. Ведь театр, как он считает,— не развлечение, а «живой очаг духа, место самопознания общества, точка пересечения силовых линий времени и его сейсмограф, пространство свободы и орудие освобождения человека». Да, и не только театр, но и кинематограф, и литература, и телевидение... А бывает и наоборот: и не орудием освобождения человека предстает искусство и «масс-медиа», а орудием новейшего идеологического оглупления.

Оборотнями-демагогами могут быть (или стать) люди из среды творческой интеллигенции. Живой пример, пример, так сказать, на наших глазах совершавшийся,— Александр Невзоров, позиции которого симпатизировали многие зрители: он вполне «популистски», яростно выступал против ленинградской партократии; затем не менее яростно — против «засилья» демократов в Ленсовете (а наживка — имидж «самостоятельной», «независимой» личности тележурналиста уже была миллионами зрителей проглочена). То, что меня настораживало с самого начала в его бесшабашных репортажах — откровенное смакование насилия,— развернулось в его прибалтийских репортажах, когда «наш» соловей ОМОНа предстал перед зрителем с автоматом в обнимку.

3

Уже в брежневское время отбывали свой срок Андрей Синявский и Юлий Даниэль, Петр Григоренко, Владимир Буковский, Василь Стус, в андроповско-горбачевское сидела Ирина Ратушинская, в декабре 1986 года скончался в тюрьме Анатолий Марченко. Многие из них вовсе не собирались посвящать свою жизнь литературе — писателями сделала их политическая судьба.

«Законный вопрос: что в этой книге — правда, а что — художественный вымысел? — спрашивает себя Ирина Ратушинская в начале книги «Серый — цвет надежды», вышедшей первым изданием в Лондоне в 1989 году.— Отвечаю сразу: вымыслу в этой книге места нет. У меня бы просто не хватило фантазии... Мне остается только принести извинения перед многотысячными жертвами женских лагерей за те эпизоды, которые я забыла или не успела упомянуть, ограниченная объемом книги». При этом Ратушинская повествует не только о своей тяжелой лагерной жизни, о холоде и голоде, болезнях и издевательствах лагерного «начальства», не забывает она и о надзирателях — людях, порою помогавших выжить и человеку, и его мысли.

Умудрялись-таки передавать на волю и информацию, и даже стихи. «Был потом случай, когда парнишка-конвоир, которого я приглядела, отказался:

— Не положено!

Он это «не положено» еле шепнул — стриженый такой мальчишка, с открытым юношеским лицом. И я искренне изумилась:

— Ну, погибла Россия!

Отошел как ошпаренный в другой угол вагона и через полчаса вернулся и молча протянул руку. Я также молча сунула ему наспех подписанный конверт, и мы еле-еле, одними глазами, улыбнулись друг другу. Нет, не погибла еще Россия...»

Итак, взаимоотношения арестантов и надзирателей тоже были, скажем так, разнообразными. И не исключался вариант, когда у надзирателя в быстром времени менялась политическая «роль» и он оказывался арестантом. «Наши» и «не наши», вполне возможно, менялись местами еще и потому, что в конечном счете все вместе находились в «большой зоне», адрес которой — не дом и не улица. Или в общем — сидя один за всех, все за одного — сумасшедшем доме? Или в «школе для дураков»?

Олег Чухонцев в эссе «Лицо на групповом портрете», предваряющем его наиболее полную книгу стихотворений, вышедшую в издательстве «Художественная литература» в 1989 году, вспоминает о своем детстве в Павловском Посаде, что неподалеку от Москвы: «...Отдали меня вначале в школу для дефективных детей, чтобы поближе к дому, и хотя потом я окончил другую школу, нормальную, и даже образцовую, и даже с серебряной медалью, все равно воздух некоей дефективности окружал меня и там...» А в самом городе первые впечатления будущего поэта были связаны вот с чем: «Помню жуткие драки, с поножовщиной, кровь у колонки, где белые кубанки (наши) и черные (орехово-зуевские) — или наоборот, не помню — отмывались после бурного толковища в местном клубе». Однако охватывая жизнь свою в целом, и «тощую книжку», вышедшую только через семнадцать лет после предоставления рукописи: «говоря объективно, такого автора надо признать неудачником», но субъективно он считает себя счастливчиком. И приводит Чухонцев очень мудрое присловье, услышанное от бывшего лагерника: «Не завидуй, лежа рядом с парашей, соседу по нарам, потому что мог бы лежать и под нарами».

Какая тяжелая цепь!
Галера скрипит в сорок весел,
скрежещет, как утлая крепь,
судьба — и на гребень выносит,
чем круче волна — тем верней,
чем хлеще удар — тем чудесней,
и песня все кружит над ней,
как чайка над черною бездной.

Не наша с тобою вина,
тем паче не наша заслуга,
что нас обошли и война,
и плен, и большая разлука,
что этот простор не на нас
глядел, совмещая две точки,
что свет среди дня не погас
от бланка и вписанной строчки.

Олег Чухонцев в процитированном мною выше антологическом, в чем я уверена, стихотворении «За строкой исторической хроники» называет наш простор «подневольным», «упершимся в горло, как кость».

Закон о печати, регистрация независимых изданий, отмена цензуры ослабили петлю на шее литературы. Тяжкая барщина меняется на оброк — не очень, правда, легкий; вернее, легкий для тех, кто, следуя очередному Указу Президента, останется при: при Союзе писателей, например. Такие заведения освобождаются на 1991 год ото всех налогов, что поучительно для возжаждавших свободы журналов. Это, если можно так выразиться, второй звонок — первым я считаю предложение Президента «приостановить» действие Закона о печати. Предложение было сделано в легкой, ненавязчивой манере,— после реакции депутатов, в частности, Юрия Карякина, выпущенный было коготок спрятался в бархатную лапку.

Но, памятуя о других прецедентах такого же рода, а также достаточно хорошо изучив характер вышеупомянутого высокого лица, я полагаю, что предложение было не случайным и к данному вопросу он еще вернется. Тем более что из «патриотических» журналов несется все громче:

«Последний островок духовности и высоких идеалов — журнал «Молодая гвардия» в опасности!

Почему у нас отменили цензуру?» (разрядка моя.— **Н. И.**).

И кто же требует вернуть цензуру, «осудить», «прекратить» и «отстранить» (знакомая интонация, не правда ли?)? Кто эти надзиратели?

Педагогический коллектив учителей средней школы № 1 и филиала Новоузенского СПТУ-65 п. Александров-Гай Саратовской области.

Но цензура-то «брежняя» тоже была палкой о двух концах.

Вряд ли тогда могли на страницах комсомольского ежемесячника «Молодая гвардия» (а комсомол, как известно, у нас большой интернационалист) появиться такие строки, насыщенные имперской амбициозностью:

Час пробьет — и примолкнут чухонцы
*перед гордой ее (России.— **Н. И.**)*
высотой.
Сбросьте спесь, латыши и эстонцы,
к нам придете и вы на постой.

Своим оппонентам в лицо «бросается» стих, облитый не столько горечью и злостью, сколько помоями:

*Отрастившие брюха (?! — **Н. И.**)*
в тепле,
плюралисты, да кто вы такие,
чтобы думать о русской земле?

Читаем об «отрастивших брюха» дальше. Узнаем, что у **них** нет «рода». «**Они** ненавидят Россию за горы, поля и леса», «**они** ненавидят ее непогибший народ»... В другом «стихотворении» — прямой призыв к новой насильственной депортации: «Ну сколько же нашу землю им топтать?!» В еще одном — эти «палачи» и «враги» не только называются «бесовской сволочью», но — для особо непонятливых — и прямо определены по национальности: «тех розенфельдов, апфельбаумов перестрелял бы, как собак». В качестве «предположения» этот риторический вопрос задается — кому бы вы думали? — расстрелянному поэту Николаю Гумилеву, достаточно открыто выразившему свое отношение к насилию:

А ночь светла, земля бела,
Господь, спаси его от зла!

Нет, возврат к цензуре и для «Молодой гвардии», из которой я зачерпнула так много, увы, уже знакомого, вряд ли был бы спасителен. Или же там более чем уверены, что цензура будет носить чисто национал-большевистский характер?..

4

О разрушительном воздействии насилия не только на тех, кто ему подвергается, но и на тех, кто брошен политическими силами его осуществлять, рассказывает Светлана Алексиевич в документальном повествовании «Цинковые мальчики» («Дружба народов», 1990, № 7). Это книга записанных свидетельств участников этой войны, «афганцев» («Чужое имя. Как знак. Метка... Я не знаю, кто я. Герой или дурак, на которого надо пальцем показывать. А может, преступник?»), и медсестер, их родных и близких.

«Не пишите только о нашем афганском братстве,— говорит рядовой, гранатометчик.— Его нет. Я в него не верю. На войне нас объединял страх. Нас одинаково обманули...»

Конечно, детали в книге — страшные.

«В холодильник привезли новых убитых... Как будто несвежим кабаном пахнет» (кинооператор).

«Их кормили мясом с червями, ржавой рыбой... У нас всех была цинга, у меня выпали все передние зубы. Они продавали одеяла и покупали анашу» (медсестра).

«Наша рота прочесывает кишлак. Идем с парнем рядом. Он открывает ногой дверь в дувал, и в него — из пулемета, расстреливают в упор... Девять пуль... Сознание заливает ненависть... Мы стреляли всех, вплоть до домашних животных, в животное, правда, стрелять страшнее. Жалко. Я не давал расстреливать осликов» (рядовой, гранатометчик).

«Иногда задумаюсь, что было бы, если бы не попал на эту войну? Я был бы счастливый... Мы убивали и грабили не задумываясь... Чужая жизнь, на нашу непохожая, непонятная... Нам проще было выстрелить, бросить гранату...»

Остановлюсь — продолжать можно долго. И — остановлю внимание читателя на двух моментах, ибо книга Алексиевич взывает не к перечислению деталей, а к самосознанию: и исповедующегося, и нас, слушающих. Итак, первый момент.

«Сознание заливает ненависть».

Это предупреждение-напоминание нам всем, войны нюхавшим и не нюхавшим. Предупреждение человека, который на себе самом понял (и смог до нас донести) эту страшную закономерность: ненависть, возникшая однажды, исключает, выключает сознание. Поворот — и нет его. И будет поливать огнем налево и направо, начисто забыв о том, что три года назад не мог наступить на муравья (правда, осликов и сейчас жалко).

А афганцев — не жалко.

Второй момент.

«Чужая жизнь, на нашу непохожая, непонятная... Нам проще было выстрелить».

Другой этнос. Другой быт, привычки, ритуалы. Другой запах. Еда другая. И свет, и мрак другой. А уважать другое — не научили. Другой — значит чужой. А чужой — значит враг.

«Наши» — и «не наши», как у Невзорова...

То, что чужой,— освобождает от каких бы то ни было моральных норм. Убить чужого **«проще».**

«Вдруг выскакивает старая афганка, плачет, кричит, с кулаками бросается на броню... У нее убили сына... Она нас проклинает...» (рядовой, оператор-наводчик).

Чувствуете, какая дьявольская разница? Какая нравственная заторможенность, замороженность? Сознание лишь фиксирует, но смысл происходящего отскакивает, как от танковой брони. Потому что — чужая боль, чужая смерть, чужая старая мать.

Мальчишки, которым так хотелось домашних яблок, каких-нибудь фруктов, мальчишки, пушечное мясо, брошенное в войну труповидными старцами, быстро привыкали к делу, например, ножом убить человека («психологически не так было трудно, как технически... Ткнуть ножом надо знать куда»).

Потому что — чужое.

Эти два выделенных, подчеркнутых мною момента откровеннее всего говорят о том, что от ненависти к чужому до легкого пролития чужой крови — расстояние меньше шага.

Документальная проза Алексиевич не только документальна. Это проза мучительно обретаемого самопонимания, самосознания. Это ответ поколения на псевдогероизацию, воспевание «афганской войны» типа прохановского «Дерева в центре Кабула». Тот, кому «психологически не так было трудно, как технически», вернулся домой слепым — пуля снесла сетчатку с обоих глаз. «Вошла в левый висок, в правый вышла. Различаю только свет и тени». Ему «хочется от всего очиститься. От всей этой грязи, в которую нас втянули». И теперь слепой разведчик признается, что во сне боится крови.

Неужели и обществу в целом надо пройти через кровь, чтобы начать ее бояться?

Но будем честными: мы ведь уже прошли. Уже были Сумгаит и Баку, Фергана и Ош. Был Тбилиси. Был Вильнюс, после которого на московские площади вышли сотни тысяч людей.

А в ту же ночь, с 12 на 13 января, в Цхинвали тоже погибли люди.

И никто на митинге об этом не сказал.

Потому что для нас, для демократов, увы, тоже есть *чужая* кровь? И цена человеческой жизни в Вильнюсе и Карабахе для нас разная?

Я не хотела бы так думать.

5

Для того чтобы воочию себе представить ужас послереволюционного насилия, нужно «не отворачиваясь» прочитать сборник документальных данных «Черная книга («Штурм небес»)», перепечатанный журналом «Москва» (1991, № 1). Этот сборник свидетельств, составленных А. А. Валентиновым, появился на Западе (на английском и немецком языках) в 1924 году и только сейчас становится доступным нашему читателю. Есть в сборнике и более чем наивные страницы (например, главка «Развращение подрастающего поколения», где именно комсомольским ячейкам приписывается незаслуженная слава главного участия в физическом развращении молодежи). Но самое потрясающее впечатление производит глава «Очерк гонений в период гражданской войны», детально описывающая ужасные судьбы священнослужителей, а также глава «Дело святейшего патриарха Тихона». Публикация, подобная этой,— истинное противоядие против насилия, которое, охватив толпу, приводит к самым чудовищным последствиям. К архиепископу Донскому и Новочеркасскому Митрофану ворвались «четверо грязных, со зверскими лицами, матросов, в шапках, с папиросами в зубах», награбили, что могли — серебро, белье, сапоги,— и хотели уж уйти, а мальчишка лет 17 заявил: «Я без него не пойду. Я его арестовываю». Красноармеец в письме домой пишет: «Мне тоже пришлось застрелить попа одного. А теперь мы еще ловим этих чертей и бьем, как собак». Архиепископу Пермскому Андронику сначала вырезали щеки, выкололи глаза, обрезали нос и уши и так водили по городу, а затем сбросили в реку. В Харькове священника Димитрия вывели на кладбище, раздели донага; когда же он начал освящать себя крестным знамением, то отрубили ему правую руку. В Херсонской губернии священника распяли на кресте.

Первый номер журнала «Москва» открывает обращение к читателям Владимира Крупина, в котором с радостью прочла я слова, призывающие к терпимости и уважению, трезвости мысли и жизни по совести. И «Черная книга» тоже взывает не к отмщению, а к пониманию и трагедии нашей истории, и той бездны, в которую толкают новые призывы к насилию.

Но в том же номере журнал публикует материал В. Зарубина «Путеводитель по русской и русскоязычной периодике в Европе». Материалу предпослана краткая редакционная справка, в которой указано: «В стилистику не вторгаемся». Однако очень жаль, подумала я, что редакция не «вторглась» в сами данные, приводимые В. Зарубиным. «Данные» живущего в Германии В. Зарубина, самого себя захваливающего («весьма богатый материал») и неоправданно высокомерного («российские изгнанники всегда избегали общения с аборигенами» — «аборигены» — это французы, англичане, немцы и т. д.), неверные. Хотя он и говорит, что намерен показать прессу зарубежья «объективно», но все издания делятся им на две части. Лучшее, по его мнению,— это издания ультранационалистического характера, типа «Вече»; даже «Вестник Русского Христианского Движения» во главе с Н. А. Струве упрекает он в «разжигании страстей»; а худшее — это свободная демократическая пресса, борющаяся за права человека,— полны неприязни заметки о газете и журнале, редактируемых Кронидом Любарским, о парижском «Синтаксисе», о газете «Русская мысль». При этом с апломбом утверждается, например, что у журнала «Синтаксис» «по сей день вышло только 11 номеров», хотя к 1988 году их вышло двадцать два. Далее в той же заметке — «с № 11 журнал редактирует М. Розанова», а ведь пятью строками до того черным по белому было написано, что всего вышло 11 номеров...

Зачем же весь этот вводящий читателя в заблуждение, дышащий ненавистью сумбур, выдаваемый за «путеводитель», публикуется в журнале, чей новый главный редактор, начиная новый год и новую жизнь, призывает жить по совести? Вопрос остается без ответа.

А ведь публикация в толстом журнале — по отечественной традиции — особый, чрезвычайно ответственный и... воспитывающий жанр. Воспитывающий не только читателя, но и писателя. Вот, например, сравнила я полумистическую, полупророчески-националистическую интонацию стихов Э. Балашова в «Литроссии», скажем, и в «Новом мире» (№ 6, 1990). Конечно же, в пользу «Нового мира», умело и умно отобравшего у Балашова следующие строки: «Творец, создав меня, стыдясь, отпрянет». Очень правильные, самокритичные слова. Может быть, и В. Зарубину, и сотоварищам по публикациям Балашова в «Литроссии» — А. Проханову, Ст. Куняеву, например,— неплохо было бы последовать его нравственному примеру.

6

Эта психология — передернуть, обмануть, подкинуть фальшивку, ввести в заблуждение читателя, которому пока, увы, не свободно доступна так называемая «эмигрантская» периодика; психология урок, блатных, арестантов, уже не политических, а уголовных. Уголовное поведение, приблатненность в литературной жизни — отягощающее наследие режима, пропустившего через «смешанные» лагеря миллионы людей, а также сформировавшего особую, бесстыдную психологию. Это, увы, наша общая реальность — и беда: деление на «наших» и «ненаших», неразборчивость нравственная к тому, кто в «наш лагерь» подался; способность, «мырнув» в толпу, безоглядно идти вперед в колонне демократов, по справедливому замечанию Войновича, под руководством бывшего генерала КГБ и двух следователей по особо важным делам...

Рассказывают про Пастернака — однажды, копаясь в своем переделкинском огороде, он не разглядел, кто именно с ним здоровается (а это был известный, талантливый, но прожженный циник-писатель), и ответил на приветствие. Разобравшись же, немедленно бросился к телефону: «Передайте..., что я с ним поздоровался по ошибке».

Может быть, и «Москва» извинится перед читателями за «ошибку» с В. Зарубиным?

Но ведь дело не в нем, хотя появление его «Путеводителя» действительно огорчает. Дело в том, что обретение правды, независимости и свободы — процесс продолжительный, глубокий, это процесс переделки не только общества в целом, но и каждого из нас в отдельности. Настоящая литература — способна ли она вывести к свету? Читая рассказы сравнительно молодого Андрея Волоса, а также «позднюю прозу», увы, сравнительно немолодого Руслана Киреева в «Новом мире» (№ 6), убеждаешься в том, что способна. Просто надо понимать, что в будущем, когда нас всех уже не будет на свете, когда «лишь безмолвные образы» (Р. Киреев) останутся, все станет на свои места. Все тайное станет явным. Все обманы выйдут наружу — таков уж исторический закон. Все анонимные сегодня участники «комитетов спасения» будут названы по именам.

И с каждого надзирателя спросится по делам его.

■

В нашем, достаточно косном и ханжеском обществе есть вещи, о которых в силу ложно понимаемой стыдливости не принято говорить, а тем более их обсуждать. Речь идет о так называемых периодически обязательных медицинских осмотрах врачей, медицинских сестер и санитарок. Причем отказ от медосмотра неминуемо влечет за собой отстранение от работы, выговор.

В течение многих лет, непременно дважды в год, мы вынуждены независимо от пола и возраста, сдав предварительно анализ крови на реакцию Вассермана, СПИД, пройдя флюорографическое обследование, исследовав себя на группу кишечных инфекций, наконец, предстать перед дерматовенерологом. Цель нашего визита — доказать сотрудникам, пациентам, самому «прогрессивному» в мире министерству здравоохранения, что мы по состоянию на день осмотра не страдаем гонореей или чем-нибудь в этом роде и не опасны для окружающих. Входят ли сотрудники медицинских учреждений СССР в число тех, кому грозит заражение СПИДом? На наш взгляд, входят, так как инструментарий, используемый при вышеназванных процедурах, не является одноразовым, более того, нет даже уверенности в том, что он стерильный. Медицинские коллективы многочисленны, и рассчитывать каждому на предназначенные только для него гинекологические зеркала, кюретки, пинцеты, зонды — немыслимая роскошь. Не нужно быть излишне осведомленным, чтобы понимать, что у врачей и медсестер, особенно работающих в стационарах, и без того более чем достаточно возможностей заразиться СПИДом.

Здравый смысл подсказывает, что любые факторы, повышающие риск заражения, должны быть максимально исключены. Тем более что эффективность пресловутых медосмотров близка к нулевой.

Излишне напоминать о радикальных переменах, происходящих в обществе. Надеемся, что благотворные изменения коснутся и сотрудников Минздрава СССР, особенно в вопросах, касающихся бессмысленных повальных медосмотров. Полагаем, что неукротимую энергию сотрудников поликлиник спецмедосмотров следует направить по назначению — на обследование контингента, относящегося к так называемой «группе риска».

БАВТУТО, ШАТИЛЛО, ЯКОВЛЕВА, МАКАРОВА и другие сотрудники 4-й детской городской клинической больницы. Всего 29 подписей
Минск

...ПЛЮС КАРНЕГИЗАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ?

Перво-наперво: спасибо господину Карнеги за наше светлое будущее! Ибо, похоже, именно ему уготовано торить туда дорогу, вымостив ее своей книгой.

Дело было так. Давно «некогда безвестный фермер» начал читать курс лекций (было это в США), которые затем сложились в отличную книгу — «книгу действия». Издавалась она в Америке, в Европе, и не раз. К нам книга продиралась сквозь цензурные заслоны — единственное сооружение, которое мы научились надежно строить за эти семьдесят с небольшим лет. Партидеологи-марксисты сусловского розлива, люди, в массе своей ограниченные, все же понимали, что простой народ может научиться у Карнеги искусству человеческих отношений, а оно, это искусство, ему, партактиву, ну никак не давалось. Народ будет знать больше, чем номенклатура? И дружные ребята из очень (в ту пору) Большого Дома решили поддержать Карнеги, хотя сами читали его в издании «для служебного пользования». В ту пору запрет нарушили в Литве, издав часть работ Карнеги на ротапринте. Затем новосибирский журнал «ЭКО» начал публикацию — было это в 1978 и 1979 годах.

Перевод заканчивался словами: «Человек дела не хочет лести». И прояснилась вторая причина запрета на книгу.

Правда, «ЭКО» немножечко сдрейфил и не решился на публикацию завершающих глав книги, ибо они «заметно отличались по тематике от остальных ее разделов» и были посвящены семейным отношениям, которые, как всегда было совершенно ясно всем подлинным идеологам-сусловцам, никакого отношения к экономике вообще, и к успехам деловой карьеры в частности, не имеют. Правда, через десять лет, в 1989-м, в «ЭКО» опубликовали «Семь правил, которые сделают вашу семейную жизнь счастливее».

Нормально.

Но журнал — это журнал. Всю книгу (почти 800 страниц) он опубликовать возможности не имел. И когда популярный и уважаемый мною еженедельник «Книжное обозрение» сообщил, что в издательстве «Прогресс» готовится первый полный перевод, это порадовало знатоков. И вот за 5 рублей 40 копеек мы получили отлично переведенный и бережно изданный триптих: «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», «Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично», «Как перестать беспокоиться и начать жить».

...И тут-то плотину прорвало. Пытаясь сбить ажиотаж (а на теневом рынке книга шла за 70—80 рублей), «Прогресс» оперативно повторил издание (но в мягкой обложке). Эстафету подхватили дельцы. Карнеги стали издавать вдоль и поперек. Фразами и отдельными главами, с перепутанными названиями и перевранными мыслями. На бумажных обрывках и так называемыми «буклетами». В своем, понятно, рижско-рыночном толковании. Вот и сейчас на прилавки выплеснулись четыре странички, украшенные изображением розы. Кооператив «Аналог» решил поделиться с нами своим видением Карнеги, но хилую листовочку (штука — 20 копеек) печатают не по изданию «Прогресса», которому принадлежит копирайт, а «по публикациям журнала «ЭКО». Так сказать, дважды дайджестированный дайджест.

Тоже розочку приляпали на свой «карнегианский буклет» (тираж 50 тысяч, цена 40 копеек) ГО НПО «Хронос»— ИПТК «Логос» ВОС. Тутошние издатели решили демократизировать Карнеги, сделать его понятнее, доступнее и оснастили всё рекомендациями: «просматривайте этот буклет ежемесячно», «вовлекайте кого-нибудь в игру: как только он поймает вас на том, что вы нарушили один из принципов, отдайте ему четверть доллара». Видел бы Карнеги, знал бы он, какие у нас замечательные, предприимчивые люди!

Вослед коопкарнегизации зарядили печатные станки более чем солидные издательства. Но если уважающие себя Политиздат (100 тысяч экземпляров и очень демократическая цена — 1 рубль 20 копеек) и «Ишыг» из Баку (тоже 100 тысяч, но за три десять) ссылаются на «Прогресс», то кооперативно-напористая орава и мысли такой не допускает. И наше щепетильное ВААП, агентство, стоящее «на страже», ловко и профессионально обирающее подлинных авторов, словно не замечало такого произвола. Допускаю, в ВААП — свои принципы, до недавней поры мало что общего имеющие с высокой культурой авторского права, но не до такой же степени! Воруют-то средь бела дня... Может, в пуритански строгом, всевидящем ВААПе не читали Карнеги, который учит и деловым отношениям? Порядочности учит...

СП «Лексика» (100 тысяч экземпляров, 4 рубля 80 копеек за каждый) упоминает только составителей, но не издательство; малое челябинское предприятие (цитирую по «Книжному обозрению».— К. Б.) «Вариант-книга» умудрилось довести Дейла Карнеги (напомню, у «Прогресса» — 772 страницы) до 96 страниц, затребовав за них по 5 рублей 20 копеек. Малость отстали уфимцы. «Г.К.К. «Меркурий» — 80 тысяч тираж, 71 страница, 3 рубля. Вагонно-трамвайное переложение серьезной работы?

За несколько месяцев, минувших со дня выхода книги в «Прогрессе», к этой работе прикоснулись — с огромной выгодой для себя — многократно. Издано около 50 различных версий Карнеги — от серьезных до бульварно-безответственных. Карнеги идет густо, навалом. Упрощенный, выхолощенный, примитивизированный, полуграмотно переложенный на потребу дня.

Карнеги — всюду. Главный редактор «Учительской газеты» в своем интервью по телевидению спешит нас обрадовать: в наступившем году газета станет публиковать Карнеги. Вовсе новое издание — «Кадры» уверено в своем успехе у читателей. Почему? «Достаточно сказать, что в «Кадрах» будут публиковаться выдержки из знаменитого Дейла Карнеги», — сулит рекламная информация о газете. Карнеги, Карнеги, Карнеги... Прежде мы, почитав Маяковского, знали, с кого надлежит делать жизнь... Затем шли в светлое будущее, понимая, что оно — Советская власть плюс электрификация (химизация, БАМизация, мелиорация). Оказалось: советские горе-издатели плюс карнегизация всей страны. Учтите поправочку, уважаемые.

Ни в чем не знаем меры. Не получится ли так, что Карнеги превратится в абсолютно расхожую монету, будет растиражирован до тошноты?..

Пока же спасибо товарищу Дейлу Карнеги за наше счастливое будущее, путь в которое он (точнее, безудержные издатели) освещает столь многотиражно...

К. БАРЫКИН

P. S. Еще не подсохли гранки этих заметок, как пришло известие еще о трех выпусках книги Д. Карнеги. В Москве, с помощью все той же «Лексики» (по немалой цене, само собой) и в Новосибирске, где издательство «Наука» за шесть рублей выдало одну треть издания «Прогресса».

Знали бы кооп и прочие издатели, что с момента выхода у нас первого издания Дейла Карнеги появились две книги других авторов, освещающих, по сути, следующий, более высокий уровень проблем, что тиражируют сейчас от имени, но без поручения Д. Карнеги. Вот на них бы и обратить внимание...

К. Б.

КОБЕЛИ И ОСОБИ ЖЕНСКОГО ПОЛА

Александр ТЕРЕХОВ

Фото Анатолия БОЧИНИНА и Юрия ФЕКЛИСТОВА

В каждом большом советском товарище прячется маленький товарищ, который давно мечтал иметь щенка. Щенка. Да и сейчас. Вывалишься с толпой из троллейбуса на рынок Птичий — и в море: купите, лишь бы не топить! Толпа, поводки, булькающие аквариумы, пестрые петухи, пыжатся индюки, устилают днища клеток хомяки, начесанные, как варежки, и даже крысы, белые и поэтому не смахивающие на крыс, а в сетчатых манежах — сонные лобастые щенки, спящие или грызущие какую-нибудь пластмассовую ерунду, а за спиной их папы и мамы на привязи, увешанные чешуей медалей или с чистой грудью простого работяги — взметнутся на задние лапы, повиснут на веревке, как только разглядывающие руки хватают родной ушастый комок — и стонешь: ну почему у меня нету собаки? Стеснится жизнь, окружат деревянные заборы, но все равно — ты не один, ткнется холодным носом в ладонь: ты не один, не один.

Мечта — как воздух. Если очень долго сдерживать — можно задохнуться.

И засядешь в очередь на ветеринарной станции под лампу, что мигает — следующий, следующий,— и подумаешь: если советский человек не покупает себе собаку — не сбывается самая чистая его мечта. Если покупает — это часто единственная чистая мечта, которую он в состоянии осуществить за всю свою жизнь. Следующий!

— Костью вот подавилась. Все грызет, все в рот тянет...

— Да не дрожи ты, вы держите собаку. Ну, морду, я говорю, открой! Может, просто поцарапала... Мед давайте с молоком. Зовут как?

— Екатерина...

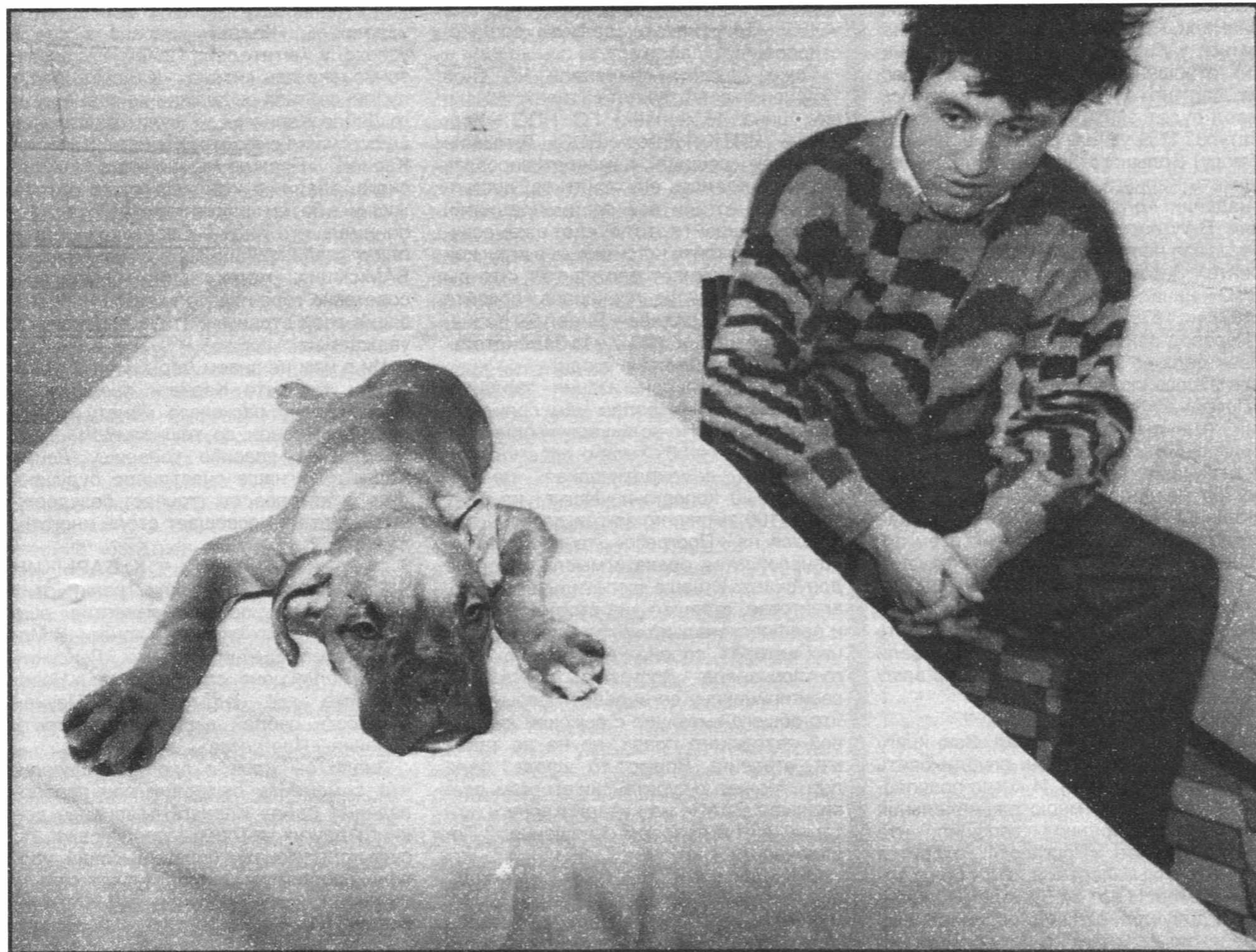
— Да не вас! Альма? Какой окрас?

— Вот, вы посмотрите...

— Если я на каждую буду смотреть! Следующий!

«Владелец должен точно указать кличку, пол, возраст, темперамент животного... Одной рукой захватывается кожа животного в области затылка, локтем нажимается на спину, чтобы животное присело, а другой... Собака приходит в охоту два раза в год... В основном мясо, а не геркулесовую кашу...»

Ветстанция — она на два-три района, в бывшем монастыре, конюшне, редко — в своих стенах, помнящих еще времена, когда жива была деревня и лечили мычащих, хрюкающих, ржущих и рынки ломились от мяса, пока не начали ущемлять шибко хозяйственных, припахав к этому делу и ветеринарную службу. И теперь осталось что? Проверять штабеля подсоленных в целях сохранности шкур, из которых населению — сумки, сапожки, перчатки; меха, из которых отдельным гражданам отдельные наряды, снимать пробу с драгоценных продуктов животного происхождения на рынке, опекать ближайшие виварии, где ждут опытов во славу науки наши меньшие братья, а опыты бывают острые или не острые, это когда сразу и когда не сразу... Еще ветстанция выдает справки, если вы решили проехаться с четвероногим другом по родной стране. Бродячих разносчиков инфекции, жертв голодного свободного времени отлавливает не ветстанция, это другая служба снимает урожай с района в три тысячи голов, но, правда, без настроения последнее время — то машина у них сломалась, то ловец приболел.



А боевая задача номер один — защита населения от заболеваний животных, профилактика, прививки, даже с выездом, в красном уголке, это сейчас особенно живо: Москву посетило полузабытое бешенство. Столичная болонка сцепилась, наверное, с лисой в Калужской области, поболела, думали, гепатит или чумка, погибла. Тело вместо положенной сдачи властям захоронили в той же области. Юноша-владелец умер. Искали тело собаки, выкопали, проверяли, перепроверяли: да, это бешенство. Это — самое страшное, это — гроб.

И, наконец, на ветстанции лечат. Ведут прием «голов». Следующий!

— Владелец, лезьте сами на стол, заводите, если не идет. Отравилась? Что ела? Пусть хозяин сам ест эту сметану. Рвоты нету? Алло! Да, шестнадцать лет — это много, не мучьте собаку, приводите, усыпим. Да? А когда произошел покус? Алло! Кота кастрировать? После шести месяцев. Приносите в одеяле.

Что бывает? Змее обварили хвост, обезьяны выяснили отношения, два часа швы накладывали. Петухов мучают насморки, и очень тяжкие, нарушения обмена: суют ему кашу и хлеб или зерно протравленное, а он принимает позу сидячей собаки и — выводи его, мучайся. Ежики поспят зиму, поспят, а проснутся и едят что-то вяло, на черепаху машина может накатить, панцирь треснется, надо склеивать. Пса страсть тоже может занести под колеса автотранспорта, и получает он вместо любви перелом бедра или таза. Бильярдный шар пес заглатывает, нож от

мясорубки, если владелец проворонил. Кошки почему-то любят слопать «дождик» с елки, на весь кишечник, одним порезом не отделаешься, камни в почках у них бывают, сердечная недостаточность, родовспоможением опять же приходится... А ведь их фиксировать ого-го как — кусаются, и одеялом не сдержишь, а что делать, если котенок на 6—8 тысяч тянет, владелец душу вынет. У грызунов также беда с обменом, чешутся они. Как заметил один фельдшер: «Крыске что надо? Овес там, корнеплоды... А они тут приводили крысу: сметану ест, апельсины, шоколадные конфеты. Она вошла, я чуть со стула не поехал: как пудель! Опухолями еще страдают. Я вообще их боюсь — такую тварь держать...»

Сейчас все платно: ушки подрезать, глянуть, справку выписать, хвостик ампутировать, кастрировать (хряки до двух месяцев — 7 руб., кобели и быки — четвертной).

Но большинство — собаки. Кобели и особи женского пола. Следующий!

— Ох, придется мне его на «птичку» нести. У него, оказывается, родственники «повязаны».

— А у меня сейчас — английский мастиф, это та самая собака Баскервилей. Пять только в Союзе. Стоит двадцать тысяч. Ее возили без меня на вязку в Польшу, она теперь интердевочка. Жених — сто сорок килограммов.

— А я собаку Улановой знала!

Владельцы — народ нервный, особенно породистых,— собаку заводят медалями вперед, очень сопереживают. Хирург из института им. Вишневского на операции своего животного рухнул в обморок, а на него сверху — осветительная лампа, погнулась. Пришлось списывать. Другой приложился еще хуже — в падении пробил головой шкаф с инструментами. Так ведь не напасешься! И скандалить любят ведь!

«Пришла. Я глянул ее собаку, интоксикация, я сразу вижу — интоксикация. А тут венгры заходят, то да се, документы им надо на выезд. Неудобно же мне перед венграми. Я ей говорю: вый-ди-те, по-том, по-том. А она как заорет на венгров: ах, вы цыгане! Вперед меня! Грубо как-то, я за телефон, в милицию — она телефон выдернула. Хвать со стола — форму номер один, мать честная, а она документ строгой отчетности: раз-два! Разодрала в клочья! Пришлось психиатра вызывать. Показали ей, как себя вести!»

Так, прививки — сказали, болезни — тоже, ну, еще усыпляют — на одной станции за год тысячи полторы. Раньше убивали током, а теперь — сон, плавно переходящий. Терпеливые герои держат и до шестнадцати лет с явными метастазами, и парализованных, и глухих, слепых, но остальные, если ясно все, чего уж — приводят. Или операция дорогая предстоит — куда как проще усыпить. Хотя и усыпление денег стоит, отдельных доходяг вообще подбрасывают под крылечко ветстанции, чтоб не тратиться. Дельцы-заводчики, гребущие за собачек денежки, провожают в последний путь сильных и здоровых. Как только перестает рожать. А чего с нее еще? Попадаются разные: «Усыпляйте, но чтоб я видел!» Или его собаку пристроили, выходили, год откармливали, пока отошли все болячки от проживания в гараже и смены семи хозяев за пять месяцев жизни, а пришли за родословной — хозяин обиделся: «Я вам усыплять приводил? Вот. Ну какая теперь родословная?!» Следующий!

«На усыпление привели, а она прямо на брюхе ползала, и слезы в ее глазах стояли. Я не выдержала: возьму! Меня предупредили: тяжелый нрав у собаки. Привела домой одновременно со своей — чтоб на равных, а у этой — такая безысходность в глазах, понимает, что не хозяйка, к тарелке подходит второй. Новый год отметили, сын утром встал и давай с собаками возиться: с нашей, а потом, чтоб не ревновала,— с этой, а она спросонья как грызанет его — оба запястья в кровь! И в угол сразу забилась, дрожит, сжалась. Но мы тихо, спокойно, руки забинтовали, как ничего не было. Днем зовет меня внучка: «Бабуся!» — ей четыре года,— я из кухни выхожу и обмерла: внучка нацепила на эту собаку корону, а теперь натягивает шубу Снегурочки. Я ей так, еле-еле: иди, иди, милая, сюда, брось собачку. Внучка корону сняла, а собака так вздохнула облегченно и легла. Сын ей говорит: «Ну что ж ты, дурочка, сделала?» — и руки свои показывает, а она прям завиляла, забегала, и давай всем тапочки из прихожей носить».

Бывает. Ну а что касается процедуры — это просто. Здрасти, здрасти. Я на усыпление. Проходите. Кусала кого, царапала? Нет. Распишитесь, что нет. Заплатите, распишитесь. Всего доброго. Товарищ уходит. Собаку ведут в морг, в холодок, на столик. Морду перевязывают. Укол. Повизгивание. Спи.

В холодильник. В контейнер. Раз в неделю приходит машина. На Люберецкий утиль-завод. Перемалывают. Хорошее это, товарищи, удобрение.

Есть те, которые хоронят по-людски. Если собака умирает при ветеринаре, что редкость, он обязательно спросит: «Забирать?» Если «нет», значит, вы крамольно хороните своего Пиратку в черте города у железнодорожной насыпи и ходите по десять лет глядеть на одному вам приметный бугорок и смаргивать слезы. Или, если побогаче, то, как один профессор,— на даче. У профессора целые четыре могилы и памятники.

На Западе, говорят, есть кладбища и даже церкви, где для усопших кобелей и особей женского пола есть обряд... Да на Западе вообще много чего разного бывает, что нам до него.

Так, ну кто там у нас еще?

«Сигрида де Жаколь, американский коккер, по-домашнему — Санти. У нее — роды, одиннадцать щенков, не отошел послед, температура 41, глаза мокрые, лежит, ночь. Звоню всюду. На дом не едут. По телефону: «Колите окситоцин». «Если хотите, чтобы матка разорвалась, колите окситоцин». «Что? Какой окситоцин?» Схватила такси, уже днем, и на станцию. Народу никого. Врач сказал: «Я хирург, я ничем таким заниматься не буду». Я плачу. А он: «Да ей жить осталось тридцать минут». Я начинаю кричать, что заплачу любые деньги. Он делает укол, витамины. У собаки ведь был, оказывается, послеродовой авитаминоз. Я протянула ему тридцать рублей. Он странно на меня глянул. Я положила еще двадцать пять. Спросила: «Этого хватит?» Он подумал и ответил: «Это нормально».

На ветеринарную станцию, схватив такси или на детской коляске за тридевять земель, своего питомца повезет только неопытный первогодок. Люди зрелые появляются на станции только за штампиком в документах и строго без собаки, чтоб не сидеть потом и гадать: подхватила она что в коридорах станции или нет. Собачку при вынужденных контактах с этим учреждением обычно может заменить прямоугольная бумажка, которая обеспечивается золотом Госбанка СССР и подделка которой преследуется по закону.

Зачем вам ввергать плачущего от боли четвероногого друга, от сострадания к которому у вас отнимаются ноги, туда, где нет ни лекарств, ни бинтов, ни ваты, ни одноразовых шприцев, где на собаку будут глядеть брезгливо с трех метров, где с операционного стола — сразу домой, и дураком будете, если оставите, где нет даже нашатыря или просто холодной воды, чтобы привести хозяина в чувство, и это сделают снегом с подоконника, где не прорваться на рентген, а если вы попытаетесь сделать анализы, то не удивляйтесь, если виденных вами собственными глазами, простите, глистов в сдаваемой баночке в лаборатории не обнаружат, да и ответ-то придет месяца через полтора,— зачем вам все это?

Зачем вам государственная ветеринарная служба, которую невозможно вызвать домой, где все рассчитано и скроено на сельскохозяйственных животных: и врачи, и вакцины, и внимание, а вашим драгоценным перепадет только то, что останется: неподошедшее, просроченное, испорченное, ведь от них — ни молока, ни мяса, ни шерсти клок. Зачем? А что там у вас?

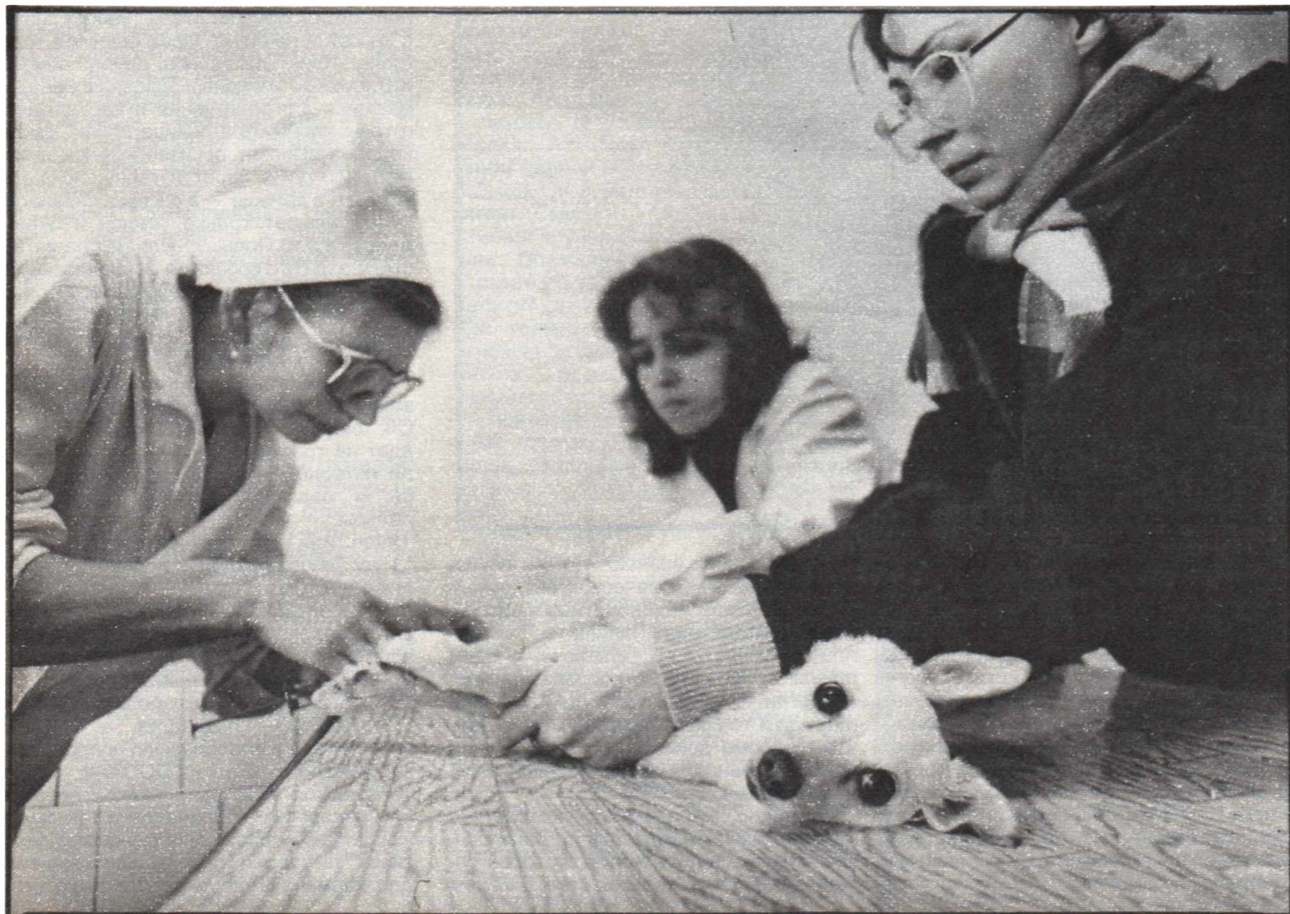
«К моему псу приехали из провинции на вязку. Все нормально. А потом я заметила у него шишку. Может, поцарапался? Температура поднимается, побежала на ветстанцию. Говорят: гематома. Разрезали, зашили. А дома собака лежит пластом, кладешь мясо на язык: не может ни плюнуть, ни проглотить. Утром приходят на дубль-вязку, а пес мой едва живой, товарищ из провинции орет: вчера был здоров, а сегодня — нет? Вызываю частников. Они делать ничего не хотят, но твердо объясняют: у собаки была не гематома, а киста. А теперь у нее от этой ошибочки — общее заражение крови. Кровоизлияние от опухоли могу отличить даже я, если бы мне показали разрез!»

Не серчайте на меня, граждане ветеринары. Везде точно так же. Все точно такие. Все одинаково — на грани развала. Лучше нету.

Умудренное большинство владельцев кобелей и особей женского пола (заводчиков) сами достают лекарства, шприцы. Сами прививают. Чего не достают — того не делают. И лечить пытаются сами, перезваниваясь, сообща, ну а если хвороба грозна, раскрывают телефонную книжку на главной странице и обращаются за помощью в народную ветеринарную службу. К «своему врачу». И тот приезжает на зов, ласковый, как голос тещи, собравшейся погостить.

Народная ветеринарная служба, как и народная торговля, народная служба быта, народный ликеро-водочный промысел,— это второй после стихийного создания Советов пример самостоятельного творчества масс в ходе построения и развития нового общества. Путем бережливости и рачительного хозяйствования массы сумели из той же величины общественного сырья в свободное от работы время во много раз увеличить размеры услуг, оказываемых друг другу, не выпячивая при этом свое достижение, но показав это повсеместно. Народная ветеринарная служба — это тот же самый врач из ветстанции, это те же самые лекарства, скорее всего оттуда же, те же самые собаки и владельцы, не говоря уже о болезнях. Добавление лишь одно: услуга оказывается как бы из-под полы. И навстречу ей из-под другой полы идет оплата. Вот где пригодился опыт подполья!

И какие перемены! «Свой врач» с удовольствием приедет на дом в любое время, его передают по наследству, он дорожит репутацией, к этому концу или к тому он собаку выведет точно, будьте спокойны! В прекрасные годы процветания застоя визит тянул всего на десять рублей, и врач мыл руки, пил чай, с ним можно было поговорить бесплатно. Ему протягивали двадцать



пять, а он склонялся к «дипломату», копался и протягивал владельцу десятку обратно с тихой укорной улыбкой земского врача: «Я думаю, так будет справедливо». Цены возникали от соударения неловких взглядов и стыдливых терзаний, отчего случались конфузы. Профессор из важной клиники уродовался над сложной операцией на костях мелкой собаки, угодившей под колеса. Тяжелейшая операция завершена, вздохи, охи. Хозяин, расхрабрившись, открывает рот: «Сколько я вам должен?» «Ах! — говорит профессор.— Столько, сколько не жалко вам за своего любимца». Хозяин с доброй улыбкой протянул десятку. Больше профессор туда не придет.

Первые залпы капитализма разладили тихое и слаженное существование подлинного народного хозяйства. Откуда ни возьмись выныривают шальные кооперативы с домашними телефонами, хвалят себя, колют испорченную вакцину, дистиллированную воду, рвут по двести рублей за кесарево сечение, а через две недели расходятся швы, и кооперативы тут же взрываются, разлетаются, а на их место прут новые, и концов не сыщешь.

Среди «своих врачей» тут же поубавились лица с человеческим выражением, замелькали малопонятные хари, которых раздражают пациенты, и бесплатные советы по телефону, и цены пошли в затылок за кооперативными: полсотни — за то, чтобы прийти и глянуть, да и то если владелец может дать что-то кроме денег.

Хотя странно. Неужели сейчас есть что-то кроме денег?

Ну ладно. Человек берет собаку не на свою жилплощадь, где он прописан. Он берет ее в свое время, которое рожден. И если в большинстве больших товарищей задыхается до смерти мечта маленького товарища о щенке, то как же ничтожна площадь нашей жизни, как бедна она и голодна, если ее могут сделать невыносимой всего четыре лапы и холодный здоровый нос, если такое непростое, опасное, темное, несчастное дело — быть советской собакой, когда ты не грызешь шпионов, не носишь под мост мешок с взрывчаткой или донесения разведки в ошейнике, не раскапываешь мины и не рычишь на демонстранта, а угораздило твоего хозяина взять тебя в свое время, когда все взорвалось, а то, что не взорвалось — в состоянии распада. Когда все, что делали с нами, оказалось выжиманием, а то, чем занимались мы, оказалось выживанием, и теперь незачем стало работать, не к чему звать, нечему учить, нечем гордиться и все различия между людьми стали проходить по линии: уже доказанный подонок — и еще не доказанный, когда все сложили руки в презрительной усмешке от сознания, что этого времени не пережить. В этой очереди нам не достояться. Не дождаться приемного дня.

А вот что касается Запада, Запада, то уж там-то и частные питомники, и прекрасные породы, и щенков после шестого уничтожают: сосков же у матери всего шесть, зачем лишние рты? И продают щенков только в четыре с половиной месяца, а не почти моментально, как у нас,— и держать негде, и корма не сыщешь; и собаки там гуляют по Булонскому лесу (если есть такой), друг друга не замечая, и не нюхают брюки прохожим. И многое другое.

А у нас было тоскливо: единство, план производства, каждой особи женского пола кобель плюс дублер — и вся любовь, никакой свободы. Хочешь самостоятельно разводить — мчись в другой город на вязку под страхом позора и разоблачения. С другой стороны, все потихонечку продавалось и покупалось, и темные дела проворачивали. И тут пришла свобода, раздавила все и взорвала. И что же?

Народ ринулся по клубам. Вверх полезли раньше скромные дельцы и невежественные обиженные, которые не знают, сколько у собаки ребер. Все активно стали хапать места и власть. Клубов, настоящих и теневых, расплодилось пропасть. Люди поразворотливей объявляют о создании всесоюзных ассоциаций — их уже не меньше шести. Одна даже с печатью районного клуба. Клубы лопаются. Председатели уносят ноги с кассой и печатью. Идет бешеная торговля. Крик, похвальба, дикий обман. Хитроумные товарищи завозят с Запада машинки для клеймения и кого угодно готовы клеймить в принца крови. Из-за кордона вывозят производителей и гоняют их тут в хвост и гриву, пока не устанет, а дальше — в распыл. С Запада к нам плывет только темное и очень деловитое. В Польшу, если нет валюты, стали ездить с собаками — кавказскими овчарками и черными терьерами. Порядка нет никакого, и если вы вместо собак подставите людей, убедитесь, все точно так же — жизнь одна.

А что делать в этой круговерти человеку, который решился взять собаку? Он, бедный, идет на Птичий рынок, едет на троллейбусе туда, куда хлынули потерявшие честь порядочные клубы и обретшие свободу «теневые» дельцы.

Иди, иди, там тебя встретят.

Там теперь раздолье и чудеса. Прогуливаешься по рядам:

— Сколько ваша овчарка? Семьдесят? Неплохо для собаки без родословной.

— Бери, хозяин, собаку в дом!

— Да хотелось бы с родословной.

— Погоди,— покопался в корзинке.— Я тебе и родословную продам еще за семьдесят. Хоть из ДОСААФ, бери!

На рынок веселым ручейком перетекли лекарства от причалов и так скудных аптек, и флакончик сыворотки уже тянет на тридцатник — «потяжелев» для кармана в шесть раз, и ваше сча-

стье, если это все-таки будет сыворотка. Народ гуляет и радуется что есть сил: покупаете за три сотни ризеншнауцера, а он вырастает, как пудель. Печальные щенки в корзинках меняют породы в зависимости от настроения хозяина: то овчарка, то черный терьер, то пудель, то коккер, а если вы, обжегшись, решитесь купить щенка только из-под брюха матери, то кто ж вам сказал, что собаку нельзя обучить греть боком чужепородного щенка? Вас обманут легко-легко и красиво.

А вы все равно едете на троллейбусе, толкаетесь в толпе, ищете собаку, вы задаете вопросы, говорите, что надо, и выдаете с головой всю свою душу, и жизнь, и смутное свое время. И первое, что вы спрашиваете: «А собака будет большой?» — это главное. Это раньше собаку брали такую, чтобы все ахнули, теперь ищут такую, чтоб вы вышли из подъезда и она всех съела!

Это в прежние умиротворенные годы любили и выцеловывали карликовых да декоративных и бурями проносилась всенародная тяга то к английским коккерам, то американским, и лишались рассудка от крохотных, тявкающих, пушистых. Все это уже проехали! Теперь широкие массы требуют: дайте нам злобу! Нам страшно жить!

Наплели про бультерьеров, что они при скромном росте беспощадны и малочувствительны к боли,— и все бросились за бультерьерами, дайте нам их, нам с собакой не общаться же, а чтоб зубы были! За любые деньги. Теперь в Отечество вступают грозные питбультерьеры, которые могут и хозяина грызануть, про которых в просвещенном зарубежье пишут разные страхи и ужасы, серьезно задумываясь: а нужны ли обществу собаки с генерализованной агрессивностью,— то есть как это нужны ли? А мы на что? Давайте их нам! Цены радуют глаз. Хороший щенок привычной овчарки три года назад тянул на пять сотен, два года назад — до семи, прошлый год — полторы тысячи. Я уж не упоминаю про такую собачку, как шарпей, за которую спрашивают и по 35 тысяч, время диктует цены.

Да? Да что вы говорите, это очень интересно! Сколько разного интересного можно услышать в очереди у кабинета на ветеринарной станции под лампочкой, мигающей: следующий, следующий...

Следующий!

«Мы изгнанники в обществе. Нас ненавидят. Кричат, что наши собаки съели все мясо и детское питание, лают, гадят, кусаются. Нас постоянно провоцируют. Я зашла в кулинарию, дочь моя с «ньюфом» (ньюфаундленд.— **А. Т.**) осталась у входа. И шел мимо мужик, увидел: «Ага, домашний коврик!» Поднял ухо «ньюфу» и свистнул. Тот и прыгнул. Разве виноват? Народ сейчас разваливается, разбегается, а мы — едины. У нас подлинное товарищество и чувство локтя, вместе переживаем, радуемся, боремся. Мы совсем другие люди. Наши дети растут рядом с собаками — они не смогут стать злыми людьми».

А что вы хотите сказать?

Я хочу сказать: возьмите собаку себе.

И это неправда, что все потеряно и нам осталось только доживать. У нас впереди прекрасная, счастливая наша жизнь, и она уже есть. Надо только вспомнить себя ребенком — человеком. Вернуть себе чувство личного, светлого, очень важного господства, чувство своей единственности, ощущение, что цельность мира зависит только от цельности твоей. И заявить на всю округу: я — человек, я такой сильный и отважный, что могу себе позволить излишек тепла — для других, бескорыстно, и не скрывать его обезличенными очередями, а защищать его что есть сил.

Шаг к животному — это шаг от зверя. Собака — как поводырь, она выведет к теплу, дому, людям, к миру — и к себе.

Человеку необходимо почувствовать, что есть кто-то, кого надо защищать, есть кто-то, дальше кого ты отступать не сможешь и пасть ниже тоже не сумеешь, не наступив на живое. Есть кто-то, кому не объяснишь, почему ты бессилен и смирился,— ему этого не понять. И ты не сможешь сдаться. Но зато тебя никогда не предадут и оценят по очень простому, но очень беспощадному счету.

И тогда наконец-то мы поймем, что самое главное в нашей жизни случается не тогда, когда лысоватые дядьки в телевизоре черкают недешевыми перьями внизу важных бумаг, с брезгливыми гримасами, будто отчисляют алименты, а потом бросаются обниматься и тискать друг друга. Самое главное в вашей жизни случается тогда, когда лампочка над кабинетом мигает «следующий» и ваша собака начинает дрожать, а вы — зеленеть, и вы переступаете порог, ослепнув, умерев.

Быть может, собака вам поможет остаться живым человеком. И чувствовать, когда вас унижают.

Вообще какое счастье, что мы рождаемся не собаками! А хотя, может быть, и нет?

И чтобы, товарищи, не заканчивать в таком грустном настроении, давайте посмеемся на прощание. Что у вас есть из веселого, из своей собственной человеческой жизни, намного счастливей, чем собачья?

«В реанимации с нами лежал швед. Медсестра замечает: нет у него третий день стула. Надо бы клизму. Мы с соседом смотрим. Сверху лампы гудят круглые. Сестра налила полную кружку, подняла повыше, вода: буль-буль-буль, чмок-с — ушла. Швед лежит, лицо — маска. Ноль эмоций. Медсестра налила вторую: буль-буль, чмок-с — до капли. Швед хоть бы хны. Печальное такое лицо. По-русски ни бум-бум. Мы с соседом смотрим. Сестра наливает третью кружку, поднимает повыше, вода — буль, и тут раздался жуткий залп! Медсестра отлетела в одну сторону, кружка в другую, швед как и был, а мой сосед, инфарктник, которому полная неподвижность, вдруг начинает активно ерзать так, ерзать и все куда-то вверх косится, норовит как-то отползти. Я тоже смотрю вверх: а прямо над ним, на лампе зависли остатки этого залпа и намереваются бомбардировать прямо на соседа. Посмеялись потом».

«А вот у нас было. Сидят врачи и сестры ночью, чай пьют. Они вообще это дело любят. У них вообще работа хорошая, если бы не больные. Стучат в дверь. Они обомлели — час ночи, дверь открывается, заходит больной в пижаме, а у него в голове торчит иголка. Ах! Что? Оказывается, ему утром делали иглоукалывание и иголку забыли. Он думал, так надо, а спать не может. Смех!»

«Еще случай был смешной с катетером. Обезболивали больного, глядь: а катетера-то нету! Ушел в вену. Что делать? Он пластмассовый, не сыщешь. Как только угодит в сонную — все, мгновенная смерть. А когда он еще угодит-то... Так и выписали. Ничего ему не сказали. Так и ходит. Если ходит».

«Привезли роженицу, а врач говорит: у нее прыщик, пусть рожает в инфекционном отделении. Идите! Она пошла и прямо во дворе между корпусами родила!»

«Врач говорит: я так тороплюсь, что у вас? Так я сегодня у вас уже был! Да я не помню, что у вас? Вы меня направляли на ультразвук. Ну вы сходили, давайте я посмотрю, так, все хорошо у вас, до свиданья! Так у меня камни в почках нашли! Да? Гм... действительно. Ну, это у всех бывает, до свиданья. Так что ж мне делать? Да ничего. Поищите лекарства, я где-то читала, что есть лекарства, которые камни рассасывают, до свиданья».

«Врач подошел и говорит: «Ну чего ты стонешь? Тихо помирай себе».

Ну, вот и все на сегодня. До новых встреч.

Приходите еще!

«Где анекдоты от Никулина?» — заваливают нас письмами читатели. «Не буду выписывать журнал, если не будет анекдотов!» — такие вот жуткие угрозы. С этим вопросом мы обратились к народному артисту СССР, Герою Социалистического Труда Юрию Владимировичу Никулину: где?

«Вот анекдоты от Никулина»,— ответил он.

* * *

В ресторан пришла мартышка и заказывает бутылку водки и стакан сметаны. Ей приносят. Она выпивает всю бутылку и начинает лить себе на голову сметану. Ей кричат:

— Ты что?!

Она отвечает:

— Вы знаете, когда я напьюсь, то такая дура, такая дура.

* * *

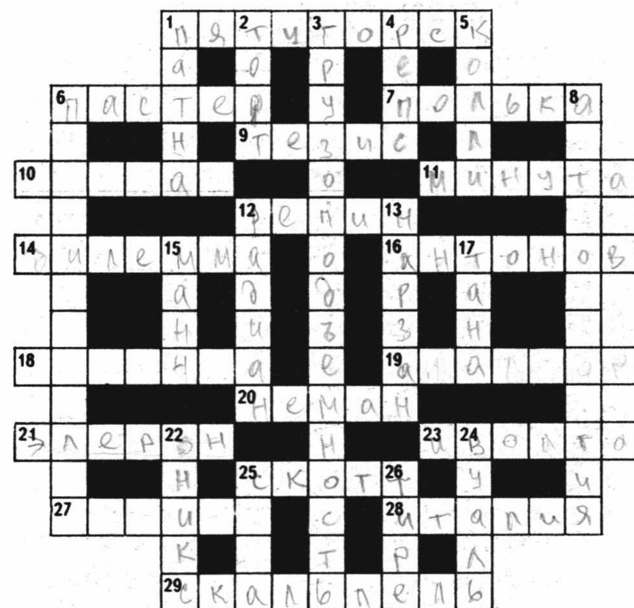
Идет корова по дороге, взъерошенная, ободранная, еле ноги волочит. Ее спрашивают:

— Корова, ты откуда?

— От верблюда.

* * *

Из медицинского заключения: «Вскрытие показало, что смерть наступила в результате вскрытия».



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Город в Ставропольском крае. 6. Французский ученый XIX века, положивший начало развитию микробиологии и иммунологии. 7. Народный и бальный парный танец. 9. Утверждение, требующее доказательства. 10. Морская рыба отряда окунеобразных. 11. Единица измерения времени. 12. Русский живописец, передвижник. 14. Суждение, содержащее два исключающих друг друга положения, из которых необходимо выбрать одно. 16. Авиаконструктор, Герой Социалистического Труда. 18. Спутник Урана. 19. Озеро в Казахстане. 20. Река, впадающая в Куршский залив Балтийского моря. 21. Подвижная часть крыла самолета. 23. Лесная певчая птица. 25. Английский писатель, создатель жанра исторического романа. 27. Выступ здания, перекрытый полукуполом. 28. Государство в Европе. 29. Хирургический нож.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Город в Северной Индии. 2. Кондитерское изделие. 3. Предельная нагрузка вагона, судна. 4. Плотная ткань в мелкий рубчик. 5. Порода служебных собак. 6. Пьеса И. С. Тургенева. 8. Наука о биологической природе человека. 12. Единица измерения плоских углов. 13. Минеральная вода. 15. Немецкий писатель, автор романа «Будденброки». 17. Озеро в Эфиопии. 22. Минерал, разновидность агата. 24. Легкая прозрачная ткань. 25. Приток Дуная. 26. Знак препинания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Увертюра. 8. Поленова. 10. Альметьевск. 11. Эффект. 13. Савина. 15. Маргарита. 17. Фронтон. 18. Апухтин. 19. Кросс. 21. Кружево. 22. Аникеев. 26. Тонус. 27. «Свисток». 29. Ишмурат. 30. Евреинова. 31. Погреб. 33. Макута. 34. Образование. 35. «Инженеры». 36. Девичник.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Формат. 2. Феникс. 3. Бутафория. 4. Тюльпан. 5. Славута. 6. Мартиника. 9. Страхов. 12. Конферансье. 14. Архитектура. 15. Мороженое. 16. «Аптекарша». 19. Кювет. 20. Синус. 23. Навигация. 24. Антипов. 25. Статуэтка. 28. Квартет. 29. Иванова. 32. Болеро. 33. Менчик.

ESTIND БЕРЕТСЯ ЗА МНОГОЕ И УСПЕВАЕТ ВЕЗДЕ!

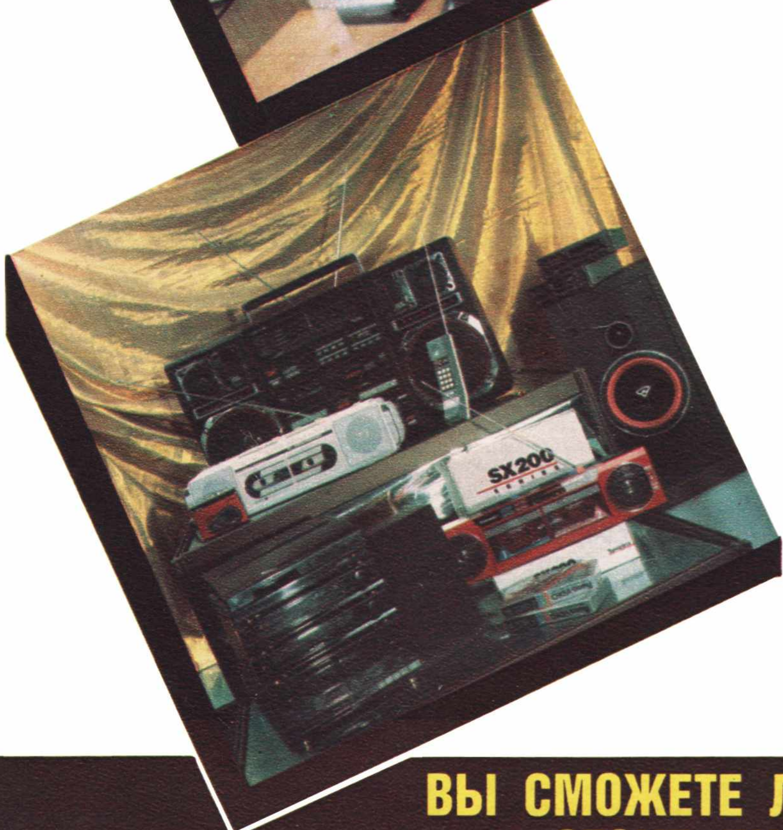
ESTIND INTERNATIONAL

Совместное
советско-американское предприятие ESTIND —
это разносторонняя деятельность
на территории Советского Союза и за рубежом:
производство, коммерция, концертная деятельность
и многое другое.

ESTIND представляет:

«MIA SHOE» — первый в СССР
специализированный магазин
итальянской детской обуви из натуральной кожи,
прошедшей специальную обработку для наших
погодных условий.
Цены ниже европейских.
Адрес: Новослободская ул., 50/1, телефон: 972-11-79.

ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩАЯ ВЫСТАВКА-ПРОДАЖА
множительной техники, спутниковых телеантенн,
профессиональной и бытовой радиоаппаратуры,
акустических устройств высокого класса.
Адрес: Дворец культуры МЭЛЗ, пл. Журавлева, 1,
телефон: 963-64-24.



Первые в СССР рестораны типа «английский паб»:
«BROWN BEAR» — по мнению английского посла,
паб выдержан в лучших английских традициях:
хорошее пиво, вкусные закуски, уют.
Цены ниже европейских.
Адрес: 1-й Красногвардейский пр., 12,
Центр международных выставок на Красной Пресне,
павильон № 2, телефон: 255-42-37;
«GALAXI» — 2-й Сельскохозяйственный проезд,
д. 6. СТОА № 7, телефон: 181-06-31.
«ДРУЖБА» — ресторан, где за невысокие цены
предлагают аппетитные и качественные
русские и европейские блюда,
тут же можно купить любую
понравившуюся картину из окружающего интерьера.
Адрес: 1-й Красногвардейский пр., 12,
Центр международных выставок на Красной Пресне,
павильон № 2, телефон: 255-29-70.
Оплата в рублях и СКВ

1 руб. Индекс 70663

ВЫ СМОЖЕТЕ ЛЕГКО ОЦЕНИТЬ НАШИ ДОСТОИНСТВА, СТОИТ ЛИШЬ ОДНАЖДЫ ПРИЙТИ К НАМ. ESTIND ЖДЕТ ВАС ВСЕГДА!